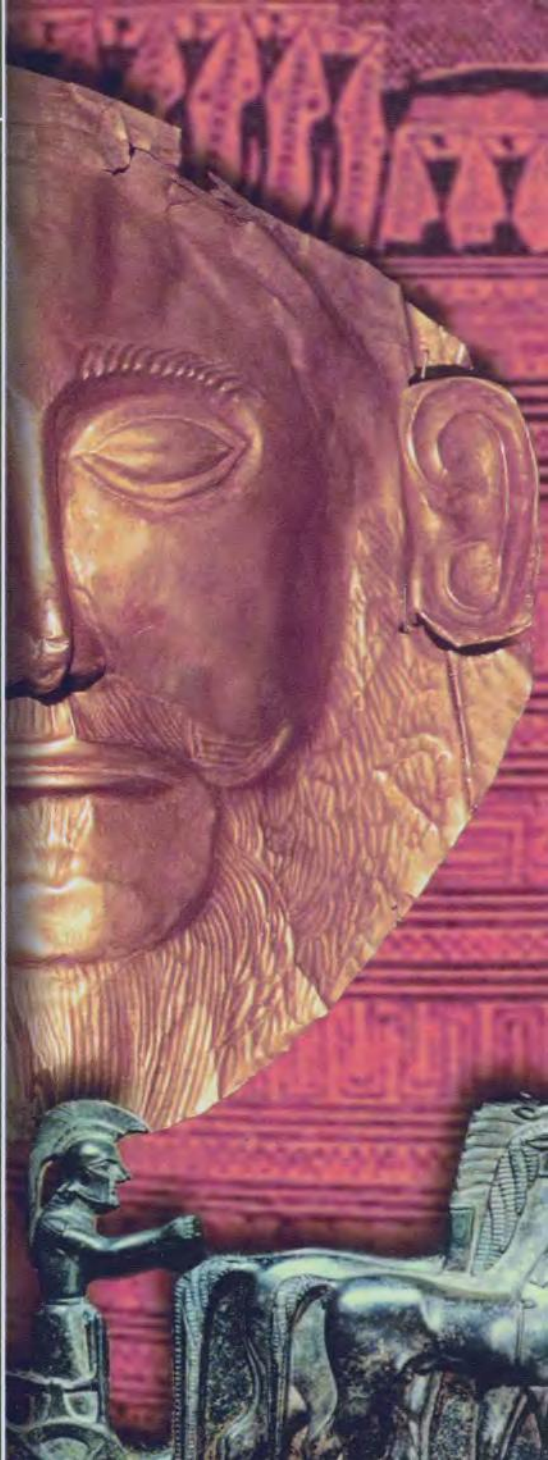

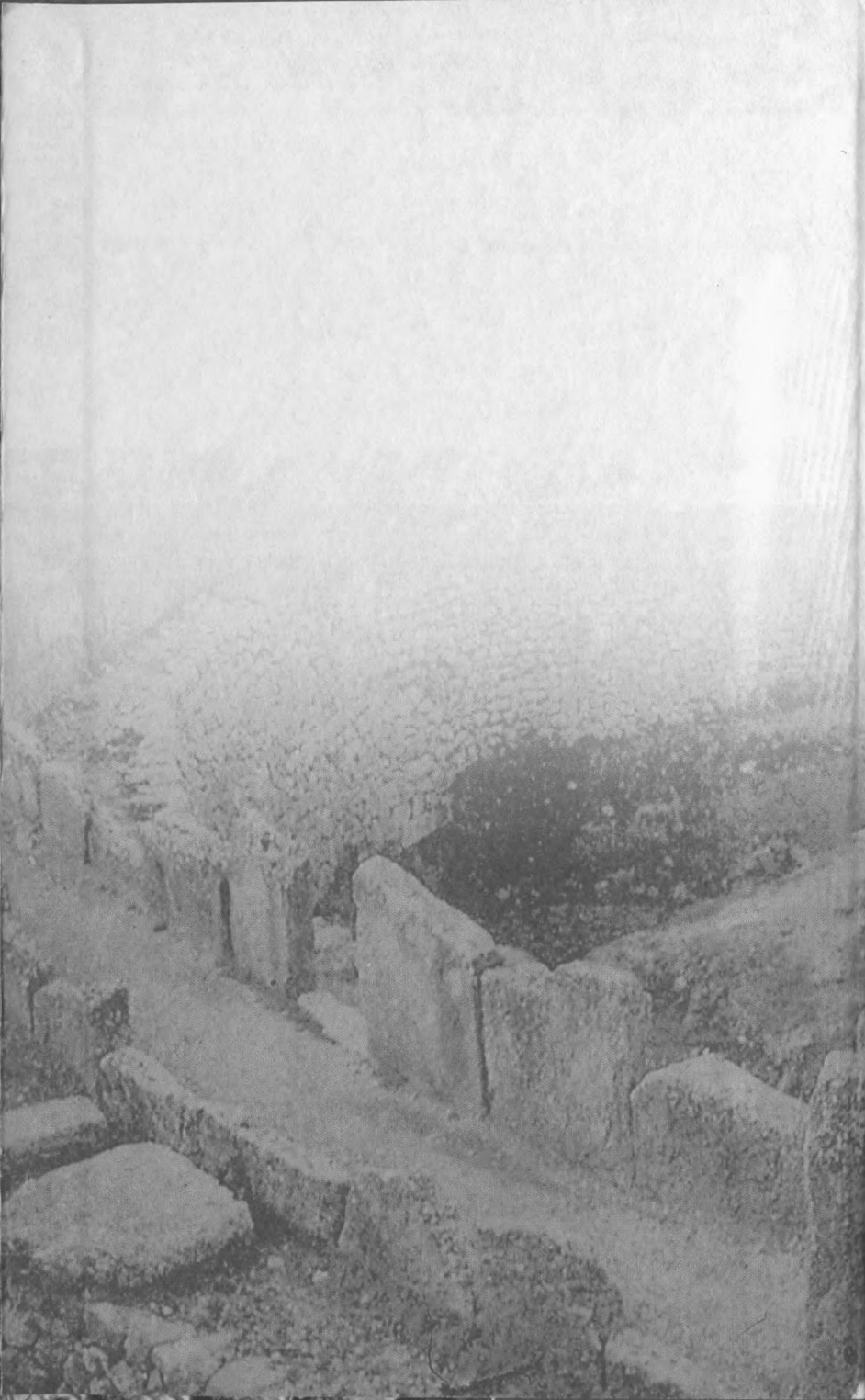
ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

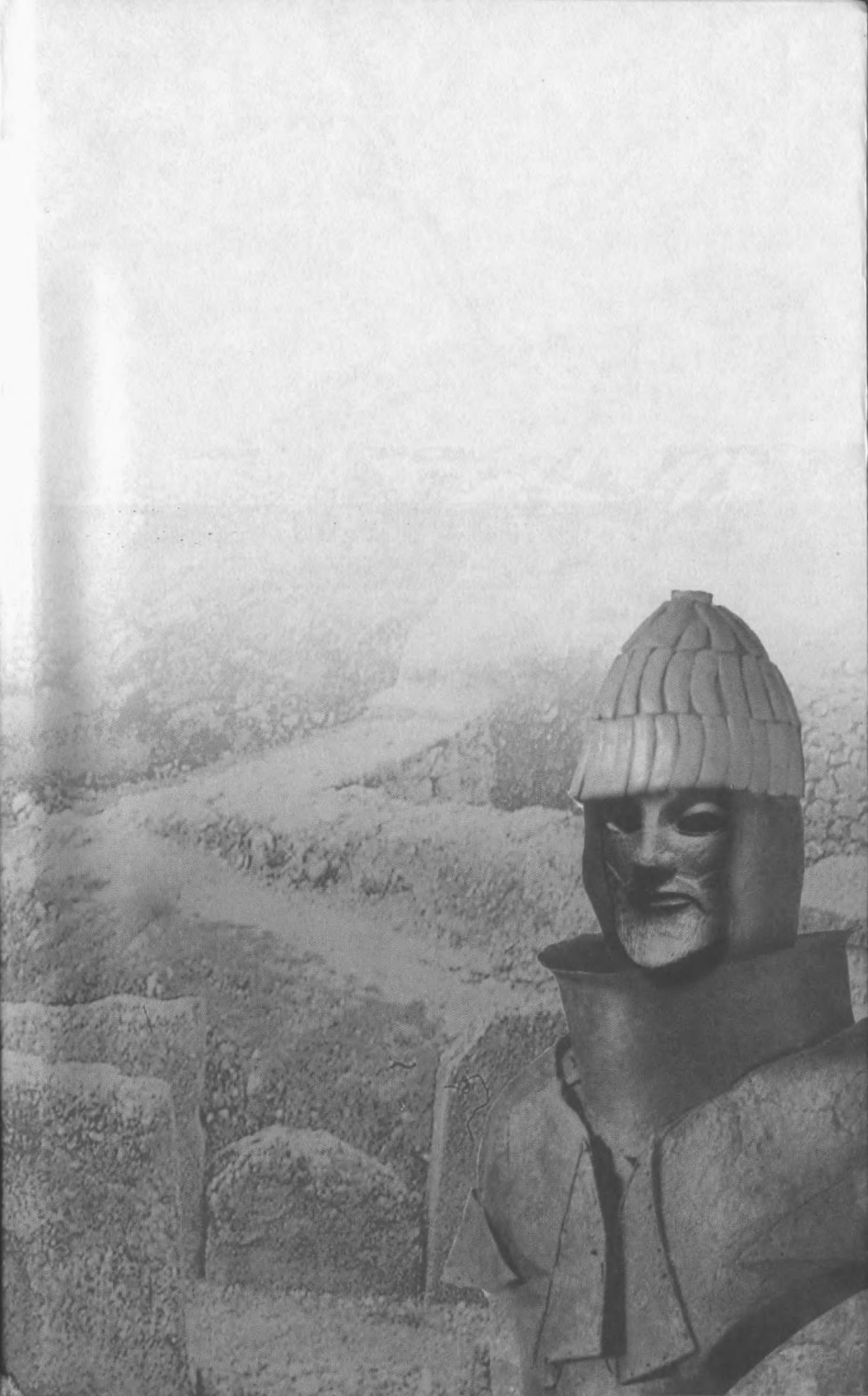
Поль Фор

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

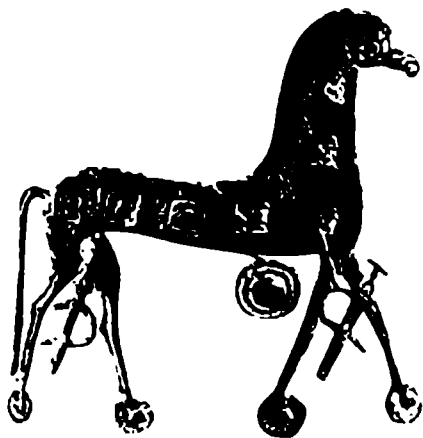

ΑΙΤΝΤΟΣ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Поль Фор

Paul Faure
LA GRÈCE AU TEMPS DE
LA GUERRE DE TROIE
1250 av. J.-C.

HACHETTE LITTÉRATURES

ЖИЗНЬ ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

МОСКВА МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · ПАЛИМПСЕСТ 2004

УДК 937/938
ББК 63.3(0)32
Ф 79

*Перевод с французского
М. В. МАЛЬКОВОЙ*

*Научная редакция
Н. Н. ТРУХИНОЙ*

*Перевод осуществлен по изданию:
Paul Faure. La Grèce au temps de la guerre de Troie. 1250 avant J.-C. Paris,
Librairie Hachette, 1975.*

ISBN 5-235-02371-4

© Librairie Hachette, 1975
© Малькова М. В., перевод, 2004
© «Палимпсест», 2004
© Издательство АО «Молодая гвардия», 2004

ВОСКРЕШЕНИЕ ЦЕЛОГО МИРА

Восемь золотых масок — как застывшие солнца. Вот они, в витринах Афинского археологического музея, — сияющие, притягательные, неотразимые. И уже почти сто лет у множества людей они вызывают одни и те же вопросы: какая драма в «златообильных Микенах» смежила эти набрякшие, плотно слепленные веки? Какие ароматы вдыхали эти прямые, высокомерные носы? Или эти слишком тонкие губы? Что за молитвы они шептали, какие приказы выкрикивали, каких яств и напитков касались, кого целовали и кто целовал их? А это треугольное лицо с лихо закрученными усами и окладистой бородой, неужто оно являет нам облик самого Агамемнона, царя царей, дочереубийцы, обманутого супруга и поверженного победителя? Брови нахмурены, губы крепко сжаты. Восемь ликов словно укрылись от нас завесой вечного сна.

Однако освещение меняется, и играющие тени медленно оживляют маски бесстрастных богов. Они утрачивают неприступность, и вот уже как будто улыбаются. Губы кривит ироническая усмешка: «Нет, мы не Атрей, не Фиест, не Агамемнон, не Менелай, не Эгисф и не их дети. Мы жили за 300—350 лет до Троянской войны. Мы построили первые дворцы на Пелопоннесе. Мы сражались, носили драгоценности, пили из чаш, что стоят в соседних витринах. А если вы хотите заставить нас поведать о созданной нами цивилизации, обратитесь к поэтам, драматур-

гам, художникам античности, к нынешним археологам, дешифровщикам неизвестных письмен, ко всем этим бравым фантазерам, превратившим легенду в историю».

Источники

По-своему герои древности продолжали существовать всегда. Будучи призраками, они не давали покоя воображению исследователей. Гигантская когорта писателей — от известных нам античных поэтов до Ж. П. Сартра — и поныне в музыке, стихах или прозе воспевают их подвиги и печальную судьбу. Еще задолго до Гомера, создавшего «Илиаду» и, несомненно, также «Одиссею» в VIII веке до н. э., исполнители священных песнопений на тризнах, аэды на пирах, сказители и певцы на площадях возвеличивали первое греческое чудо. Все были уверены, что эллинский мир в XIII веке до Рождества Христова сверкал несравненным блеском. Персонажи Гомера намекают на богатое разнообразие эпических произведений и легенд, из которых черпали сюжеты первые сочинители. Более того, герои Троянской войны, воинская элита, ахейские захватчики и цвет азиатских защитников отечества, скорее всего были воспеты или подвергнуты злословию еще при жизни: барды и всякого рода скомоорохи существовали в индоевропейском мире с самых отдаленных времен. Ведь иначе и представить невозможно, чтобы столько подвигов, глупостей или преступлений в более или менее искаженной форме дошли до наших дней. Именно устная традиция позволила автору «Илиады» и «Одиссеи» описать общество, его обычаи и костюмы, уже к тому времени исчезнувшие. Он упоминает города, разрушенные за 500 лет до его времени, богов, предшествовавших тем, коим молились его современники. Поэт употребляет священные слова, выражения, поэтические формулы, чей смысл уже невнятен ему самому. В противном случае потомки и комментаторы Гомера не оставили бы нам столько противоречивых толкований его поэм.

Но сколь роскошным ни представлял бы в эпическом освещении восстановленный микенский мир, он явно требовал драматической формы повествования. Мало было просто рассказать про то, как Елену, супругу «белокурого» Менелая, соблазнил и похитил прекрасный Парис-Александр, второй сын Приама; как ахейцы, жители континентальной и островной Греции, вооружив громадный флот и отправившись мстить за оскорбление, опустошили Троаду и устье Дарданелл, а потом гибли и бесследно исчезали на обратном пути домой. Нет, дабы по-настоящему воскресить те события, их следовало разыграть на сцене. Всегреческие психодрамы? А почему бы и нет? Уже в VII веке рапсоды в пышных костюмах соревновались на местных и международных конкурсах, представляя на суд публики искусство мимики и диалога. Уже тогда в Сикионе и Фивах трагические хоры пели о страданиях великих героев. Греческий народ, воспринимавший в архаическую эпоху бытие как диспут или диалог, но еще точнее — как игру, превратил дифирамб и трагедию в предпочтительную форму проявления своей философии. Классический театр, одухотворяемый приключениями людей и богов эпохи Троянской войны, пытался вернуть их к жизни.

Глубинный смысл аттической трагедии — конфликт между личной ответственностью и некими коллективными силами, преследующими, проклинающими и мучающими героя. В театре Эсхила, Софокла и Еврипида неизменно слышится двойной вопрос-восклицание: «почему?» и «увы!». Эдип, Ахилл, Дионис, Геракл, Кассандра, Электра и Антигона вновь и вновь приходят на эту землю, чтобы оправдать себя, объяснить и разъяснить свою горькую судьбу. В последующие столетия их так часто видели на сцене, что уверовали в этих героев, как верят в знаки свыше или в присутствие мистических существ.

Стало быть, если хочешь представить, какой была повседневная жизнь на архипелаге и берегах Малой Азии в конце бронзового века, вполне естественно обратиться не к одному Гомеру, но и к другим поэтам.

Стоит спросить жрецов, составителей генеалогий и мифографов, историков и драматургов, художников-керамистов, скульпторов и философов ушедших времен. Короче говоря, надо воззвать к литературной и художественной традициям, что даст не только имена, но и высветит душу людей и предметов. Все, кто хоть немного пожил среди пастухов, крестьян, торговцев и моряков Балкан и Анатолии, знают, с какой простотой и благоговейной точностью на протяжении веков там передаются семейные воспоминания: происхождение, имена собственные, миграции, удачи и неудачи, особенно если постепенно все это обретает нерушимую форму стихотворных песнопений, образов или произведений искусства. В странах устной культуры письмена улетучиваются, но остаются слова. Память здесь оказывается свежее и надежнее, а слово — воистину весомо и по смыслу, и по своим последствиям. Облик старца Нестора из Пилоса или юного Ахилла из Фтии, несомненно, куда меньше изменился за 500 лет устной традиции, чем за 500 лет письменных фантазий.

Археология

Страсть к археологии и этимологии родилась отнюдь не сегодня. Я не говорю об искателях сокровищ и грабителях могил — подобная публика существовала в Греции во все времена. Речь идет о серьезных, вдумчивых исследователях, таких, как Фукидид, Диодор, Страбон, Плутарх, Павсаний. Чтобы придать истории глубину, они искали исчезнувшие микенские города и памятники, поставленные героям. Они описывали циклопические стены крепостей, а также идолов, якобы сотворенных легендарным Дедалом. Правители и цари, вроде Ксеркса, Александра Македонского, Юлия Цезаря или Константина, совершали паломничество в Троаду и бродили по полям *ubi Troja fuit**. И никто не сомневался в том, что Гомер

* Где стояла Троя (*лат.*).

вещал чистую правду. Ликование не знало пределов, когда во время раскопок из так называемой «гробницы Алкмены», матери Геракла, в двадцати пяти километрах к западу от Фив, или из гробницы Диктиса в Кноссе извлекали никому не ведомые письмена, современные, как тогда полагали, Троянской войне. Во множестве святилищ эпохи эллинизма хранились реликвии; эрудиты составляли их описания и каталоги; гиды показывали и объясняли посетителям, чем уникальна каждая из них. Так, в 99 году до н. э. Тимахид перечислял и описывал в линдосском храме Афины на Родосе приношения по обету Кадма, Миноса, Геракла, Тлеполема и всех героев Троянского цикла, включая Прекрасную Елену, по которой тщетно вздыхал. Путешественникам и коллекционерам эпохи Возрождения, недостаточно хорошо владевшим греческим, а также гуманистам XVIII и XIX веков, странствовавшим по Оттоманской империи, оставалось лишь следовать по стопам прежних любителей «редчайшей и древнейшей эрудиции» из Морей или с уступов Леванта. Но даже лучшие умы, столкнувшись с мифами и руинами, оказывались не в состоянии отличить правдивое от правдоподобного. Для них греческая история начиналась не с первой Олимпиады в 776 году до н. э., а во времена, когда фессалиец Эллин дал имя всем грекам, то есть в 1519 году до Рождества Христова.

Именно с такими чувствами немец из Мекленбурга Генрих Шлиман, удачливый коммерсант и страстный любитель античности, в июле 1868 года отправился на Итаку искать дворец Одиссея. Нашел он тогда лишь остатки захоронений железного века и руины архаического города Алалкомен, но тем не менее в апреле 1870-го решил возобновить многообещающие исследования американского консула Фрэнка Калверта на месте предполагаемого расположения древней Трои у входа в Дарданеллы. С «Илиадой» в руках он мерил шагами поле битвы, пытаясь определить место стоянки кораблей и расположение великой стены ахейцев к югу от мыса Кум-Кале. Среди множества существовавших в то время гипотез Шли-

ман склонился к той, что предполагала искать город Приама и Гектора на холме рядом с деревушкой Гиссарлык (по-турецки: «место, где стоит крепость»). Пусть этот холмик всего метров на тридцать возвышался над равниной, и обойти его можно было меньше чем за четверть часа, пусть он мало походил на весьма точные описания «Илиады», Шлиман не сомневался в том, что однажды откопает там мощные укрепления Илиона, города, овеваемого ветрами, полного сокровищ, храмов и дворцов.

Воодушевленный мечтой, щедро расточая целое состояние, заработанное на торговле индиго, энтузиаст принялся за дело сначала вдвоем с женой, молодой гречанкой Софьей, а потом — с помощниками: архитекторами Хефлером и Дерпфельдом и археологом Эмилем Бюрнуфом. С октября 1871 по 1873 год, с 1878 по 1883-й и с 1887 по 1890 год экспедиции под руководством Шлимана раскопали девять основных слоев наложившихся друг на друга развалин. Во время третьего сезона, в 1873 году, в слоях на уровне пожара, обуглившего развалины второго от материка слоя, Шлиман обнаружил клад золотых украшений и смело назвал его сокровищами Приама. Стратификация была тщательно соблюдена, изучена и опубликована, но разрушения верхних слоев, нанесенные отчасти греками и римлянами, а отчасти — археологами, оказались слишком значительными, и в то время не хватило сравнительного материала, чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу. Раскопки пришлось возобновить и продолжить, руководствуясь более строгой и точной методикой, разработанной американскими учеными из университета Цинциннати. Их группа под руководством Карла Бледжена трудилась с 1932 по 1938 год, и лишь тогда стало ясно, насколько легенда близка к истории.

Действительно, предание гласит, что в эпоху героев на одном и том же месте существовали две цитадели: первая — во времена царя Лаомедонта, и кольцо ее укреплений строили боги Аполлон и Посейдон. Царь не пожелал дать небожителям обещанную плату, и один наслал на город чуму, а другой — морское

чудище, пожиравшее всех подряд. В жертву ненасытной твари уже хотели принести Гесиону, дочь царя, но тут явился Геракл и спас девушку. А так как герой, в свою очередь, не получил обещанной награды, он собрал друзей и с боем взял город. Во второй Трое правил Приам, внук Лаомедонта. К тому времени, когда ахейцы под предводительством Агамемнона, спрятавшись в брюхе деревянного коня, захватили и сожгли город, царь успел достигнуть весьма преклонных лет. И вот археологи доказали, что только шестое по счету поселение на месте Трои, окруженное мощной стеной с бастionsами, погибло около 1300 года до н. э. в результате какого-то катаклизма, вероятно, землетрясения, а Трою VII А* сожгли в 1250—1240 годах до Рождества Христова. Широкий и глубокий слой пепла (местами — почти метровый) покрывает развалины небольших, плотно поставленных домов внутри крепостной стены. Сохранились огромные глиняные кувшины для провизии, осколки керамики местного производства, несколько двуручных ваз и горшков микенского стиля, а также — скелеты убитых жителей города. Между тем 1250—1240 годы — именно то время, к которому старейший греческий историк Геродот (История II, 145; VII, 171) относит Троянскую войну!

Пока Софья Шлиман производила на свет двоих детей — Агамемнона и Андромеху, отец семейства искал в Микенах прах их знаменитых тезок. Вооружась книгой старинного автора Павсания, с февраля 1874 года он вел раскопки в кольце циклопических укреплений города. Позже, в августе — ноябре 1876 года Шлиман заложил три раскопа: один — вне укреплений, рядом с двумя монументальными памятниками, которые он назвал гробницами Эгисфа и

* Троя была основана в III тыс. до н. э. (первый слой); в 2100—2200 годах (второй слой) — город являлся резиденцией правителей Трояды (Шлиман ошибочно считал его Троей Гомера); лишь седьмой слой датируется серединой XIII века до н. э.; именно эта Троя воспета в «Илиаде». — *Прим. ред.*

Клитемнестры, другой — на подступах к прославленным Львиным воротам и, наконец, третий — за ними. Под четырехфутовым слоем мусора, скопившегося за тысячелетия, в кругу вертикально поставленных плит Шлиман обнаружил пять выдолбленных в скале прямоугольных могил. Шестую в 1877 году откопал Стаматакис, греческий археолог, получивший задание контролировать и продолжать работу. В погребениях оказалось 19 скелетов (в том числе два детских и девять женских), украшенных драгоценностями и золотыми погребальными масками, рядом стояли деревянные ларцы и сотни сосудов из металла и расписной глины. При виде такого сокровища — более сорока килограммов золота! — Шлиман окончательно уверовал, что сумел отыскать не до конца сгоревшие останки Агамемнона, Кассандры, Эвримедона и членов семьи Пелопса. Лишь кропотливые исследования В. Дерпфельда и греческих археологов XX века позволили выяснить, что тела были захоронены, а не сожжены, следовательно, не могут считаться останками героев Троянской войны; что некрополь хранил, как минимум, вдвое больше погребений и, наконец, что вся обнаруженная утварь относится к XVI веку (приблизительно 1600—1510 гг. до н.э.), а не к эпохе битвы в Трое. И хотя Шлиман не смог разбудить своих героев, он воскресил микенскую цивилизацию!

Его славе не хватало лишь одного украшения — Тиринфа, твердыни Прета, Персея, Амфитриона и Эврисфея. Места унижения Геракла, или, как его называли римляне, — Геркулеса. Предварительный зондаж в августе 1876 года, раскопки Тиринфа Шлиманом и Дерпфельдом в 1884 году, Дерпфельдом и Каро — в 1905-м впервые явили миру истинную форму дворца микенской эпохи, причем именно такого, какой описан у Гомера. Широкая публика узнала слова *циклопический перибол* — крепостная стена из мощных каменных блоков, *мегарон* — просторный квадратный зал с четырьмя колоннами и очагом в центре, *пропилеи* — монументальный «вестибюль», *гинекей* — женские покои в доме, покрытые фресками

(при ближайшем рассмотрении оказавшимися росписью по сухой штукатурке), *тифосы* — огромные кувшины емкостью 100—250 литров, *килик* — чаша для питья на высокой ножке, *депас амфикипеллон* — гомеровский термин, согласно Шлиману, означавший чашу удлиненной формы с двумя высокими ручками. Одновременно нам открылась значительная часть повседневной жизни микенских военных вождей, героев или жестоких деспотов, правивших Арголой за 13—14 сотен лет до Рождества Христова.

Пример славного изыскателя (в 1886 году мы вновь обнаруживаем его в компании с Дерпфельдом на раскопках Орхомена в Беотии) не мог не послужить стимулом к целой серии исследований, не завершенных и поныне. Но в длинном перечне тех, кто вплотную занимался микенской археологией, пять-шесть имен стоят особняком. Прежде всего это Кристос Цунтас, Ален Дж. В. Вейс, Георгий Милонас, большую часть жизни посвятившие изучению развалин Микен и, кроме того, древнейшей истории Фессалии, Пелопоннеса (раскопки в Вафио — на родине «белокурого» Менелая), Элевсия, Кикладских островов. Г. Милонасу посчастливилось работать с И. Пападимитриу в 1951—1954 годах и в ходе раскопок обнаружить, на сей раз — вне стен города, второй круг царских гробниц, оказавшийся на полвека древнее, чем первый. А как забыть о работах Курунистиса и ученых из Цинциннатского университета, трудившихся под руководством Карла Бледжена на холме Ано Энглианос в семнадцати километрах к северу от современного Пилоса в Мессении (1938—1939; 1952—1962)? Используя более осторожные и консервативные методы, нежели их предшественники, например деление на квадраты и послойное изучение с помощью химического и электронного анализа, чаще пуская в ход лезвие ножа, щеточку и кисть, чем заступ и лопату землекопа, греко-американская группа явила нам дворец легендарного Нестора и его потомков, а главное — архивы, точнее, бухгалтерию царского дома Пилоса. Невероятное сокровище, несравнимо более драгоценное, чем все

килограммы микенского золота, ибо оно позволило увеличить почти на 500 лет письменный период истории эллинской цивилизации! Плюс к тому мы увидели двадцатый дворец микенской эпохи в Греции и на островах. Еще одно великое имя в микенологии — Спиридон Маринатос, исследователь Крита минойской и микенской эпохи, своего родного острова Кефалении, Фермопил, купольных гробниц Мессении и Марафонского поля, микенских цитаделей Пелопоннеса и, наконец, счастливый первооткрыватель минойского города, погребенного под вулканическим пеплом Санторина около 1520 года до н. э.

Какая громадная разница между этими терпеливыми «воскресителями» уснувшего мира, с почтением относящимися к любому черепку или обгорелому кусочку дерева, самым обычным следам на камне или глине, и Артуром Эвансом, знаменитым «раскопщиком» Кносса, не заметившим или не пожелавшим заметить, что последние слои и архивы его так называемого «дворца Миноса» принадлежат исключительно микенскому периоду!

Наконец, нельзя умолчать о М. Корфманне и его экспедиции. С 1984 по 1992 год они открыли порт ахейцев возле Бешик-тепе и внушительный город Илион у подножия Гиссарлыка.

В последние 50 лет школы археологов, работающих в Греции, на Кипре и берегах Анатолии, охватило серьезное соперничество. Из Соединенных Штатов Америки, Швеции, Дании, Польши, Бельгии, Германии, а также из Италии и Франции прибывают группы исследователей и довольно быстро публикуют отчеты о своих изысканиях и раскопках. Эти ежемесячные отчеты занимают по три-четыре тысячи печатных страниц, и все-таки ученые не успевают за местными крестьянами: искателями сокровищ, предпринимателями, закладывающими фундаменты новых зданий, а главное — они не в состоянии конкурировать со Службой дорог и мостов, которая прокладывает пути и сооружает плотины, изрядно

перелопачивая древнюю землю Эллады. Число случайных открытий таково, что специалисты не в силах охватить все. В гомеровском «Каталоге кораблей» из II песни «Илиады» упоминаются 164 поселения, по большей части микенских. В 1969 году число известных нам микенских населенных пунктов, процветавших в XIII веке до н. э., только в континентальной Греции, на островах Ионических, Кикладах и Додекадах достигало 413. И это если не упоминать ни о Крите (более ста населенных пунктов), ни о Кипре, ни о побережьях Малой Азии, ни о Сицилии и Италии (приблизительно по 15 поселений на каждом)! Нет исследователя Киклад и Спорад, который ежегодно не находил бы какой-нибудь забытой крепости, на худой конец — вазы с характерной ручкой или осколка кувшина времен Троянской войны. То, что в прошлом столетии было далекой мечтой Шлимана, сегодня стараниями археологов — профессионалов и любителей — обратилось в реальность, которая, подобно тысячеглавой Гидре или тысячеокому Аргусу, с насмешкой следит за нами из узких музейных витрин.

Ахейцы и египтяне?

По-настоящему история начинается с письменных свидетельств. Из четырех методов, предложенных для датировки Троянской войны, — эпическая традиция, подсчеты древних авторов, всякого рода фрагменты, извлеченные при раскопках, эпиграфика — последняя наиболее достойна доверия... будь надписи многочисленны и ясны. Но это далеко не так. Полагали, что иероглифы Египта, земли, где находят великое множество микенской керамики XIV века, запечатлели упоминания об ахейцах гомеровской эпохи, а потому лишённые гласных слоги языка фараонов лихо читали, как подсказывало сердце: *ἄκχαυαῖα* — акхауаша, акайюша, агяваша... В имени *Dne* (дне, дене, дениен, дено) так хотелось увидеть данайцев «Илиады», то есть греков! Ныне эти слова читают как *эквеш* и *днн*. По-

следнее уверенно идентифицируют с племенем адана в Киликии — стране лувийской, а отнюдь не греческой. «Эквеш» же никак не вписываются в число эллинских народов, поскольку они практиковали обрезание. Что до «тех, кто живет на островах среди Великой (или Сугубой) Зелени», то ученые стали задумываться всерьез, не идет ли речь просто-напросто о самих обитателях дельты Нила. Во всяком случае, термин «народы моря» (являвшиеся противниками Меренптаха приблизительно в 1230 году и Рамзеса III — около 1190 года до н. э.), как правило, связывают с карийцами, ликийцами, памфилийцами и киликийцами с южного побережья Анатолии, а также с филистимлянами из Ханаана и азиатами, чьи вожди говорят «шалом», но никак не с коалицией ахейцев вроде той, что разорила Троаду.

Ахейцы и хетты

Лет шестьдесят назад у историков появилась великая надежда. Это произошло, когда Грозный и его ученики начали расшифровывать архивы Хаттусы, столицы хеттского царства, располагавшейся рядом с современным Богазкёем, в ста пятидесяти километрах к востоку от Анкары. В 1924 году в угаре первых открытий Э. Форреру казалось, будто он может установить целый ряд удивительных параллелей между историей Передней Азии и рассказами, относящимися к Троянской войне. В царствование Суппилулиумы I (ок. 1380—1345) впервые упоминается страна Ахиява, правителя которой именуют то «братом», то врагом хеттского царя. Несмотря на сомнения филологов, это мог быть не кто иной, как глава или один из верховных вождей семи народов, называемых Ахайя, то есть знаменитых ахейцев континентальной и островной Греции. В царствование Мурсили II, во второй половине XIV века, некий А(н)таравас, царь Ахиава, и его наследник Тавакалавас, называемый также Айвалавас, чья власть будто бы распространилась над Лааспой, вступили в конфликт с вожда-

ми Арцавы и Миллаванды. Ученые немного легкомысленно поторопились перевести: «Андрей и Этеокл, эолийцы, повелители Лесбоса, объявили войну памфилийцам и жителям Милета». Но в наши дни известно, что Арцава начиналась к югу от Соленого озера и включала в себя Ликаонию, Исаврию и Караманию, то есть центральную часть южного побережья нынешней Турции — от Киликии до Ликии. И у нас есть сколько угодно оснований — и филологических, и географических — полагать, что Миллаванда относится к тому же ансамблю и соответствует Мириаде в Ликии, чуть к югу от Тефенни, между озерами Сёгюл и Бурдур. Лесбос очень далеко от всего этого! И мы понятия не имеем, был ли когда-нибудь Этеокл, сын царя Орхомена Андрея, правившего в центральной Греции, владыкой этого острова. Вдобавок легенда повествует о множестве других Этеоклов — в Фивах, Пилосе, Спарте.

По Э. Форреру, Муваталли (1306—1282), сын и преемник хеттского царя Мурсили II, во время военной кампании в Арцаву подчинил себе Алакшанду, царя Вилуши. Какой соблазн отождествить этого персонажа с Александром (прозвище Париса в «Илиаде»), похитителем Прекрасной Елены, и, следовательно, читать слово Вилуша как (В)илиос (Илион), то есть Троя! Однако нет ничего менее достоверного. Война, развязанная царем хеттов, бушевала в Лукке (Ликаонии или Ликии) и Каркизе (Карию), в доброй тысяче километров к югу от Трои. Зато длинное письмо того же хеттского владыки «брату», царю «ахиявов», полно жалоб на бесчестное поведение двух главарей разбойничьих банд — Тавакалаваса (уже упомянутого Этеокла) и Пийямарады, которые рыскали по морю, пока не достигли земель Лукки и Миллаванды. Из этого вытекают три любопытных факта: государство «ахиявов» было достаточно могущественно, чтобы на равных беседовать с хеттским царем; оно располагалось на архипелаге, независимо от того, где был центр (Фивы? Коринф? Аргос? Микены?); наконец, приключения главарей разбойничьих банд, находившихся на службе у царьков Ликии, очень напомина-

ют историю легендарного Беллерофонта, явившегося из Арголиды к царю Иобату в Ликийю, дабы сражаться с солимами, жителями Милиады, амазонками и лидийцами, подчиненными хеттам в ту самую эпоху, к которой относится письмо Муваталли. Понятно также, в какое смущение привели хеттских владык коварство, интриги и незаконное вторжение ахейцев на землю Азии. И между прочим, как раз к 1300 году археологи относят первое разрушение Трои.

В последующих исторических документах мы видим хеттское царство, ослабленное походами против ассирийцев, сирийцев и египтян, частыми восстаниями царей Арцавы, Киликии и Памфилии, а также лигой двадцати двух городов на западе или северо-западе этих территорий — лигой Ассува. Полагают, она объединяла города по течению Аксона на западной границе Ликии. Тудхалийяс IV (1250—1220) сетует на некоего Куккулиса (вероятно, это греческое имя, которое заканчивалось на kles). Упомянутый тут же список союзников царя начинался Луккой, а заканчивался Вилушей и Труишей. Поостережемся все-таки усматривать здесь название Илиона и Трои, несмотря на то, что хеттский текст современен разгрому последней. По всей видимости, речь идет о городах в Карию, на Родосе или в Ликии, таких, как Ясос, Ялис, Триса и Тлос. И заодно воздержимся называть ахейского вождя Атгаразийясом, то есть Атреем или Атридом: имя, написанное после лакуны в хеттском тексте, явно обозначает местность. Наконец, в договоре с аморейским царем Дар-Мува, повелителем одного из западносемитских племен, хеттский царь Тудхалийяс IV велел изъять «ахиявов» из списка своих союзников, более того, он подчеркнул, что «ни один корабль не должен плыть в земли «ахиява», в сторону Ассирии». А по эллинской традиции как раз в это время Мопс, внук божественного Тиресия, со своими спутниками основал Кларос, Колофон, Маллос и еще несколько колоний и торговых поселений в Памфилии и Киликии. Этот факт подкреплён двуязычной надписью по-хеттски и по-финикийски, найденной в Кара-тепе (Киликия) в 1947 году.

Таким образом, из текстов того времени следует, что гибель Трои, стоявшей у входа в Дарданеллы, стала возможна в XIII веке до н. э. из-за удаления хеттской армии, превосходства ахейцев на море, жажды военных и экономических завоеваний, обуревавшей капитанов ахейских кораблей, как бы их ни звали: Персеем, Гераклом, Ясоном, Ахиллом или Агамемноном. И наоборот, объяснение получают легенды, согласно которым из Азии на Пелопоннес явилось множество ремесленников, торговцев и любителей приключений: циклопы-строители, уроженцы Ликии, восточные кузены Данаид, финикийские родичи Кадма, богатый Тантал с горы Сипил, на хеттской земле разделявший трапезы богов... И уже не удивляешься, встречая имена Приама, Троса и Александра в письменных документах микенской эпохи: Троя, сожженная около 1250 года, успела уже частично эллинизироваться. Берега Европы и Азии задолго до этого обменивались людьми, плодами земли и ударами.

Микенское письмо

В знаменитом отрывке из VI песни «Илиады» (ст.152—180) мы читаем, как царь Тиринфа Прет посылает своему тестю, царю Ликии, героя Беллерофонта, к которому приревновал жену, с более чем своеобразным рекомендательным письмом: «В Ликию выслал его и вручил злосоветные знаки, много на дщице складной начертав их, ему на погибель; дщицу же тестю велел показать, да от тестя погибнет»*. Стало быть, в VIII веке до н. э. греки знали, что сравнительно недавно укоренившемся финикийскому алфавиту в Арголиде предшествовало идеографическое или слоговое письмо. Но ни они, ни их преемники не сумели бы прочитать ни единого зна-

* Здесь и далее цитаты из «Илиады» даны в классическом переводе Н. Пнедича, из «Одиссеи» — в переводе В.А. Жуковского.
Прим.пер.

ка, разве что это смогли бы сделать на Кипре, где традиционная силлабика из 55 знаков, по-видимому, сохранялась еще в начале III века до н. э. Потому-то, когда археологи и торговцы древностями нашли сначала на Крите, а потом в разных ахейских столицах надписи, сделанные дофиникийскими значками, их в первую очередь попытались сравнить с киприотскими, значение которых было более-менее известно с 1871 года. Напрасный труд, ибо за 800 лет начертание знаков сильно изменилось. Поскольку тождественных записей на двух языках не было, оставалось лишь подробно проанализировать и сравнить возможные сочетания внутри каждого опубликованного текста.

Однако такие тексты еще лет пятьдесят оставались крайне редкими и продолжали молчать. Из приблизительно 3400 фрагментов табличек, заполненных линейным письмом В и найденных в Кноссе на Крите землекопами Эванса, 14 стали известны в 1909 году, 120 — в 1935-м и 158 — в 1936-м. Основная масса кносских документов была опубликована в Оксфорде только в феврале 1952 года, и то не без сумбура, путаницы и пропусков.

Тем временем 400 табличек из обожженной глины и фрагменты с надписями, обнаруженные в континентальном греческом Пилосе, тоже увидели свет: семь — в 1939-м, остальные — в 1951 году заботами Э. Л. Беннета-младшего. Прежде чем пытаться их интерпретировать, следовало отделить предположительно более поздние тексты и дифференцировать их от древнейших критских, написанных иероглифами и линейным письмом А, а среди 267 знаков, составляющих линейное письмо В, определить 90 символов, служивших для передачи слов. Слишком многочисленные для алфавита и малочисленные для идеографического или экспликативного письма — такого, как египетское, вавилонское или хеттское, — они могли быть лишь фонетическими значками или фонограммами, каждая из которых передавала определенный слог. Помимо того, микенские писцы использовали пять цифровых знаков, десять — метри-

ческих, 100 основных идеограмм, часто уточняемых идеограммами вторичными, а также 61 лигатуру или ассоциацию, сводящую в один рисунок два-три простых знака. Так что на первый взгляд эта оригинальная и сложная письменность напоминает одновременно и слоговое письмо, и серию «говорящих картинок» (изображений барана, лошади, мужчины, женщины), короче говоря, своеобразную помесь бухгалтерской ведомости и стенограммы.

Итак, ученые имели дело с неизвестным языком, запечатленным незнакомыми письменами. И требовалось во что бы то ни стало свести эти две трудности к одной. Исследователям помогало наличие рядом с наиболее выразительными идеограммами цифр и слов, которые могли выражать не что иное, как единственное и множественное число мужского, женского или среднего рода. Главным сдвигом в расшифровке мы обязаны американской исследовательнице из Бруклина Алисе Кобер, безвременно умершей в 1950 году. В двух статьях, опубликованных «Американским археологическим журналом» в 1946 и 1948 годах, а также в работе «О заслугах Грозного» в 1949-м Алиса Кобер сравнивала конечные слоги в знаках одной группы и в результате сумела установить, что речь идет о флективном языке, существительные и прилагательные которого склоняются и имеют по меньшей мере два рода и падежа, а следовательно, данный язык принадлежит к известному нам типу. Возьмем, например, три группы, или триплета, следующих знаков:

𐀀𐀁𐀂	𐀃𐀄𐀅	𐀆𐀇𐀈
𐀉𐀊𐀋	𐀌𐀍𐀎	𐀏𐀐𐀑
𐀒𐀓	𐀔𐀕	𐀖𐀗

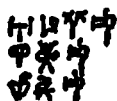

Независимо от значения или конкретного сходства, они выдают структуру склоняемого слова на одном из индоевропейских языков, допустим, a-mi-cu-s, a-mi-cu-m, a-mi-ci, bo-nu-s, bo-nu-m, bo-ni, ser-vu-s, ser-vu-m, ser-vi. И это позволяет наметить сетку для дешифровки. Значимые символы последней строки 𐀒𐀓; 𐀔𐀕 следует поместить в вертикальный ряд как не-

пременно имеющие одинаковую гласную, а соответствующие знаки предыдущей строки **A, ʒ, ʒ** в горизонтальный, поскольку в них есть одна и та же согласная. Кроме того, Алиса Кобер выяснила, что знак **ʒ** весьма часто стоит рядом с идеограммами, обозначающими существо женского пола, а значит, должен быть указателем женского рода.

Заслуга Майкла Вентриса (в 1950 году — 28-летнего английского архитектора, дешифровщика Королевского воздушного флота) — распространение принципа сеток на многочисленные микенские тексты, неизвестные Алисе Кобер, так как они были опубликованы уже после ее смерти, в 1951 и 1952 годах, а также еще и в том, что ученый установил статистику употребления каждого фонетического значка в начале, середине и конце слова. Подсчеты показали, что, например, перед знаком номер 36 в конце поименованных предметов всегда стоит один из десяти одних и тех же определенных значков. Следовало предположить, что в последних наличествует одинаковая гласная и разные согласные, а значит, место им — в вертикальной колонке. Мало-помалу ученому удалось создать сетку из пяти вертикальных колонок для гласных и тринадцати горизонтальных, пересекающих ее рядов для согласных. Большая частотность употребления знаков **ʒ, ʒ, A** в начале подсказывала, что это гласные *a-, o-, e-*. Сравнение выявило также наличие дублетов и омофонов, которые применялись в тех же самых случаях или требовали для себя посредников — полугласных звуков, и им полагалось бы находиться в тех же колонках. В январе 1951 — июне 1952 года М. Вентрис сделал со своих рабочих «Заметок» копии и послал их тридцати одному специалисту, чтобы проверить свои выводы и узнать мнение ученых. Откликов пришло крайне мало. Что ж, герой эпоса, как правило, одинок.

Наконец, используя и исправляя различные гипотезы своих предшественников (Эванса, предлагавшего читать *po-lo* рядом с изображением лошади, Коули, давшего прочтение *kou-ros* и *kou-ra* возле изображения юноши и девушки, Кристопулоса, предпо-

ложившего, что слова, начертанные около изображения слуги и служанки, читались как *do-e-los u do-e-la*) и, плюс к тому, сохранив значения семи сходных символов из киприотского письма, в конце мая 1952 года М. Вентрис рискнул интерпретировать ради пробы то, что, по его мнению, должно было обозначать имена и названия. Он использовал таблички *Fp 1, Lc 548-550, Ce 59*. Сочетание статистического, комбинаторного, компаративного и структурального методов позволило ученому прочитать следующее:

	<i>a-mi-ni-so</i>	то есть Амниос
	<i>ko-no-so</i>	то есть Кносс
	<i>tu-ri-so</i>	то есть Тилиос

Началась цепная реакция. Ученые всего мира, взбодраженные сообщением Би-би-си и статьей М. Вентриса и Дж. Чедвика «Несомненное свидетельство использования одного из диалектов греческого языка в микенских архивах», опубликованной в начале 1953 года «Вестником эллинистических исследований» (с. 84—103), наперебой принялись предлагать собственный вклад в расшифровку, давать подтверждения, делать необходимые дополнения. Выяснилось, что знаки, начертанные на табличках, вазах, пластинках микенской Греции, запечатлели своеобразный, весьма архаический греческий язык, довольно близкий к классическим диалектам Аркадии и Кипра.

Несмотря на множество «стенографических» особенностей, таких, как отсутствие конечных звонких согласных, смешение в конце слов глухих, сонорных и придыхательных согласных, ассимиляция *r* и *l*, а главное — на невероятное обилие имен собственных и непонятных слов, тексты, найденные в Кноссе, Пилосе, Микенах, Фивах и т.д., позволили наконец восстановить повседневную жизнь современников Троянской войны и даже нескольких поколений их предшественников начиная с XIII века до н. э. Благодаря им крестьяне, моряки, ремесленники, солдаты, чиновники вновь начали говорить и действовать. А золотые маски Афинского музея отныне уже не просто маски мертвых.

Чисто исторических текстов немного. В основном это приказы, отдаваемые безымянными начальниками подчиненным, чьи имена поразительно напоминают имена, донесенные до нас эпической легендой: Трос, Гектор, Приам, Протей, Тесей, Фиест и даже *A-ki-re-u*, то есть Ахилл! В целом, пожалуй, возникает впечатление экономической неразберихи, усугубленной военным положением и кризисом власти накануне пожара, разрушившего дворец и изгнавшего писцов, зато навеки сохранившего глиняные документы — свидетелей катастрофы. Приблизительно 4500 фрагментов, коими мы располагаем и терпеливо склеиваем, классифицируем и переводим, в большинстве своем относятся к инвентарным спискам и бухгалтерии. Но, взглядываясь в подсчеты старательных чиновников, мы слышим, как наполняются зерном и пустеют закрома, как снаряжаются военные колесницы и корабли береговой охраны, как кузнецы обращают в оружие слитки бронзы, сборщики взимают подати драгоценным и обычным металлом, тканями и продуктами питания, жрецы курят фимиам небесным и земным владыкам и закалывают на алтарях последние жертвы. Нет больше Одиссея, и некому бить Терситов или вразумлять женихов. От множества оплавленных временем глиняных «страниц» исходит один громкий жалобный вопль — голос первой трагедии, действительно разгравшейся в Греции. Благодаря этим документам магический круг преданий и археологических исследований смыкается: вчерашний вымысел стал действительностью.

МИР И ЧЕЛОВЕК

Поэт представляет нам владыку людей и богов Зевса сидящим на вершине лесистой Иды, на пике Гаргара, и безмятежно наблюдающим, как воины убивают друг друга на равнине у Трои («Илиада», VIII, 48; XIV, 292—293; XV, 151—152). Будь это нынешний Дикилидаг (650 м) или Каздаг (1767 м), божественный наблюдатель, он же автор разыгрываемой драмы, оставался бы абсолютно невидимым среди сосен и облаков в шестидесяти или семидесяти километрах от поля битвы. Но он, чьи «взгляд и голос объемлют любые дали», видит даже греческие города, откуда прибыли в Троаду спутники Агамемнона и Менелая. А порой, как в начале Песни XIII «Илиады», его взор обращается к северу, к всадникам Фракии и скифам, поразительным созданиям, пьющим молоко кобылиц, и невольно приходит в голову, что небожитель хочет сравнить греков и варваров. Иногда Зевс устраивается в одном из своих дворцов у границ эллинского мира: на Олимпе в Пиерии, между Фессалией и Македонией, или на вершине горы Митрица возле Додоны в Эпире. Так ему удобнее приглядывать за своими — пеласгами, эллинами, ахейцами и данайцами. Присядем и мы вместе с поэтом в священной ограде у благовонного жертвенника, воздвигнутого Зевсу в Троаде, и из этой, близкой к небесам обсерватории поглядим, каков был греческий мир за тысячу двести пятьдесят лет до Рождества Христова.

Географически — это совсем небольшое пространство на юго-востоке Европы, там, где короткое запястье и костлявая рука Южных Балкан обронули в Средиземное море браслет из двух сотен островов. И плюс к тому — драгоценное кольцо, охватившее берега Малой Азии и Южной Италии, — города, колонии, базары, порты, где то появляются, то исчезают греки, неуловимые, как волны и водяная пыль Эгейского моря, навеки просаливающие все, чего коснулись. В общей сложности — 100 тысяч квадратных километров обитаемых земель и чуть менее двух миллионов душ. Такие цифры дает нам анализ «Каталога кораблей» из второй песни «Илиады». Именно из нее мы знаем, что 1186 кораблей с экипажем от пятидесяти до ста двадцати человек переправили в Трояду двадцатую часть жителей континентальной Греции и Архипелага. Свидетельство это вполне надежно: филологи доказали, что оно древнее остального текста эпической поэмы, а данные археологии дают тому подтверждение. Земля Греции предстает совсем иной, чем в наши дни, — в пять раз менее населенной и на добрую треть меньше. Но поскольку города и поселения, оформившиеся в те времена, как правило, располагаются на прежнем месте, нам несложно представить их себе в те времена.

К югу от линии, которой можно соединить остров Корфу и вершину Олимпа, собрались воители двадцати двух разных народов; все они вдаль от дома тосковали по родным местам (всего-то пяти-шести основных типов): своим горам, высокогорным пастбищам, прибрежным равнинам, вулканическим или известковым островам, а также по земле, казавшейся тогда настолько обширной, что ее не смели называть островом — по Криту.

Горы

Тогдашняя Греция на 80% состояла из гор — обломков гигантской арки Динарского нагорья, бесконечно запутанных, пересеченных и разнообразных.

Глядя на них, понимаешь и оправдываешь политическую раздробленность страны, разделение ее на множество мелких кантонов и уособицы живущих по соседству народов. Однако это лишь видимость: перевалы постоянно будоражат любопытство странников, кочевников и пастухов, которым плевать на естественные границы — изобретение нынешних географов. Через Пинд, Аграфу, Тимфрист, Оэту, Парнас, являющие собой нечто вроде спинного хребта континентальной Греции, шли пастухи, воины и авантюристы всех мастей, вечно пытаясь захватить высокогорные луга на востоке или обосноваться в долинах Эпира, Акарнании и Этолии. Легенда гласит, что после взятия Трои сын Ахилла Неоптолем Рыжий (Пирр), покинув Сперхейскую долину предков, основал царство у молоссов Эпира и погиб в Дельфах при какой-то стычке с местными жителями. На Пелопоннесе вокруг центрального плато Аркадии высятся другие хитросплетения гор, столь же доступные и соблазнительные для человека. Все это — бесконечные зоны взаимопроникновения и неизбежных конфликтов. Что касается гор Крита, протянувшихся с запада на восток, то они, скорее, похожи не на естественный барьер, а на пять замков, окруженных рвами с водой, где по мифологии находится колыбель всех богов, создателей нашей цивилизации и наших законов.

В этом громадном и сложном горном ансамбле взгляд различает несколько типов пейзажа. Олимп (2917 м) возносит на северо-востоке доломитовые склоны чистейшей белизны на сланцевом основании кристаллических пластов, почти везде отвесных. Гигантские сбросы горных пород и пропасти до самого Термейского залива словно вознамерились подтвердить правоту эллинистов, связывающих название Оулимпос с греческим *oule* — «глубокая впадина, разрез». Густые рощи зеленых дубов, каштанов, сосен — родина угольчиков и дровосеков — поднимаются на высоту 2300 метров, где уступают место изумрудным пастбищам и вершинам, до самой середины лета окутанным туманом. Суровость климата,

ужасающие грозы и красота тамошних скал поражали не только поэтов. Для любого грека Олимп — высокая и таинственная гора, излюбленное обиталище богов, и элин не расстается с этим названием, где бы ни обосновался — в Эвбее, на Пелопоннесе, Крите и Кипре. В языке почти не ощущается разницы между названием горы и словом, обозначающим «небеса».

Горная цепь Магнезии являет оборотную сторону лика этой земли: длинный и неприступный сланцевый гребень, а над ним — пирамида глазкового мрамора Оссы (1978 м) и известковый купол Пелиона (1618 м), изрезанные оврагами со множеством ручьев и источников. Это был мир кентавров, заядлых охотников и великих «посвященных», ибо здесь всегда были непроходимые дебри, а около обитаемых людьми мест произрастали буковые и каштановые рощи. Именно склоны Пелиона дали Ясону и аргонавтам дерево для строительства корабля. Вершина, даже летом покрытая льдом, стала местом, где обретали знания боги медицины Аполлон и Асклепий, а среди прочих героев — Ахилл, царь мирмидонян. Еще во II веке до н. э. молодые аристократы Магнезии, облачась в шкуры, ходили в пещеру, где кентавр Хирон наставлял Ясона и Ахилла. В наши дни тех паломников сменили скауты и солдаты.

Чуть западнее более молодые складки Пинда от Смолика (2632 м) до Парнаса (2457 м) образуют череду сводов вторичных известняков — серых, голубых и белых — и слоистых скал с причудливыми извивами зеленоватых и песчаниковых почв. Здесь берут начало воды Пеней, Сперхея, фокидского Кефиса и почти всех их притоков, после чего по лабиринту каньонов они устремляются на восток. По берегам, на высоту восьмисот метров взбегают грабовые и каштановые рощи, местами дремучие. Выше — обычные, каменные и греческие дубы, простые и серебристые ели, окруженные буком и остролистом, уступают место многочисленным лужайкам во впадинах и россыпям камней, оставленных древними ледниками.

А далее — массив Пионы (25 10 м) с шапками снега на вершинах. Снег — непреодолимый барьер для древних людей — остается на вершинах всей цепи Пинда до середины июня. Потом там начинают бушевать грозы, низвергая лавины воды. Здесь сталкиваются ветры двух морей — Адриатического и Эгейского. Редкие пастухи, промерзая насквозь даже в широких меховых плащах, добираются до высокогорных пастбищ с крохотными стадами коз и овец, которых пригоняют сюда с побережья. Раз в году менады, или кормилицы бога Диониса, покидают деревни и устраивают пляски на этих вершинах. В небе важно описывают крути крачуны с коричневой спинкой и белым брюшком и пролетают стаи пепельно-серых ворон. Дельфы, «пуп» микенской Греции, расположенный к югу от Парнаса, воспроизводят в миниатюре хаотические нагромождения и бесчисленные овраги Пинда, его высокие рыжие или огненно-красные скалы, гейзеры, туманы и лесистые ущелья. Их каменное ложе напоминает чудовищного питона. Кто это сказал: «Увидеть Неаполь — и умереть. Увидеть Дельфы — и родиться»? Не со склонов ли Пинда, из царства деревьев и скал, явились греки?

У гор Аркадии — иные очертания, иные обитатели. Сверху видны оголенные серые скалы, щетинящиеся острыми обломками, — сплошной карст. Невольно говоришь себе, что люди или изначально не могли здесь жить, или погубили эту землю. На самом деле на этом известняке, нагроможденном морями от Триасийского до Критского и получившем имя от города Триподлиса, никогда не было слоя гумуса, а потому он всегда был бесплодным. Труды Филиппсона и обычный здравый смысл подтверждают это в полной мере.

Сморщенные, искореженные землетрясениями, источенные снегом и дождями, крепкие на вид скалы крошатся, как сахар. Ломаются, истаивают, образуют проточины, галереи, пещеры, рассыпаются и исчезают, лишь кое-где оставляя тонкие полоски красной глины, разделяющие известняковые ложа. Поскольку вода постоянно стремится проникнуть в

глубину, с каждым годом она все больше размывает ущелья или катавотры и выбирается на поверхность лишь наткнувшись на сланец или другую прочную горную породу, после чего уже спешит к морю. Благодаря ей в здешних краях всегда могли жить люди, мелкий скот и хищники. Из растительности тут встречаются лишь чертополох, астрагал, чабрец и карликовые колючие дубки. Там, где есть хоть сколько-нибудь глины и из скалы пробивается ручеек, прорастают жесткие травы, которые чахнут уже к концу весны. Пастухи пригоняют сюда стада, а вместе с ними приходят и божества, дабы гулять по влажным пещерам Эриманфа и Киллены на севере, Ликей — на западе, Истма, Тайгета и Парнона — на юге, Коринфских и Арголидских гор — на востоке. Это нимфа Майя и ее божественный сын Гермес, пастуший бог Пан, владычица морей Каллисто, впоследствии слившаяся с Артемидой, и повелитель хищников, в одной из своих ипостасей, Аполлон. Здешние бесплодные горы — в большей степени убежище и место борьбы за выживание, чем где бы то ни было. Не столько рай аркадских пастухов, сколько край охотников, героев и отщепенцев.

На Крите горы и холмы занимают более 95% общей площади. С запада на восток различаются пять отдельных массивов: Белые горы, Амари, Ида (совр. Псилорити), Ласити, Малавра, или горы Ситии, — своего рода гигантский частокол, сквозь который пробиваются свет, вода и люди. Сьерра Белых гор взлетает до 2452 метров, Пик Ситии — до 1476 метров, Ида — 2456, вершина Ласити — до 2148 метров, а меж ними лежат холмы и долины, покрытые виноградниками, оливами, смоковницами и засеянные пшеницей, они-то и разбивают непрерывную цепь скал. Нет ничего разнообразнее этих гор — доломитовых на востоке, известняковых юрского периода — к югу от Малии и Канеи, кристаллических — в центре, песчаниковых и сланцевых с белыми, как на склонах Пинада, вкраплениями — в Амарии, лабиринтов метаморфических скал — на западе, лиловатых и голубых ближе к Ситии, серых и серебристых

посередине и бледнеющих до кипенно-белого по мере приближения к «стране мертвых». А какое обилие запахов — от бальзамических до хвойных, как прихотливо распределены источники воды — от величайшего изобилия до почти полного отсутствия, и сколь сильно разнится зеленый покров!

В эпоху, о которой идет речь, горы Ситии и Ласити были почти столь же безлесыми, как и теперь; Южный массив покрывали алеппские сосны и мастиковые деревья, Ида на высоте 1700 метров представляла сплошными зарослями дубов, бальзамина и кипарисов, горы Амари были покрыты ладанником, каменным и греческим дубом, Белые горы (во всяком случае там, где растительность была) — горными лугами, частоколами сосен и гигантских кипарисов. На западе горы Селион и Касамос, изрезанные четырнадцатью исполинскими ущельями, покрывал ковер вереска и каштана. И всюду — пещеры и карстовые отложения (на Крите их насчитывается более 3400), водоемы, пропасти, долины, поля, владения пастухов, пасущих стада, убежища изгнанников и переселенцев, богов и обитателей подземного мира.

Имена пяти священных гор Крита доэллинской эпохи всплывают также в Мизии и неподалеку от Трои: Олимп, Ида, Дикта, Берекинф, Гиппокоронейон. По другую сторону Эгейского моря и даже на Кипре, где встречаются аналогичные топонимы, ахейские воины стремились найти такие же климат, пейзаж, леса и горы, какие они оставили в континентальной Греции. Гора Ида в Троаде, откуда Зевс любовался побоищем, с точки зрения геолога — обширный ансамбль метаморфических скал, преимущественно слюдяных и сланцевых, с вкраплениями металла, окруженный известняками периода миоцена. Но для тех, кто явился туда не только побродить, но и поработать, это место было ценно своими стройными, высокими дубами и елями, пастбищами и рудниками, каньонами с глубокими пещерами. Бригады угольщиков и рудокопов, пастухи, пасшие овец и волков, и теперь воюют здесь с волками и медведями. А в

эпоху античности там водились еще львы и пантеры — эти хищники изобиловали в Македонии и Фракии даже через много лет после Троянской войны.

Я хочу сказать, что для современников Ахилла гора была чем-то иным, нежели для людей эпохи Перикла или для нас. Поросшая лесом, влажная и дикая, надежная и приспособленная для человеческих нужд, она олицетворяла собой нечто большее, чем естественное хранилище воды, — и охотничьи угодья, и пастбища, и укрытие, и источник пропитания (здесь собирали желуди, плоды букового дерева, сосновое семя, каштаны, ягоды — землянику, обычный и испанский боярышник, плоды каменного дерева, фисташки, зизифус, терновник, рябину и можжевельник). Но главное, гора — это место поклонения; и сама по себе, и каждая из ее вершин, пещер и священных куц. Там, в тайне от посторонних глаз, сведущие люди, рудознаты и кузнецы отыскивали желтые или зеленые минералы, из которых добывали медь, порошок для изготовления глазури, а также галенит, аргентит или цинковую обманку, получая, соответственно, свинец, серебро и цинк. Мы едва начинаем понимать, как богата была Древняя Греция минералами.

Из классической литературы известно, что с V века до н. э. греки разрабатывали среброносные свинцовые рудники во Фракии, Лавреоне и на Сифносе, названия Халкидики и Халкиды, города бронзы на Эвбее, указывали на существование где-то неподалеку медных рудников. Но только уже в наше время геологи обнаружили наличие как минимум 50 мест залежей полезных ископаемых в одной микенской Греции, не считая Кипра, и более ста — среброносного свинца и серебра в тех же районах. Например, на Крите, где до 1965 года было известно всего шесть месторождений этих металлов, автор данной книги нашел еще не менее двух десятков: возле античных городов, в лесных массивах, богатых древесным углем, на Астерусии, Иде и в Белых горах. Разумеется, они вряд ли заинтересовали бы современную промышленность, жадную до пород с высоким содержа-

нием чистого металла, но во времена ремесленничества и собирания минералов с поверхности земли они давали жизнь весьма активным корпорациям. Около 1220 года до н. э. в крохотном царстве Пилос на две дюжины городов приходилось не менее 400 кузнецов, обрабатывавших бронзу и драгоценные металлы. В среднем — по 17 мастеров на каждый город, и это не считая подмастерьев и рабов.

Теперь ясно, что составляло экономическую и отчасти военную мощь государств, кажущихся нам маленькими и бедными, хотя легенда пышно именуется людей, правивших ими, царями. Ахилл, сын Пелея, правил, как гласит предание, Сперхейской долиной и прилегающими высотами. При этом никто не упоминает, что в массиве Отрис по меньшей мере в семнадцати местах обнаружены залежи минералов, содержащих медь, в том числе довольно крупные — в двенадцати километрах к северо-востоку от Ламии. Кто знает, что Агамемнону принадлежали рудники в горах Ойной к западу от Аргоса, а Менелай добывал медь в двадцати пяти километрах к югу от Спарты в массиве Парнон неподалеку от Монемвассии, серебро — на Тайгете и Парноне и что Эврот в пяти километрах от Спарты золотоносен? Склоны горы Окхи (1598 м), богатые всякого рода металлами, принесли достаток Каристу и Стире на Эвбее и обеспечили могущество абантов, участников Троянской войны.

Как правило, в глазах микенцев мир минералов не был мертвым. Там, где наша, чисто мирская наука видит лишь ботанику, зоологию и геологию, душа древнего грека, более чувствительная к тайнам бытия и взаимодействию сущностей, улавливала присутствие чего-то нематериального. Пейзаж для горца становился музеем скульптуры, бестиариумом и гербарием. Так, группу камней или камень, стоящий вертикально, он называл гермой, словом, от которого произошло имя божественного Гермеса. Он наделял минералы полем, благотворной или пагубной силой, знал, какие нимфы живут под корой ясеня или лавра, а в голосах птиц — орла или соловья — слышал глас божества или усопшего героя. И вовсе не требовалось ждать класси-

ческой эпохи, чтобы создать язык цветов: гиацинты, асфодели и нарциссы с их доэллиническими именами, безусловно, несли в себе зловещий, связанный со смертью смысл еще в микенские времена.

Равнины

Но есть в Греции пейзажи, на которые присутствие человека воздействует гораздо сильнее, чем они — на живущих здесь людей. Вот уже четыре с половиной тысячелетия человек возделывает почву своих немногочисленных равнин. С них-то в 1250 году до н. э. и отплыли к берегам Трояды большинство воителей. Солдаты, мобилизованные между Олимпом и Отрисом, на ста шестидесяти восьми кораблях унесли с собой образ трех фессалийских впадин, равнин Трикки, Лариссы и местности к юго-западу от Воло, которая теперь называется Гальмирос.

Воды, омывавшие первые две из них, сливались в русле Пенея и его притоков; на юге, в окрестностях озера Бебеида, люди страдали от соседства зловонных болот. Третью равнину, расположенную еще южнее, омывали четыре стремительных потока. Всего 100 километров бурых земель, протянувшихся с запада на восток, и 85 — с севера на юг славилась пшеницей, быками и крепкими лошадьми. Летом знойный ветер, прилетая с Пинда, превращал угрюмую Фессалию в степь и поднимал тучи пыли. Деревья можно было увидеть лишь по берегам рек. По всему пространству равнины можно было видеть шалаши из ветвей, лачуги из высушенной глины, колодцы с журавлем. Зимой поля раз в два года оставляли под паром, и одетые в шкуры пастухи перегоняли сюда с предгорий стада овец и коз, едва гуси и журавли собирались в стаи. Когда же возникала угроза землетрясения, что, по мнению греков, случалось слишком часто, именно эти птицы первыми предупреждали о надвигающейся катастрофе.

Не менее пятидесяти пяти поселений в XIV—XIII веках насчитывали эти края, благословенные Де-

метрой, Матерью жатвы. Раса господ, полускотоводов-полуземледельцев, явившаяся с Балкан в начале бронзового века, обратила в бегство местные племена вокруг Сескло, Димини, Агриссы и вокруг безымянных поселков-магул и укрепились в нескольких цитаделях с еще доэллиническими именами вроде Лариссы, Гиртона и Трикки. Потом, мало-помалу, оставив своим рабам, *пенестам*, заботу об обработке земли и сборе урожая (а заодно — о борьбе с болотной лихорадкой), новые хозяева, эллины, занялись коневодством, военными походами, пиратством и завоеваниями всяческих «золотых рун» по берегам азиатских рек. О чем тосковали Ясон, сыновья Асклепия или царь Филокрет, мы знаем от поэта: о равнине Фессалии, о черноземе, густой траве, цветах, белых городах, серебристых водоворотах Пеней, бесчисленных стадах, великодушных мужах и прекрасных женах.

Критяне вздыхали о чудесной равнине Месара на юге своего острова, о море оливковых деревьев и смоковниц, о виноградниках у подножий гор вокруг цепочки мелких, сильно перенаселенных крепостей, зависимых от Гуртины или Феста. Как и фессалийцы, под Троей они дрожали от холодного ветра, мечтая о знойном дыхании Нота, который не только сжигал порой критскую равнину, но и вдвое увеличивал число тех обитателей устья Леты, кто страдал от лихорадки. Последняя более всего отравляла жизнь на пропитанных влагой и плохо осушаемых землях: малейшая оплошность тут была чревата появлением стоячих луж, в которых кишели комары, разносчики болотной лихорадки. В Месаре, как и в Фессалии, была своя Бебеида. Стоило войне или внезапному набегу нарушить экономическое равновесие, как лес и болото возвращали себе прежде отвоєванные людьми территории.

Микенская Беотия с ее крупными озерами, Копидским, Ликарис и Пара, тоже не избежала этой участи. Несмотря на плодородность ила, мужество земледельцев и пастухов, огромная прибрежная равнина, простирающаяся от Орхомена до Платей, после

братоубийственной войны сыновей Эдипа была уже не столь густо заселена, как во времена процветания Семивратных Фив. В 1250 году 30 беотийских городов сумели сообща снарядить лишь 50 кораблей, и в «Илиаде» мы находим упоминание только о нижнем городе, то есть посадe, но не о самих Фивах.

Зато долина Аргоса, добросовестно осушаемая по совету сыновей Египта, которые около 1450 года основали там три города, и надежно защищаемая Гераклом, приблизительно в 1300 году покончившим с «гидрой» Лернейских болот, сумела снарядить в Трью 80 кораблей.

Болотистая Этолия в устье Ахелоя и вокруг Трихонидского озера имела в ту пору всего четыре небольших городка, чьи следы едва удалось отыскать. А вот низменные равнины Алфея вокруг Олимпии и низменности Мессении в окрестностях Пилоса и в устье Памиса предоставили взору ученых остатки более шестидесяти микенских городов, и это при том, что в табличках из дворца Нестора и «Каталоге Кораблей» некоторые здешние поселения именуются «Гелос», то есть «Болото». Лаконская «ненасытная земля», вотчина Менелая, была уже добросовестно возделана руками местных жителей, покоренных и *manu militari** вынужденных вырубить тростник у Эвроты, дабы осушить болотистую почву.

По-другому дело обстояло на маленьких приморских равнинах, разбросанных, впрочем, по всему периметру Средиземного моря. Это небольшие впадины, зажатые между двух гор, обычно — известняковых, иногда и сланцевых, орошаемые зимой бурными потоками воды, а летом превращающиеся в сухое каменное ложе. На скудной почве успевает вырасти немного ячменя или пшеницы, олив и винограда. По кромке моря — крохотные порты или просто стоянки, где лодки обычно вытаскивают на берег. И каждое поселение мнит себя чуть ли не столицей, хотя за полоской плодородной земли начинаются пустоши

* Дословно «с оружием в руках» (*лат.*), то есть насильно. — *Прим. пер.*

или заросли кустарника, скалы и камни — раздолье для пастухов и мелкого скота, а также для беглых рабов и преступников. Еще дальше — в горах, откуда можно охватить взором все родные края, — лежали «общие» владения, то есть те, что принадлежали лишь богам, а поскольку на них претендовали и соседи, право собственности приходилось отстаивать с оружием в руках. К счастью, бежать из этого замкнутого и слишком густо населенного мирка неизменно позволяло море со всеми его искушениями, приключениями, опасностями, море, чреватое набегами и побегами.

Око Зевса задерживается и на других равнинах — высокогорных чашеобразных долинах, скажем, в Аркадии или на Крите. Наиболее обширные из них на Аркадском плато — бассейны Триполиса и Мегалополиса, с их бурым жирным черноземом. На Крите — это бассейны Ласити, Ниды и Омало. Окруженные изрезанными отрогами гор, в сезон дождей они имеют обыкновение превращаться в гигантские озера и оставаться таковыми, если по воле случая что-нибудь закупорит водостоки или ущелья. Возле стоячих луж растут ивы и груши-дички, под которыми в знойные дневные часы толпятся овцы. Здешнее (крайне плотное) население с апреля по ноябрь выращивало лен, ячмень и пшеницу, бобовые, овощи и папирус — все, что быстро всходит и созревает; с приходом зимы люди перебирались в каменные дома на склоне горы. В Аркадии нередко обрабатывали и сами склоны до 1500 метров высоты. На Крите расчищали и засаживали виноградной лозой площадки до 1200-метровой высоты над уровнем моря. Летом стада паслись на обширных пространствах среди сосен и дубрав. Издревле тамошних пастухов упрекали в том, что они питаются желудями и носят шкуры убитых ими медведей. А еще рассказывали, будто обитатели высокогорных долин Белых гор на Крите все еще живут, как дикари, и едят сырое мясо. Оседлым жителям низменных равнин приятно было слогать легенды хотя бы об аркадских пастухах, бесконечно счастливых в своей нищете!

Действительность выглядела совсем иначе. О чем грезили грубые землепашцы Тегеи или Мантинеи, глядя на линию гор, чьи вершины на закате делались пурпурно-лиловыми? О том, что предстоит целый день трястись на муле по перевалам и тропинкам до самого берега Арголидского залива: там можно продать зерно морякам или погрузить его на один из шестидесяти кораблей царя Агапенора.

Море

Таласса, Море! Все только и думали о Нем, таком близком, ведь нет вершины ни на Пинде, ни на Пелопоннесе, откуда бы нельзя было увидеть его синеву, настолько густую, что древние греки верили, будто море создано из темного лазурита, фиалок и вина, настолько живую, что ему приписывались улыбки и страсти богини, и наконец, настолько гостеприимную и заманчивую, несмотря на жестокие бури, что иногда море называли *pelagos*, «бесконечность», *pon-tos*, «проход, путь», *poros*, «дорога». В ясные дни с берегов континента видны острова, а с тех — другие острова и континенты — Малая Азия или Италия. Это ли не приглашение пуститься в путь? На одной из микенских табличек мы читаем, что нет грека, который бы не был *talasaporo*, то есть «мореходом». Неважно, что значили когда-то слова *thalakkyia*, *tarasa*, *thalassa* — эпитет ли это, данный греками морю («беспокойное»? «бурное?»), или имя, унаследованное от доэллинических народов. И пускай поэты называют его еще десятком других имен, в том числе *aiges*, «волны», — словом, которое мы находим в топониме Эгейского моря, или *bals*, «соль, рассол». Лишь одно имеет значение: народ, отправившийся покорять Троию на другой берег моря, уже соприкоснулся с соленой стихией и сам просолился насквозь. Из бродячего пастуха, земледельца, скотовода и солдата он превратился в навигатора, исследователя, коммерсанта, основателя заморских колоний. А первые земли, которые он встретил, едва отплыв от берега, — это острова.

Они неописуемы, ибо из двух сотен островов греческого моря не найдется и двух одинаковых. А сколько тут неповторимого и особенного! И каждый сам по себе. Да, все эти острова — вершины гор, затопленных и разлученных морем миллионы лет назад, это носы, торчащие над поверхностью воды. Все скалисты, живописны, ослепительны. Все манят к себе, и на каждом — бремя истории. А человеческая логика разделяет их на группы. Она отличает Ионические острова — владения Одиссея; Киклады, расположенные вокруг Делоса; Спорады, рассыпанные на севере и юге Эгейского моря, и Додеканес у берегов Азии. Но куда отнести Киферу, Родос, Эвбею, Хиос, Самофракию и множество других? Для участников Троянской войны Крит — континент, федерация ста городов, каждый из которых снарядил столько же кораблей, сколько вся Арголида. А для нас это всего лишь остров, по размерам уступающий Корсике, Кипру, Сардинии и Сицилии. Для огромного флота Агамемнона, отплывшего от берегов Авлиды, острова Эвбея, Скирос, Страти, Лемнос, Имброс — всего-навсего остановки по пути к Дарданеллам. В действительности это были весьма отличные друг от друга царства, отчасти населенные варварами-пеласгами. Какие исторические картины можно отыскать на этом архипелаге, исхлестанном ветрами и опаленном солнцем? Вот Скирос, где переодетый девушкой Ахилл якобы «уклонялся» от Троянской войны. Вот Страти, почти пустынный островок, где греческий флот высадил Филоктета, героя, нога которого была поражена гангреной. Вот Лемнос, где бог Гефест, устроив кузницу, женился на ветреной богине Афродите и где, во всяком случае, говорили и писали на языке, схожем с этрусским. Проще всего рассматривать их не с точки зрения солдат или любопытных туристов, а разделять обитаемые острова по их происхождению.

Потом мы увидим бухточки и бесконечные причалы, и в глубине хорошо защищенного залива — маленький порт и кубики домов, ленты террас белой

столицы, поднимающиеся к скалистой вершине. А дальше, если позволяет протяженность острова, россыпь поселков, укрытых в лесах или ущельях у источников, заросших олеандром. Козы и овцы медленно уничтожают пустоши. Повсюду, где удалось сохранить немного плодородной почвы, люди посадили виноградники, оливы, смоковницы и гранаты. Их также выращивают на террасах. Каменные ограды, увенчанные шипами, оберегают от зубов животных длинные светлые грозди, которые в один прекрасный день обратятся в «огненное вино». Лишь бы хватило воды. Да ветер не дул слишком сильно! В искромсанном известняке горных склонов человеческий гений прорубил карьеры, устроил обсерватории, гробницы и маленькие святилища. Здесь человек соединялся с природой и сам становился лучшим ее украшением.

Вулканы в Греции расположены двумя параллельными арками. Северная тянется от Оксилита, или Острога Камня острова Эвбея, до Ферры во Фракии, проходя через Лемнос, Имброс и Самофракию. Южная украшена именами Эгины, Метана, Пороса, Милоса, Кимолоса, Полиэгоса, Фолегандроса, Санторина, Нисироса и Коса. В наши дни самый известный из них — Санторин*. Но автор «Каталога кораблей» даже не упоминает об острове Фера, ибо его середина исчезла в недрах моря в результате мощного извержения в 1520 году до н. э. От острова остался слой пепла и лавы высотой от семи до семидесяти метров и фумаролы посередине гигантского кратера. Поэт ограничивается упоминанием Лемноса, Эгины, Нисироса и Коса. Там, среди гор из темного андезита или красного туфа, часто — с очень крутыми склонами, человек более чем где бы то ни было отрезан от мира. Он живет в одиночестве и особенно остро чувствует собственную изоляцию. Он боится стихийных бедствий, голода, эпидемий и набегов. Счастье, если к улову рыбы, урожаю с клочка земли и тому, что удастся собрать в лесу, он может добавить какой-нибудь редкий минерал или прозрачные плитки обсидиана.

* Второе название острова — Фера. — *Прим. ред.*

Во времена Троянской войны единственные острова, которые были относительно богаты и довольно плотно заселены ахейцами, — это Ионические, Эвбея, Родос и еще семь близлежащих. Прочие, несмотря на то, что археологи находят там многочисленные следы микенской эпохи, постоянно жили под угрозой захвата или зависели от далеких царей. Так, Кифера стала колонией лакедемонян, Киклады со всеми их так называемыми минойскими поселениями экономически зависели от Крита. Островной контингент флота Агамемнона уступал размерами «континентальным» флотилиям Ахилла и фессалоникийцев.

В конце XIV века и на протяжении всего XIII века на континенте стало так много эллинов, что им приходилось эмигрировать и искать удачи на все более отдаленных островах или в Малой Азии. Сталкиваясь с сопротивлением местных жителей, пришельцы навешивали им обидные клички: пеласги, или «аборигены», лелеги, киликийцы, дарданцы, варвары, — словом, в название народа превращали то, что греческое ухо могло уловить в языке врага. Последние тоже нередко оказывались колонистами, перебравшись из Азии на Архипелаг задолго до его освоения ахейцами, в том числе: тирренцы, карийцы, финикийцы, каким бы ни было значение, приписываемое последнему слову («любители фиников», «краснокожие» или, как сказали бы теперь, — «торгаши»).

В любом случае Эгейское море так и манило к дальним странствиям и общению, способствуя взаимному влиянию греков и жителей Леванта. Внимательное изучение лишь подтвердило то, что глаз заметил среди равнин и суши: греки уже стали народом путешественников, без усталости карабкающихся не только по крутым перевалам континента, но и курсирующих среди островов.

Происхождение греческого народа

Откуда же он явился, этот народ, который ни на микенских табличках, ни в гомеровских поэмах не называл себя «греками», потому что не он сам, а ита-

лийцы, вступив в конфликт с жителями Эпира, распространили на весь Греческий архипелаг прозвище малоизвестного племени, в IV веке до н. э. жившего в окрестностях Додоны. Автор «Каталога кораблей» («Илиада», II, 530) использует термин *панэллины* для обозначения всех жителей Эллады, то есть небольшого региона к югу от Фессалии, а также долины Сперхея. Чаще всего воины, собравшиеся под Троей, именуются ахейцами (*akhaioi*), аргивянами (*argeioi*) или данайцами (*danaoi*), это явно не самоназвание. Историки указывают на присутствие ахейских племен в полудюжине регионов Греции — от Фессалии до Крита. Имя Аргос («Белый город») носили восемь городов или поселений от среднего бассейна Гелиакмона (Вистрица) и северной Фессалии до острова Нисирос. Имя данайцев связывают не только с подданными мифического царя Даная из Арголитиды, отца Данаид, но и с названием крупной реки в Фессалии — Апиданоса. Значит, скорее всего, четыре названия, которыми наиболее древние известные нам письменные источники обозначают греков, — эллины, ахейцы, аргивяне, данайцы — принадлежали племенам, населявшим богатую Фессалийскую равнину. Но откуда они туда пришли?

Существуют три варианта решения этого вопроса. Первый из них, литературный, не хуже и не лучше двух прочих. Он заключается в том, чтобы учесть мнение греческих историков, ведь кому, как не им, знать происхождение собственных предков. Древние считали Эллина, героя-эпонима своей расы, сыном северянина Прометея, или Девкалиона («Белого») и Пирры («Рыжей»). Последних после Великого потопа прибило к горам Фессалии. Следовательно, они явились откуда-то с севера от Олимпа и, согласно традиции, было это приблизительно в 1600 году до н. э., Эллин женился на нимфе Орсее, дав тем самым жизнь четверем родоначальникам эллинских племен.

Лингвистическое решение подсказано поиском среди наиболее древних топонимов полуостровной Греции и Крита серии названий, предшествовавших, безусловно, греческим, и попыткой найти для них

соответствия в Европе и Азии. Между тем среди доэллинических имен собственных встречаются два типа: те, что не поддаются объяснению по законам индоевропейских языков, как, например, названия некоторых гор (Мала, Парна, Пинд) и рек (Арна, Таврос), и другие, повсеместно встречаемые на берегах Эгейского моря, с корнями и суффиксами, сравнимыми с имеющимися в индоевропейских языках, хотя их фонетика и нарушает законы греческого: скажем, Коринф и Куриванда, Педас и Педасса, Пергам и Ларисса. В результате напрашивается вывод, что до появления эллинов в Фессалии на Греческом архипелаге обитали по меньшей мере два разных народа: первый — доиндоевропейский, а второй сложился из различных индоевропейских элементов, и его носители употребляли слова с окончаниями на *-eus*, *-mna*, *-nthos*, *-ssos-ssa* и т.д. Такие слова широко представлены на наших картах, от берегов Мраморного моря до Крита, в том числе во Фракии, Восточной Греции и на Пелопоннесе.

Что касается собственно протоэллинического региона, то лингвисты, изучающие названия рек и гор, полагают его в Пиерии, к северу от Эпира, то есть приблизительно на территории нынешней северо-западной Греции: здесь все топонимы древнегреческого происхождения. Ученые делают вывод, что предки мифического Эллина кочевали между массивом Граммос, медными рудниками у Гревены и бассейном реки Ион. Во время своих миграций к юго-востоку, перегоняя стада или подгоняемые ими, голодные и слишком многочисленные, чтобы прокормиться, они столкнулись со смешанным населением, носителем более высокой культуры, чем их собственная, и назвали их пеласгами. Замечено, что во времена Троянской войны лишь восточные части Греции, Балканский полуостров и прилежащие острова рассматривались как эллинические, словно народ Эллина растворился среди пастухов Пинда и Парнаса и эгейских мореходов. По всей вероятности, название «ахейцы», *akhaioi*, — пеласгическое, то есть доэллинического происхождения, и означает мужи-воины, «товарищи».

Однако нынче в моде археологический подход к решению этого вопроса. После раскопок Орхомены, минойской столицы Беотии, открытия множества городов Арголиты, и в том числе Лерны, а главное — после сравнительного изучения погребальных холмов в южной России, называемых курганами, и аналогичных им могильников в Средиземноморье, от Албании до Малой Азии, большинство археологов допускают возможность вторжения на Балканы нескольких следовавших друг за другом волн индоевропейских пришельцев с начала бронзового века, то есть примерно с 2500 года до н. э. Не стоит думать, что они валили валом: вероятно, их было не более нескольких десятков тысяч человек, кочевавших со своими стадами в поисках пастбищ, жизненного пространства и места под солнцем. По пути они вызвали немало катастроф, зато принесли с собой кое-что новое как на землю самой Греции, так и в район Трои. Поселения более древних обитателей тех мест наверняка не раз горели дотла между 2500 и 1900 годами до н. э.: пожарища характерны для Трои, городков Фессалии, Этреси и Лерны, а в 2300—2200 годах та же судьба постигла многие поселения на критских берегах.

Степняки несли с собой черты совершенно иной цивилизации: захоронения под курганами, оригинальную керамику с плетеным орнаментом, весьма гладкую и имитирующую металл, умение соединять медь со многими другими элементами — мышьяком, цинком, свинцом, серебром, оловом, — изготавливать боевые топоры, кинжалы и мечи, становившиеся все более длинными и прочными, копья с наконечниками и своеобразные доспехи, покрывавшие все тело, а также феодальную систему разделения общества на три или четыре класса и среди последних — касту профессиональных воителей, способных запрячь лошадь в боевую колесницу.

Наиболее древние останки одомашненной лошади, обнаруженные в Македонии, датируются эпохой ранней бронзы. В конце XVII века до н. э. знатные воины-завоеватели требовали, чтобы и в Греции их хо-

ронили под огромными курганами вместе с лошадьми — этот факт доказан раскопками в Марафоне. Нетрудно вообразить, какой ужас охватил мирных земледельцев и пастухов, живших на равнинах Фессалии, Беотии и Аттики, при виде боевых колесниц, этих страшных военных машин, на которых мчались бьющие без промаха лучники и копейщики. Местным жителям, вернее, тем, кто пришел сюда прежде, — пеласгам, лелегам, лапифам или аонам, — оставалось только бежать или покориться.

А еще археологи подтверждают то, что смутно вырисовывалось и из литературоведческого анализа, а также из сравнительного изучения географических названий: с 1600 по 1200 год микенский мир переживал фазу впечатляющей экономической и демографической экспансии. Повсеместно появлялись новые поселения и строились города. Наконец, нестабильности раннего и среднего бронзового веков противопоставляется постоянство обычаев периода поздней бронзы. Ни в Марафоне, ни в Арханах на Крите (древние Аканан) на протяжении XVI—XIII веков в погребальных обрядах не наблюдается никаких изменений. Все эти соображения сводятся к нескольким датам и символическим фактам:

- 1600—1500: Сооружение в Микенах круга царских гробниц В, затем круга А. Появление аналогичных погребений от Левкады до Марафона
- 1500—1400: Закладка наиболее древних дворцов в Микенах, Тиринфе и Фивах. Появление царских купольных гробниц, *талосов*.
- 1400—1300: Строительство циклопических укреплений и новых дворцов в двадцати городах Греции и на берегах Азии.
- 1300—1200: Нарращивание и совершенствование средств обороны. Массовая колонизация островов и отдаленных побережий.

Не стоит воображать, будто феномен нашествий и слияния захватчиков с местными жителями свойственен исключительно Греции, а главное — что все это прекратилось в 1200 году до н. э. С того времени каждый век был свидетелем того, как по Балканам, не страшась ни Темпейского ущелья, ни Фермопил, маршируют, а порой и обосновываются на полуострове орды завоевателей из самых дальних уголков Европы. Дорийцы, фракийцы, македоняне, кельты, готы, славяне, крестonosцы, албанцы, народы Кавказа и так далее — все они, кто раньше, кто позднее, ступают на землю Греции. Но что больше всего поражает в легендарном походе ахейцев к берегам Азии, а точнее — на Трою, так это то, что они встретили там, если верить древним источникам, языки, обычаи и религии, аналогичные собственным, словно они были братьями или по крайней мере родичами Приама и его вассалов. Вот уже 100 лет археологи отмечают, что шестой слой троянских развалин содержит ту же «минойскую» керамику — серую, потом красную и кремовую, те же типы сосудов, здания, укрепления, что и современные этому слою греческие города (ок. 1900—1360 гг.). С другой стороны, микенская керамика, найденная в Трое VII А, свидетельствует о тесных связях между этим городом и ахейским миром. И начинаешь всерьез задаваться вопросом, а не была ли Трояда заполонена теми же кочевыми племенами, что и греческий полуостров в начале II тысячелетия до нашей эры, и не пытались ли ахейцы, ставшие через 500 лет после этого хозяевами Греции, подчинить себе азиатских «минойцев», как они покорили «минойцев» Европы?

Всякое, конечно, бывает на свете, но вряд ли стоит расценивать похищение гречанки Елены из Спарты троянцем Парисом-Александром как бесспорный исторический факт. Скорее это могло быть провокацией, *casus belli*,* способным оправдать давно затеваемый военный поход. В конце концов, не постеснялись же в 1645 году н. э. турки Стамбула бросить

* Повод к войне (лат.).

400 военных кораблей на Крит и захватить его якобы в отместку за угон мальтийскими корсарами галеры с царевной из сераля? Это и впрямь исторический факт, а люди нередко развязывали войны и под куда менее серьезным предлогом.

Человеческие типы

Как представить себе этих объединившихся завоевателей, посланцев двадцати двух разных народов, которые пересекли Эгейское море в середине XIII века до Рождества Христова? Пастухами, похожими на тех, что и в наши дни кочуют по равнинам от Фессалии до Эпира, более ощущая свою принадлежность к клану, чем к тому или иному городу? Бродягами вроде цыган, многочисленных на Балканах и в Северной Греции, с их крохотными стадами, обыкновением готовить пищу в медных котлах и жить в шатре? Относительно оседлыми земледельцами и коневодами? Обитателями суши, при случае неизменно готовыми стать рыбаками и мореходами? «Илиада» показывает нам великое разнообразие особенностей, типов, индивидуальных черт. Письменные таблички из Микен, Пилоса, Фив и Кносса подтверждают впечатление об этнической пестроте войска Агамемнона, обилии самых разных, не считая воинской, специальностей, физической и моральной несхожести.

Но лишь иконография и антропология могут воочию показать нам облик этих людей. Классические поэты, от Гомера до Еврипида, упорно рисуют героев высокими и светловолосыми. Любая скульптура от минойской эпохи и до эпохи эллинизма наделяет богинь и богов (кроме, возможно, Зевса) золотистыми локонами и сверхчеловеческим ростом. Это скорее выражение идеала красоты, физического типа, не встречающегося среди простых смертных. И когда географ Дикеарх из Мессены в IV веке до н. э. удивляется белокурым фиванцам (крашеным? рыжим?) и восхваляет мужество светловолосых спартиатов, он лишь подчеркивает таким образом исключительную

редкость блондинов в микенском мире. И в самом деле, на немногочисленных дошедших до нас изображениях воинов — будь то керамика, инкрустация, стенная роспись Микен или Пилоса — мы видим мужчин с черными, слегка выющимися волосами, и их бороды — в тех случаях, если таковые есть, — черны, как агат. Не менее темны волнистые либо кудрявые волосы жриц и богинь в Микенах и Тиринфе. Широко открытые темные глаза, длинный тонкий нос с четко намеченным, а то и мясистым кончиком, тонкие губы, очень светлая кожа, относительно маленький рост и стройная фигура — все эти черты мы неизменно находим на египетских памятниках там, где художник стремился запечатлеть «народы, что живут на островах Великой (Сугубой) Зелени». В XIII, как и в XV веке до н. э., большая часть населения микенского мира принадлежала к древнейшему средиземноморскому типу, тому самому, что сохранился во многих регионах и по сию пору.

Другие фигуры воинов — с удлинённым торсом, круглой головой, прямой бородой и не такими большими, близко посаженными глазами — несомненно принадлежат представителям балканского типа, или, как говорят этнографы, — альпино-динарического. Во всяком случае, это жители юга Европы. Возможно, кто-то из них и был блондином или рыжим, иначе откуда взялись бы все эти Ксанфы и Пирры, о которых повествуют мифы?

Кое-какие отступления от распространенного типа на золотых масках из могильников позволяют увидеть и другие физиономии, особенно интересна одна — почти круглая, с более мясистым носом и сросшимися у переносицы бровями. Такие лица нередко встречаются в Анатолии, а еще чаще — в Армении, словно нарочно желая дать обоснование легендам, согласно которым из Малой Азии в Грецию перебралось немало царей, цариц, наложниц, мастеров, рабов и солдат. Наконец, часть лиц и фигур не укладываются в столь простую и наивную классификацию. Судя по всему, микенский мир населяло множество людей смешанного происхождения. Вот «на-

стоящие» греки, как описывает их Полемон в эпоху императора Адриана: «Те, кто сумел сохранить эллинскую и ионийскую расу во всей ее чистоте (!) — мужчины довольно рослые, широкоплечие, статные, ладно скроенные и довольно светлокожие. Волосы у них не совсем светлые (то есть светло-каштановые или русые), относительно мягкие и слегка волнистые. Лица широкие, скуластые, губы тонкие, нос прямой и блестящие, полные огня, глаза. Да, глаза греков — самые красивые на свете». Можно подумать, что это синтез всех предыдущих описаний, сочетание древнесредиземноморских, балкано-средиземноморских и анатолийских черт. Не хватает лишь «греческого профиля» — прелестной выдумки современных искусствоведов.

Менее двух поколений назад ученые пытались определить тип жителя Восточного Средиземноморья по черепному индексу, то есть процентному соотношению между длиной и шириной черепа. Если рассматривать Троянскую войну с такой точки зрения, то можно сказать, что высокие белокурые долихокефалы сражались там с маленькими темноволосыми долихокефалами*. Но помимо того, что у обеих групп черепной индекс выглядит одинаково — 75,9 и более и что он равным счетом ничего не говорит ни об умственных способностях, ни о проницательности, ни хотя бы о происхождении, поскольку форма черепа варьируется в зависимости от условий жизни, пищи и числа смешанных браков, мы предпочитаем (и не без основания) любопытствовать, как тот или иной индивидуум выглядит анфас и в профиль, а не сверху. И потом, как быть с многочисленными, составляющими едва ли не треть, мезокефалами? Не говоря уже о том, что у нас под рукой крайне мало хорошо сохранившихся и тщательно измеренных черепов. Разумнее обратить внимание на более характерные особенности — такие, как величина глаз-

* У долихокефалов ширина черепной коробки составляет менее 75% длины, у брахикефалов ширина черепа — более 80% длины, а у мезокефалов показатели приблизительно равны.
Прим. пер.

ниц, верхний и нижний лицевой индекс, ортогнатизм или прогнатизм, костные выступы, позволяющие выделить несколько типов: одни — с высоким черепным сводом, относительно широко расставленными глазами и прямым подбородком, вторые — более узкие и угловатые со множеством различных вариантов лба, носа и челюстей. Зубы в основном остались великолепными, что и немудрено, поскольку в те времена умирали молодыми, не знали синтетического сахара и слишком кислых продуктов.

Все, что можно извлечь из исследования скелетов ранне-эллинского типа (XVI—XIII вв. до н. э.) при современном уровне антропологической информации, только подтверждает и слегка дополняет данные микенской иконографии. Мужчины, похороненные в круге В царских гробниц в Микенах, в среднем достигали 1,675 метра высоты, семеро были выше 1,7 метра. Женщины — в основном на 4—8 сантиметров ниже. В круге А более-менее хорошо сохранились два скелета: первый достигает 1,664 метра, второй (носитель так называемой маски Агамемнона) — 1,825 метра. Изучавший их доктор Лоуренс Энджил заметил, что у обоих на редкость плотный костяк, тела и головы массивны. Эти люди явно принадлежали к отличному от своих подданных этническому типу и были в среднем на 5 сантиметров выше их.

Столь же смешанным было и критское население той эпохи, хотя средний рост мужчин не превышал 1,64 метра, а женщин — 1,57 метра. И тут нечему удивляться, ведь высоколобые эллины, ставшие хозяевами Микен в XVI веке до н. э., помимо этнических особенностей принесли с собой и новые привычки: способы охоты, спорт, обыкновение питаться мясом и молочными продуктами, неизвестными прежним обитателям Средиземноморья. Однако невозможно оценить, насколько вино, оливковое масло, рыба, икра и прочие дары моря, а также теплый солнечный климат меняют состав крови и черты лица, не говоря уже о смешении с местными жителями. У Агамемнона, как у Ахилла и Патрокла, в Азии имелось много наложниц. А царица Клитемнестра на-

шла утешение в постели прекрасного Эгисфа, кузнеца своего мужа.

Любопытство заводит антропологов и дальше. В последние несколько лет они изучают отпечатки пальцев на микенских табличках и глиняных сосудах. Писцы и горшечники, случайные прохожие и богомольцы (кто преднамеренно, а кто и нет) оставляли отпечаток пальца или ладони на печатях, монетах, сосудах и стенах храмов. Декоративный орнамент на горлышке кувшина мог представлять собой череду повторных отпечатков большого пальца на необожженной глине. Различают восемь типов отпечатков, которые без труда можно свести к трем основным: дуговые, петельчатые, мутовчатые, то есть такие, чьи линии расходятся концентрическими кругами. Первая попытка сравнительного анализа, сделанная в 1971 году профессорами Ролом Астромом и Свенном Эриксоном на материале двухсот экземпляров микенской эпохи, оказалась обескураживающей. Она показала, что для Кипра и Крита процент дуговых отпечатков (5 и 4% соответственно) — тот же, что и у народов Западной Европы, например Италии и Швеции; процент петельчатых (51%) и мутовчатых (44,5%) очень близок к тому, что мы видим у народов современных Анатолии и Ливана (55% и 44%). Правда, остается открытым вопрос о том, какой процент среди ремесленников Греции составляли азиатские эмигранты. И все-таки факт остается фактом: исследование отпечатков пальцев выявило две этнические составляющие греческого народа — европейскую и ближневосточную.

Что же касается групп крови, то общеизвестно, что они передаются по наследству, как и различные другие генетические факторы, но этот фактор еще стабильнее и, если можно так выразиться, более присущ определенному виду. Несколько лет группа ученых из Афин — В. Балоарас, Н. Константулис, М. Пайдусис, Х. Сбарунис и Арис Пулианос, — изучая группы крови молодых призывников греческой армии и состав костей, сожженных в конце микенской эпохи, пришла к двойному заключению о том, что бассейн Эгейского моря демонстрирует поразительное еди-

нообразии в соотношении групп крови, а немногие исключения, зафиксированные, скажем, в Белых горах Крита и в Македонии, находят соответствие у ингушей и других народов Кавказа (в то время как по всей Греции группа крови «В» приближается к 18%, а группа «0» с небольшими колебаниями — к 63%, здесь они отмечаются куда реже, причем последняя порой падает до 23%). Это следствие древних миграций внутри стабильного и до сих пор преобладающего в Греции средиземноморского типа.

Единство

Потому-то и возникает соблазн говорить о видимом национальном единстве Архипелага с середины II тысячелетия до Рождества Христова, когда волны захватчиков, судя по всему, поутихли и расцвел дом Элина. Но, пожалуй, это означало бы состарить на тысячу лет чувство, мощно заявившее о себе лишь в классической Греции. Для поэтов, создателей эпоса, принадлежность к греческой нации, или, выражаясь более сдержанно, ионийский патриотизм, определяется на берегах Азии или во Фракии целым рядом противопоставлений тем, кого ахейцы называют варварами и чужаками. Оставаясь среди последних в меньшинстве, несмотря на 700—800 лет колонизации и торговых связей, греки обладали сознанием своего изначального единства. Даже изъясняясь по меньшей мере на четырех разных диалектах, они гордились общностью языка и особенно обычаев — религиозных и нравственных, а также военных и экономических. Они могли воспринять чужую манеру есть и одеваться, могли вступать в браки с представителями народов, у которых нашли приют, и даже поклоняться их богам или включать чужие божества в собственный пантеон, но определенные черты — такие, как разделение на племена, фратрии и семьи с патриархальным и моногамным укладом, культ олимпийских богов и единых предков — в негативном и позитивном плане определяют их как элли-

нов. А в интересующую нас эпоху на собственно греческой земле, как и на равнинах Трояды, всего лишь некоторые военные вожди в испытаниях и только в них начинают ощущать свою принадлежность к единой нации, единому этносу.

Языки

Мы уже видели, насколько смешались и переплелись здесь разные этнические типы, но дело не только в происхождении и составе крови. В конце XIV века до н. э. на Крите насчитывалось как минимум пять народов, и, несомненно, говорили они на разных языках. Одни из них были унаследованы от местных жителей, другие завезены на острова из Анатолии (например, карийский и лувийский), третьи принадлежат к индоевропейским: это иллирийский, македонский, фракийский и тот, что, быть может, ошибочно именуют протогреческим или общегреческим, ибо наиболее архаичные элементы греческого, которые нам удастся определить благодаря топонимике, микенским надписям и литературе, позволяют сделать вывод об использовании нескольких диалектов в эпоху Троянской войны. Стоит сравнить протодорийское *pheromes* «мы несем», *pheronti* «они несут», *pheretai* «он несом» с соответствующими формами протоэолийского — *phereomen*, *pheronti*, *pheretai*, протоионийского — *phereomen*, *pheronsi*, *pheretai* и протоаркадского — *phereomen*, *pheronsi*, *phereto!* К сожалению, бывает и так, что в разных диалектах одно и то же слово уже не имеет ни одинакового смысла, ни той же эмоциональной окраски. Нет сомнения, что Гомер уже не понимал многих поэтических оборотов и терминов, унаследованных от прежней, далекой эпохи. Идиомы и образы вняты лишь народу, который создал их и ввел в употребление.

Конечно, существовал и административный язык, общий для дворцовых чиновников, составленный из технических терминов и канцелярских формул, близкий к разговорному языку северо-восточной

Греции, эолийскому и македонскому. Но что позаимствовали из него покоренные народы? Склоняясь перед дубиной и от налогового гнета, они, самое большее, чувствовали, что господа отлично понимают друг друга.

Классы

Здесь тоже царит разнообразие, особенно среди недавних эмигрантов, ведь бухгалтерия и инвентарные списки микенских лавок поведали нам не только о конфликтах внутри наиболее крупных династий, между имущими и всеми прочими, хозяевами и арендаторами, должностными лицами и теми, кто не имел никакой должности, но и подтвердили все, что говорит сравнительный анализ о социальной структуре наиболее древних индоевропейских завоевателей. Аналогичные представления о мире людей и богов засвидетельствованы в мифологии и эпосе от Ирландии до Индии. Будь на земле и на небе все одинаково, идеальное общество делилось бы на три основные касты или класса с присущими каждому определенными функциями. Такова, по крайней мере, трехчленная модель общества у индо-иранцев и скифов: мудрецы, воины и земледельцы. Именно она породила трехкастовую систему Индии, судя по всему, сохранившуюся до наших дней. Та же схема верна и для Франции до 1789 года: духовенство, аристократия и третье сословие. Однако приходится признать, что термины «мудрецы, воины и земледельцы» слишком расплывчаты и допускают существование множества нюансов. Например, изучая жизнь двух-трех хозяев микенских дворцов, мы заметим, что обязанности царя распределяются по нескольким направлениям: религиозные, юридические, административные и т.д. Эллинские мифы четко различают, с одной стороны, богов — как «инженеров» войны, с другой — героев, ее «мастеров». И всякому известно, что в полукочевом-полуоседлом мире существовало множество разных типов производителей и богатых семей.

Но в XIII веке любые схемы еще более усложнял, порождая бесконечные конфликты, тот факт, что индоевропейцам Архипелага волей-неволей приходилось объединяться с народами, имевшими более сложную и утонченную общественно-экономическую структуру, чем их собственная. У ионийцев и, судя по тому, что мы знаем о минойских законах и обычаях, на Крите и Кикладах важное — вероятно, второе по значимости место — отводилось ремесленникам: мастерам, изобретателям и колдунам одновременно. Древние афиняне, считавшие себя местными жителями (вернее, потомками пеласгов), как пишет Аристотель, «разделялись на четыре касты (жрецы, воины, ремесленники, земледельцы), по числу времен года. Каждая из них, в свою очередь, подразделялась еще на три ветки, чтобы в целом составить двенадцать, по числу месяцев в году, и эти группы назывались, соответственно, триттиями и фратриями». Так мистико-религиозные соображения накладывались на эллинскую иерархию, имевшую три функциональных класса (наследие трех сыновей Эллина — Дора, Ксута и Эола). Добавим к этому необходимость постоянного общения с народами Ближнего Востока, подрывающую условности, плюс всякого рода профессиональную специализацию — и станет ясно, насколько текучи и условны были подобные структуры.

Наконец, концепция выдающейся роли женщины в доэллинском обществе, о чем свидетельствуют культ Великих богинь, множество примеров наследования по материнской линии, защита, предоставлявшаяся на Крите вплоть до классической эпохи супруге, разведенной жене и вдове, столкнулась с концепцией сугубо патриархального общества. Лишь после XII века дорийцы, завоеватели Западной Греции, большей части Пелопоннеса и нескольких островов, наряду со своим диалектом навязут покоренным землям и социальное разделение на три класса. А до тех пор, помимо деления по признакам пола и возраста, существовало от двенадцати до четырнадцати социальных групп, в зависимости от региона (и это, разумеется, не считая деклассированных элементов).

Отсюда — великое разнообразие обычаев и культов. Определенная часть мифологии, унаследованная позднейшей литературой, пытается внушить нам, будто боги эллинского пантеона походили на добросовестных чиновников с точно определенным кругом обязанностей и знанием правовой системы на римский лад. Афина-Минерва, таким образом, становится богиней мудрости, Афродита-Венера — любви, а Посейдон-Нептун ведает навигацией. Ничего подобного в микенскую эпоху не было, поскольку тогда любое божество относилось не к чему-то, а к кому-то. Каждому поклонялись четко определенные локальные и социальные группы. К примеру, есть основание полагать, что Афина являлась покровительницей обитателей крепостей и дворцов, и особенно их владельцев, культ Афродиты был распространен среди женщин и моряков в Патосе и Кифере, что Посейдон, супруг Земли, имел на суше свои источники и священные рощи, а уж потом превратился в повелителя всадников и мореходов. Эллины верили также, что боги, спустившись с Олимпа, встретили на Архипелаге общих предков — титанов, циклопов, сторуких великанов, нимф — покровительниц деревьев и скал, а потому никогда не переставали поклоняться последним. Теомахии, или войны богов, часто становились отражением религиозных и социальных конфликтов между народами. Неслучайно сам Зевс в конце концов идет на компромисс с противниками, а его сын Геракл освобождает прикованного титана Прометея.

Сплочение

Так что же на самом деле объединило столь разношерстный и переменчивый народ в эпоху Троянской войны? Восхищение Еленой Спартанской, сестрой Кастора, Полидевка и Клитемнестры? Клятва блюсти честь Менелая, данная всеми греческими вождями? Власть Агамемнона, царя Аргоса и Микен? Вот уж вряд ли! Сегодня ученые полагают, что Елена и ее

братья Диоскуры некогда были тремя божествами, Агамемнон — один из древнейших эпитетов бога Зевса в Амиклах, лишь впоследствии антропоморфизированный, а Менелай, который, как мы видим, в поисках фортуны и богатства мотался по всей Греции, Азии и Египту, сильно смахивает на типичного авантюриста или пирата (если, конечно, он вообще когда-либо существовал).

Под стенами мощной крепости на унылой Троянской равнине, продуваемой жестокими ветрами, у собравшихся здесь ахейцев возникло ощущение своей принадлежности к единой локальной цивилизации. Среди испытаний и тягот той далекой войны, перед лицом необходимости дать отпор притязаниям азиатов, столкнувшись с чужими свадебными и погребальными обрядами (ликийскими, например), подталкиваемые экономическим соперничеством с сирийско-палестинскими флотами, обитатели Архипелага, похоже, впервые в истории, в XIII веке до н. э. осознали, что у них есть общее прошлое и общие интересы. Кроме того, всем им приходилось иметь дело с одними и теми же опасностями. Без периодически возникающей угрозы голода не объяснить ни миграций, ни захватнических набегов. Мифология и эпос упоминают о частых эпидемиях, уклончиво называемых чумой, что терзали Крит, Арголиду, Лаконику, Троаду времен Тесея или Менелая. Землетрясения и сопряженные с ними катастрофы — часть повседневной жизни грека, как древнего, так и нынешнего. Археологи доказали, что значительная часть домов вне крепостных сооружений Микен (особенно характерны остатки одного из них — в пятидесяти метрах к югу от «Сокровищницы Атридов») была разрушена сейсмическим толчком около 1250 года до н. э. Ионические острова, северное побережье Пелопоннеса, Южные Киклады и район Кносса, расположенные по краям трех глубоких геологических разломов, в этом смысле всегда подвергались наибольшей опасности.

В поте лица обрабатывая скудную землю, страдая от внезапных бурь и землетрясений, греки наконец

«сплавились» в единый народ благодаря общей надежде обогатиться за счет завоеваний, торговли и наемничества. Как и другим участникам осады, Ахиллу предлагался выбор между жизнью долгой, но скучной, и короткой, но полной блеска и славы. И что за беда, если придется погибнуть в двадцать лет? И пускай стрела Париса пронзит его пятю!

Психология

Если верить в неизменность проходящих сквозь века групп крови, продуктов питания, обычаев, конфликтов и амбиций одного народа, если допустить, что греческие писатели, историки и драматурги хорошо знали характер своих предков, если, наконец, судить о людях по их свершениям, может возникнуть соблазн написать портрет греческого солдата и моряка, сопровождавшего атридов под Троию. Самого обычного человека, начинающего осознавать свою принадлежность к элинам. А поскольку невозможно, делая психологический набросок воина, учесть все многообразие характеров, в значительной мере определяемых происхождением, воспитанием, профессией, возрастом, то придется не учитывать те черты, которые присущи всем народам Средиземноморья: индивидуализм, вспыльчивость, остроту и внезапность эмоциональных реакций, любовь к спорам и зрелищам, привязанность к сиюминутному. Но вот несколько особенностей, которые мы обнаруживаем у греков на протяжении, по сути дела, всей их истории.

В первую очередь это живое и обостренное любопытство, открытый, гибкий и проницательный ум. Во всех участниках великой азиатской авантюры — от героя до второстепенного персонажа, от Одиссея до Терсита, — больше всего поражает страсть к приключениям. Сколько же верных поклонников Музы дальних странствий садилось на корабли и какие лишения они терпели, лишь бы следовать за легендарными персонажами по имени Геракл, Ясон, Тесей, Персей,

Беллерофонт, Ахилл — ради не очищенного от соломы «золотого руна» или в поисках городов, где...

*золото, пурпур, лазурь пламенеют,
доступные толпам лишь в снах, —
Тир, Гелиополь, Солим, Цезаря...*

Похоже, никакая вера, никакая мистика не вдохновляла их в отличие от тех странствующих рыцарей, которых воспевают Виктор Гюго. Нет, здесь виден лишь глубокий и страстный вкус к состязанию, к риску, свойственный народу, всегда остававшемуся игроком, воспринимавшему жизнь как азартнейшую из игр. Грек не скажет: «Кто не рискует, не имеет ничего». Его мысль формулируется более мужественно: «Кто не рискует, тот — ничто».

На редкость гостеприимный и общительный, он, подобно Филемону и Бавкиде или свинопасу Эвмею, всегда готов принять в доме путника, тем более что тот может оказаться богом. Хозяин дома или дворца держит в запасе дары для гостей, одеяла и еду для странников. И он готов все отдать за свежую мысль, новость, теплое слово. Он любит открывать неизведанное, размышлять, изобретать. Вспомнив, сколько орудий труда и предметов роскоши «рассеяно» по музеям мира, можно лишний раз и не говорить о том, что ремесленники микенской эпохи были истинными художниками и, даже вдохновляясь сирийскими, кипрскими или критскими образцами, всегда творили нечто свое. Они отвергали копирование, серийность, заданность. Во всех коллекциях не найти двух абсолютно одинаковых сосудов. Так же человек творит и самого себя, не останавливаясь на достигнутом. Таким образом, грек придает собственной судьбе исключительный характер: он превращает ее в оригинальное приключение, достойное эпической поэмы. И это неудивительно: поэт в душе, он спонтанно самовыражается в образах, стихах, музыке.

Герои Троянской войны печальны. Эпидемии, сечи, смерть во цвете лет, тоска по родине, естественно, веселья не внушают. Задолго до Гесиода, первым воспевшего прелести золотого века, люди угасающего века бронзы, на глазах у которых в Малой Азии по-

явилось первое железное оружие, горько завидовали мужчинам и женщинам былых времен, чувствуя себя глубоко несчастными в собственное время. Живя в вечно угрожающем мире, перебираясь с одного острова на другой, они, может, и обретали мудрость, но невольно придавали ей пессимистический оттенок. Неизбывную радость вкушают одни только боги.

А людей Зевс наделил лишь краткими и нечистыми полуудовольствиями да полновесными горестями. Сама надежда — зло, последнее, что осталось на дне свадебного ларца Пандоры, супруги глупого Эпиметея. С тех пор только болезни и смерть бродят по всему свету. Счастье еще, что в тишине. Ведь промысел небес непостижим, а закон — непреложен. Для смертного слово «свобода» само по себе не имеет смысла. Не то чтобы грек был фаталистом или мог повторять, подобно ученикам Лао-цзы: «Предоставьте всему следовать естественным путем и не вмешайтесь». Нет, он скорее вполне ощущал патетический характер трагедии, в которой играл свою роль. Его экспансивность, многословие, на редкость выразительная мимика и беспрестанные клятвы в чистоте намерений — защитная маска. Что она скрывает? Беспокойство, неуверенность, глубокое внутреннее раздвоение. Агамемнон командовал стотысячной армией, но душ там наверняка было тысяч двести.

Психоанализ

Если бы мы посмели, как уже пытались не раз, приподнять все покровы, угадываемые под золотыми масками из Микен, если бы захотели во что бы то ни стало заняться психоанализом дважды усопшего народа, следовало бы поискать причины любопытства, страсти к игре и беспокойной чувствительности древнего грека в эпоху его «детства». Мы взвесили бы все откровения мифологии, театра и грез, столь характерные, что они подарили имя впечатляющему набору комплексов, в том числе Эдипову, комплексу Антигоны, Электры, Ореста, Пилада и т.д. И к

этому мы бы добавили комплекс общей неудовлетворенности. Так чего же не хватало всем этим персонажам* (в прямом смысле слова), всем этим людям в масках? Вероятно, нежности обоих родителей. Все они, покинутые и воспитанные либо чужими людьми, либо мужеподобной и сварливой матерью, а то и мачехой, ищут таких отца и мать, каких у них никогда не было. Богиня Гера, неуживчивая супруга Зевса, ничуть не женственнее и не больше годится в матери, чем Елена, Гермiona, Эрифилла, Клитемнестра и Пенелопа.

К тому же они, как Тантал, Фиест или поклонники Зевса с горы Ликей, подменяют каннибализмом несовершенный акт любви. Они одержимы материнской кровью, которая одновременно внушает им и ужас, и безумную страсть. И все они однажды понимают, что упустили свою юность. Некоторые, подобно Гераклу, Аяксу, Ахиллу и Амфиараю, тяготеют к самоубийству. Другие (вроде Креонта или Эгисфа) жаждут забыться и компенсировать свою неудовлетворенность безжалостной тиранией. Рожденные в жестоком мире герои четвертой расы, те, кого Гесиод называл полубогами, эти вечно неудовлетворенные создания всю жизнь проводили в битвах, главной из которых оставался конфликт поколений. Это народ, рожденный для театра, трагического театра.

Представления о мире: пространство

Они представляли себе мир иначе, нежели мы, и, без сомнения, иначе, чем современные греки. Передвигаясь пешком, босыми, или путешествуя на невероятно медленных судах, разве могли эти люди обладать таким же, как наше, представлением о земных и морских просторах? Не имея ни настенных, ни наручных часов, разве могли они иметь такое же ощущение времени?

* *Persona* — маска (лат.). — *Прим. пер.*

Люди микенской эпохи много путешествовали. Тогда, как и сейчас, пастухи Фессалии шли со своими стадами через Пинд и Парнас до Эпира и Акарнании, за 150 километров от дома. Легенда утверждает даже, будто Гермес, юный бог горы Киллены в Аркадии, отправился красть коров у своего брата Аполлона в туманные горы Пиерии, на самый север Древней Греции, а спрятал их в пещере Пилоса, на крайнем юге Пелопоннеса. Рейды, набеги и грабежи, когда выпадал случай обогатиться, вынуждали постоянные или сколоченные на скорую руку банды совершать многокилометровые переходы, а беглецов и побежденных — преодолевать и еще большие расстояния. До совсем недавнего времени путь измерялся не в километрах и часах, а в днях ходьбы пешком или путешествия на корабле, как это делал Телемах, отправляясь с Ментором из Итаки в Спарту.

Единственными известными верховыми животными были ослики и мулы, неторопливые, зато надежные. Лошадь запрягали только в боевые колесницы, и, если господам случалось отправиться на колеснице в другой город, это имело смысл лишь на равнине. Горные тропы не позволили бы колеснице преодолеть сколько-нибудь значительный отрезок пути. Эдип убил своего отца Лая в овраге, где слишком узкая дорога не давала двум колесницам разъехаться. Произошло это в половине дня пути от Дельф, в месте, которое нынче зовется Стени («ущелье, теснина») и где в 1856 году капитан Мегас уничтожил банду из двадцати четырех преступников. Лай, как повествует легенда, возвращался из паломничества. А сколько других людей ходили на поклон в Центральную Грецию, к устью большой реки, к вершине священной горы, в любые уголки, где можно посоветоваться с усопшими и богами?

Я не раз имел возможность убедиться, как в самой Греции, так и на островах, что для пилигрима расстояний не существует, даже если их приходится преодолевать в наитягчайших условиях. Тяготы лишь придают большую ценность путешествию.

Оставим в стороне путешествия на чужбину, военные экспедиции в Азию, вроде Троянской кампании, массовые переселения рабов и пленников, обеспечиваемые чиновничьим аппаратом микенских дворцов — ведь все это, как правило, не предполагало возвращения обратно. Давайте ограничимся лишь временными перемещениями. При слишком короткой жизни (по словам антропологов — в среднем менее сорока лет) расстояния не могли не казаться длиннее, а время — короче. Любопытно, что четыре из пяти спряжений микенской эпохи одинаково выражают представления о пространстве и времени, как будто тогда оба эти понятия смешивали. Пожалуй, подданные Нестора, атридов или Идоменея имели лучшее представление о протяженности, чем о времени. Они хорошо знали солнечный год, чередование сезонов, фазы луны, месяцы, чьи названия нередко указываются на табличках (месяц роз, света (?), навигации, жатвы (?), месяцы различных богов — Зевса, Пеана, Лапатоса, Крейра (?), но все свидетельствует о том, что ритм жизни микенцы отмеряли с помощью иных точек отсчета, нежели мы: время посева, время выгона скота на горные пастбища, дни, когда можно выходить в море, гелиакический восход и заход Плеяд, Гиад или Ориона, гораздо более заметных на небе Греции, чем других частей Европы.

Микенские греки, как доказывает изучение их грамматики, воспринимали продолжительность в виде фаз, с точки зрения момента перехода от одного состояния к другому, интересуясь лишь началом или окончанием процесса, повторяемостью, долготой, постоянством явления, причем намного субъективнее, чем это способны выразить времена наших глаголов. Использование глаголов совершенного вида в бухгалтерии Пилоса соответствует достигнутому результату там, где мы бы воспользовались настоящим временем. Историческим событиям соответствует форма аориста. Во французском языке на сей случай существуют пять форм прошедшего времени, но они не передают

всей гаммы оттенков, связанных с продолжительностью. В общем, при такой манере наблюдать за течением времени — целое важнее деталей, а цель — обстоятельство. Медлительный ток звезд на небосводе, неспешные прогулки, длительные переходы, когда пастуху надо приноравливаться к ленивому шагу животных, обстоятельные мужские беседы... Словом, совершенно другой ритм жизни по сравнению с нашим.

Ветер

Для современников Нестора и Менелая мир был полон богов. Не только титанов и олимпийцев, греческих или варварских членов пантеона, чьи имена мы увидим, вглядываясь в жизнь различных микенских социумов, но почти анонимных, присутствующих в каждом элементе Вселенной. Само название ветра *anemos* приводит на ум два латинских слова, означающих «дух» и «жизнь» — *animus* и *anima*.

У обожествленных ветров была своя жрица, и им приносили жертвы неподалеку от Кносса. Могли ли греки — люди, привыкшие жить на воздухе, любители приключений, моряки, поджидающие малейшего бриза, чтобы тронуться в путь, — не усмотреть божественной воли в движении ветров, которые, налетая с запада или с востока, весь год сталкиваются над вершинами Пинда, Гюоны или Парнаса, приносят или отгоняют дожди на отрогах Аркадии, грозно бушуют над Киферой и холмами Пелопоннеса, баламутят и подергивают мглой воды Эгейского моря с конца июня до середины августа? Само собой, эти ветры-этесии, эти капризные и холодные порывы, грозящие кораблям от Северной Фракии до Термесского залива на северо-востоке, имели имена. Из того ветра, что современные моряки называют «мельтем», древние сделали бога Борея, сына Эос и внука титанов. Ему приписывалась способность оплодотворять кобылиц. Чаще всего это божество представляли соперничающим с Антибореем (именно последний свирепствовал над Эврипом, парализуя флот, со-

бравшийся в Троию). А иногда мы застаем Борей вместе с братьями: Зефиром — западным ветром, Эвром — восточным — юго-восточным и Нотом — богом южного ветра, знойным владыкой Ливийского моря. Ветры, заключенные в недра земли, которые Эол держит в своем мехе, тоже весьма злокозненны. На Крите и других островах до сих пор бытует поверье, что в пещерах с их ледяным дыханием и стаями летучих мышей бродят неприкаянные души. Мореходы, от которых отвернулась удача, крестьяне, уповая на хороший урожай, горшечники, раздувая огонь или высушивая готовый сосуд, — все молились Его Величеству греческому Ветру.

Море и вода

Сказать, что море божественно, для Ахилла значит сказать слишком мало, ведь Фетида, «среброногая» богиня, морская владычица «в необъятном платье», богиня с «дивными власами» — его родная мать, так же как Тефида, супруга Океана, — и морское божество, и кормилица богини Геры, и мать рек и трех тысяч Океанид, что «питают юность мужей» и «в необозримых просторах блюдут землю и морские бездны». Доэллинские имена этих божеств, переданные нам древнейшими эпическими поэтами, фигурируют на критских печатях уже с эпохи первых дворцов. Участники Троянской войны знали, что водоемам, рекам и морям необходимо поклоняться, поскольку вода божественна: она — источник жизни и бессмертия, например, для Пелея, ибо, омыв его, вода очищает его дух и возвращает молодость, она одновременно и зеркало и образчик совершенства. Ей, всеведущей и всемогущей, греки посвящали коней, обряды инициации и свою любовь.

Итак, водная стихия для греков — наставница и мать, связанная теми или иными узами с бесчисленными божествами, переполняющими эллинский фольклор. Если цитировать только самых древних авторов, то это будут Бриарей или Эгеон — сторукий ги-

гант, морской старец Нерей — отец nereид, Протей — хранитель тюленей Фароса, Тритон, который «в пучине волн морских живет в златом дворце», пророк Давк, прародитель множества чудовищ Форкий. Все образы многоморфных созданий, украшающих наши памятники, родились в Греции задолго до Троянской войны из любви к обожествленным водам и страха перед ними. Филологи, пытаясь уловить возможный смысл названий греческих рек, обращают внимание не столько на эпитеты Белая, Быстрая, Каменистая или Глубокая, сколько на имена духов-покровителей или нимф: Амимона, Аретуза, Тритон, Персея.

Земля

Боги бродят не только по критским горам, где известно десятка четыре священных вершин или гор, не считая таких воплощений святости, как Дикта, Берекинф или Ида. Они появляются на всех примечательных высотах от Олимпа до горных массивов, окружающих Аркадское плато, на пиках, отмеченных особой формой, цветом, опасностями, бурями, а также во множестве ручьистых ущелий и труднодоступных пещер, в лесах и непролазных дебрях. Они живут на Геликоне вокруг долины Муз и на Кифероне, куда женщины отправляются в паломничество. Небожители посещают еще гору Атабирион на Родосе, где у Зевса есть храм, и пещеру горы Зия на Наксосу, где, как говорят, родился Дионис, а заступы археологов то и дело натываются на приношения микенского периода.

Не один Крит считает себя родиной Зевса. Мы находим свидетельства о рождении и воспитании Громовержца на Наксосу, в Фивах, Петракосе возле Херонеи, в Мессении, Аркадии и Элиде, не говоря о городах Трояды и малой Азии, где с Зевсом отождествляют местного бога гор. Там же, в зависимости от верований и пристрастий сменявших друг друга захватчиков, провели детство Гермес, Гера или Афина.

Несомненный пережиток времен, когда обряды инициации отпрысков аристократического рода

проводили в отдаленных, труднодоступных уголках, эти культы и легенды имеют более глубокие корни. Источник их — поклонение Земле, Дее, Гее, Айе, воспринимавшейся как Мать и Кормилица людей и богов. Ее почва, способная покрываться священными оливами и злаками, глубины, где рокошет «колебатель суши» и куда спускаются души мертвых, абсолютно божественны. Иногда земля тепла, как человеческая кожа, и подземный огонь Гефеста, прорывающийся на вулканических островах, доказывает, что она — живая. Там, где мы не желаем видеть ничего, кроме физических и химических явлений, неровностей почвы, впадин и скал, разум древних греков улавливал волю, присутствие, душу.

Огонь

Огонь, неутомимый, живой и пляшущий, *akaton pyr*, как называет его Гомер, — дважды божественен: по происхождению и по своим функциям. Это боги — циклопы, титан Прометей, Зевс, Гермес, Гефест — создали или похитили его, чтобы отдать смертным, и весь мир знает легенду о титане, оторвавшем искру от солнечной колесницы и спрятавшем ее в тростник, дабы вручить представителям серебряной расы, людям, не получившим такой милости от владыки Олимпа.

Человечество всегда волновал вопрос, как зовут первооткрывателя дивного элемента, пользуясь которым люди отличаются от животных? Греки знали, что огонь являлся с божественного Неба вместе с молниями, со священных гор — с внезапными лесными пожарами, наконец из земных глубин, — вместе с вулканической лавой. Знали они также, что молния никогда не ударяет в буковые деревья. С острова на остров вплоть до наших дней, наперекор бурям и туманам, переносили священный огонь, медленно тлеющий внутри гигантской губчатой трубки нартекса (*Ferula communis L.*). Любопытно, что, по их верованиям, Гермес, пастушеский бог Аркадии, еще в

детстве открыл искусство добывать огонь из двух кусочков дерева. Для этого надо было взять две палочки: первая — твердая, «мужественная» и активная — называлась *трепан*, вторая — полая внутри, «женственная» и пассивная — именовалась *очагам*. Первую вращали в ладонях, вертикально вставив в выемку второй, как правило, плоско лежащей на земле. Трепан делался из прочного дерева, например крушины, довольно распространенной в карстовых горах Греции, а иногда — из какой-нибудь разновидности ракитника. Для очага брали мягкую древесину или имеющую внутри волокна, как у бузины, нартекса, ложного граната. Часть этих волокон удалялась, чтобы обеспечить свободный доступ воздуха и освободить первый порыв горячего дыхания, появление «ослепительной вспышки неумоимого огня».

В каждом поселении, доме, святилище огонь хранила богиня Гестия, покровительница очага, ибо как первой, так и последней задачей огня было приготовление пищи — священное по сути своей действие — и жертвоприношений богам, ведь, по крайней мере, часть жертвенных животных сжигалась. Подобно солнцу или золоту, огонь царственно чист. Словно душа, он нематериален и неуловим. Как молния, он приобщает к сонму богов и освобождает душу от испепеленного тела. Боги — покровители горшечников, литейщиков, красильщиков и парфюмеров обязаны ему всеми почестями, которые воздавались изобретенным ими ремеслам.

Ощущения

Ни одно из ощущений древних не похоже на наше. Напрасно мы надеемся уловить в Темпейском ущелье или между Олимпом и Оссой те свежесть и очарование оазиса, что покоряли поэтов, путешественников и императора Адриана. Плющ, виноградники, ломонос, жасмин, олеандры, авраамово дерево, которыми так восхищаемся мы, не были для эллинов ни столь же прекрасными, ни такими же благо-

уханными. Купы ив и платанов, рассыпанные по травянистым коврам у подножия рыжих скал, не являли глазам человечества такой красоты, как ныне, когда у него есть академии и романтизм. «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку», — говорил Гераклит, ведь пейзажи меняются, а заодно — и чувства, какие они внушают. Берега Пеней, да и других рек, изменили свои очертания, особенно в устье и дельте. Средиземное море, чей уровень был на три метра ниже современного, оставляло открытой куда бóльшую часть побережья с его бухтами и рифами. Сегодня почти все античные порты скрыты от наших глаз медленным (в среднем — по миллиметру в год) подъемом уровня воды. В определенных точках, к примеру, на побережье Ахайи и в северной части Крита, города или их существенная часть исчезли в морских водах вследствие сейсмических сдвигов или эрозии почвы. В других местах, скажем, в Фаласарне и Биенносе, суша поднялась на 5—7 метров, и ныне древние молы и стапели лишились воды. Аякс, сын Теламона, и защитники Саламина не узнали бы ни своего родного острова, ни соседних островков, чья площадь изрядно сократилась и которые намного ниже, чем в прежние времена, возвышаются над уровнем моря.

Зато горы были тогда более высокими и более влажными, ибо с тех времен прошли века упорного истребления лесов, корчевания, прореживания и неразумной пастьбы. Виды растительности в основном сохранились, но тогда заросли были значительно гуще и благоухали сильнее. Что касается равнин, то мы знаем: они все еще оставались в значительной степени пропитанными влагой после трех потопов, которые легенда относит к правлению царя Огига в Беотии, Девкалиона в Фессалии и Дардана в Троеде. Вот как! Не один потоп, как у всех прочих народов, а целых три!

Греки XIII века до н. э. и цвета видели иначе. Некоторые клички животных, встречающиеся на микенских табличках, мы вроде бы можем перевести: Керано — Черныш, Подако — Белоногий, Томако — Беломордый. В чуть большее замешательство нас приводят Косуто (Желтоватый? Палевый?), Вонокозо (Тем-

но-красный? Цвета темного вина?). Совсем сбивает с толку Айворо и его уменьшительное Айва (отсюда эпический Аякс) — Пестрый, Пятнистый, Крапчатый или Мерцающий, Переливчатый, Лоснящийся. А что сказать об именах лошадей Гектора — Ксанф (Светлый? Рыжий?), Аэтон (Огненный? Рыжий? Пламенно-белый?), Лампос (Блестящий?) и коней Ахилла — Ксанф и Балий (Гнедой? В белых яблоках?). Одного из коней богини Зари зовут Фаэтон — Светозарный. Это имя и многие другие, упоминаемые в микенских архивах и литературе, наталкивают на мысль об иной интерпретации: древних греков, в отличие от нас, интересовали не колористические нюансы цветовой гаммы, а качество света — блеск, яркость, насыщенность. Так что прилагательное *xantos*, например, пассивно переводимое нами как «светлый», «белокурый», в действительности может соотноситься с самыми разными реалиями и в зависимости от обстоятельств оказываться то золотистым, то красным, то даже зеленым. Пурпурный мог быть фиолетовым, красным, зеленым или желтым, так как оценивалась лишь интенсивность света. Микенцы вовсе не были дальтониками, они разделяли около ста пятидесяти цветовых терминов, унаследованных потом греками, на две основные категории: блестящие, сияющие и матовые, тусклые или «мертвые». Для этих людей свет жил и вибрировал, они улавливали его игру и противоборство с тьмой там, где мы видим лишь медленное перемещение теней.

Мир запахов тоже изменился. Благовония, извлекаемые главным образом из растений (об этом мы еще расскажем), использовались гораздо больше, чем впоследствии. Изрядная их часть использовалась при поклонении богам, культы которых весьма тщательно соблюдались и были широко распространены. Кроме того, сановники и богатые господа, облеченные властью, требовали, чтобы их постоянно умащивали ароматными притираниями, полагая, что это придает им особую значительность, подчеркивает индивидуальные черты и авторитет. Дикая природа края, менее населенного и засаженного са-

довыми деревьями и кустарниками, благоухала гораздо сильнее, чем сегодня. Для освещения, постройки кораблей и законопачивания щелей древние широко использовали душистую смолу.

Греки классической эпохи не позаботились описать нам, какие запахи они вдыхали, в сохранившихся текстах упоминаются разве что какое-нибудь особое зловоние или нарד, любимые духи знаменитых куртизанок. Микенцы, если верить счетам за притирания и за ящички для хранения таковых, а также сообщениям автора «Одиссеи», наслаждались запахами кедровых лесов, виноградников и туи, букетом хорошо выдержанного вина, естественным ароматом роз, фиалок и гиацинтов. Ни жасмин, ни жимолость не привлекали внимания прежних парфюмеров, равно как раkitник, глицинии и ломонос, которыми мы восхищаемся теперь в Темпейской долине.

Зрение и обоняние у микенцев были настроены на иные ориентиры, чем у их потомков. Они не презирали, подобно Аристофану, запаха чеснока и лука, своих излюбленных приправ. Все народы Ближнего Востока, от Египта до Вавилонии и от Малой Азии до Пелопоннеса, полагали, что аромат — душа вещей, наиболее осязаемое выражение индивидуальности людей и богов. Любовь или отвращение, внушаемое носу этими «эссенциями»*, как их удивительно точно называли, были отчасти религиозного или мистического характера. И запахи, словно неисчислимые письма, помогали им осмысливать окружающий мир. Преисполненные символов, значения и смысла, они не ограничивались, как у нас, возбуждением чувств, а звали к разуму и сердцу.

Специи

Даже продукты, по-видимому, имели для микенцев иной вкус. Микенские таблички серии *Ge*, кносские таблицы серий *Ga* и *Og*, пилосские серии *Un* и

* *Essentia* — сущность (лат.). — Прим. пер.

особенно *Un-219* дают обильные сведения о приправах и специях, использовавшихся в древних блюдах. Особая идеограмма, похожая на горшочек с заостренной крышкой или перечницу, сопровождает поставки товаров, называемых *maratuvo* — укроп, *kumin* — тмин, *kono* — ароматный тростник, *mita* — мята, *sasama* — сезам, *serino* — дикий сельдерей, *koriandana* — зернышки кориандра, *kanako erutara* или *reuka* — сафлор красящий, красный или белый (возможно, разновидности перца?). Из текстов древних ботаников мы знаем, что сезам добавляли в тесто, укроп (анис, тмин?), ароматный тростник и кориандр — в соусы, различные виды мяты придавали особый запах блюдам из бобов, перец сообщал остроту слишком пресным напиткам, а вино употребляли со специями. Известно также, что с самых отдаленных времен в готовке использовались каперсы, кресс-салат, чеснок, плоды можжевельника, майоран, тимьян, шалфей — все они носят доэллинические названия. Упомянутые микенские тексты свидетельствуют, что приправы взвешивались и поставлялись в больших количествах. В ход шли листья одних растений, зерна других, корни и стебли третьих, цветы четвертых. Иногда, как, например, в случае с шафраном, они и подкрашивали блюдо, и делали его ароматнее. Некоторые слова или сокращения в текстах так и остались для нас загадкой: в Микенах и девяти соседних с Пилосом городах часто встречается слово *sapide*. Я полагаю, что так называли ароматные зернышки, призванные улучшить и без того острый вкус (сравните латинское *sapidus, sapor*). Однако другие ученые считают, что это слово обозначало курильницу или ящичек для благовоний.

Древние не питали отвращения к запаху лука, растения, дающего силу и бодрость, символа долголетия; его не только добавляли во все соусы, но и с удовольствием ели сырым. Подобно современным крестьянам Крита, тогда не отказывались и от клубней гиацинта, *Muscardi comosum Mill*, чей острый вкус кажется сегодня нестерпимым. Наконец, веро-

ятно, что к тяжелому чесночно-луковому духу при-
мешивались более нежные ароматы: терпентинной
смолы фисташкового дерева (в надписях — *-te*) и ис-
сопа (*и-*). Неизвестно, считали ли они ягоды черники
и крушины благовонием, слабительным или краси-
телем. В системе восприятия вкусов и цветов, столь
отличной от нашей, кухня, медицина и магия сталки-
ваются и меняются ролями. Даже для Платона это —
три искусства или ремесла, которые довольно трудно
различить.

Пища

Разве могли они не обладать особыми вкусовыми
ощущениями, коли сама основа питания так отлича-
лась от нашей? Почти сплошь вегетарианцы, эти ре-
месленники и земледельцы, обслуживавшие микен-
ские дворцы, — мужчины, женщины и дети, в силу
обстоятельств не склонные к обжорству, получавшие
жалованье зерном (ячменем и пшеницей), сушеной
смоквой и солеными оливками. Лишь в праздник им
удавалось поесть немного мяса (баранины, козляти-
ны или говядины) жертвенных животных, принад-
лежавших хозяевам стад, вождям и жрецам. Послед-
ние, несомненно, потребляли мяса несколько боль-
ше, но и тут определяющую роль играли религиоз-
ные запреты и некие обстоятельства.

Время от времени благородные господа добывали
немного дичи на охоте. Жители побережья и моряки
ели больше лепешек, бобовых и фруктов, чем мол-
люсков и рыбы — о такого рода добавках к рациону
почти не упоминается до эпохи эллинизма. В те века,
когда не знали картошки, артишоков, помидоров,
почти всех наших овощей и фруктов, заботливо се-
лекционированных за долгие тысячелетия, насе-
лению Греции приходилось питаться мукой, которую
они добывали из растений семейства мотыльковых
и зерновых, известных людям с эпохи неолита (чаще
всего из нее готовили кашу, лепешки и галеты). К это-
му, естественно, присовокуплялось оливковое масло,

мед одомашненных пчел, мелкие яблоки, груши-дички, смоквы и орехи из сада и виноград с огороженными каменной стеной виноградников. На Крите, издревле более утонченном, готовили также тесто из айвы и сахар из плодов цератонии. Везде женщины и мужчины с благодарностью собирали дары всех времен года. Вспомним длинный перечень растений, виденных нами в лесах и зарослях на горных кручах: орехи, терновник, туговые ягоды и т.д.

На огороде вместо наших салата, лука, портулака, рапунцеля, опунции выращивали съедобный подорожник, вместо моркови, красной свеклы, редиски греки знали пастернак, репу, хрен, чьи названия сохранились еще с доэллинской эпохи. То же касается разных видов более или менее горькой тыквы и огурцов. Но овощем с большой буквы была белая, или листовенная свекла — *lakhanon*. Понятно, что хозяикам и их гостям очень хотелось сделать поострее вкус этих нередко слишком пресных (или «холодных», как определяет их греческий язык) растений. Ясно, почему они использовали тысячи приправ и предпочитали дикий сельдерей и цикорий луку-порею и кольраби своих огородов.

Искусство принимать гостей

В числе прочих признаков цивилизацию прекрасно характеризуют излюбленные растения, пища и напитки ее представителей. Каждый знает, что рис, просо, соя, манго распространены в Восточной и Юго-Восточной Азии, сорго и ячмень — в Экваториальной Африке, маис и батат — в Центральной, арахис и маниока — в Южной Америке. К ячменю, пшенице-однозернянке, крахмалосодержащим растениям, чечевице, гороху и бобам Ближнего Востока эгейский мир мало-помалу присовокупил оливы, виноград, смоквы, плоды привитых и тщательно обрезаемых розоцветных — яблоки, груши, сливы и т.п.

Во время Троянской войны ахейцы пили вино из больших двуручных чаш, ели пшеничный хлеб с ку-

сочками свинины и баранины, в то время как ближайшие к ним цивилизации на свинину наложили запрет, а из напитков признавали в основном пиво и мед. Но каков особый вклад микенцев в весь ассортимент человеческой пищи и питья? Дело не в том, что они предпочли культурные растения желудям и диким ягодам предков, а мясо жирных волов — диким козам и каменным баранам.

Заслуга микенцев в том, что они раз и навсегда научили потомков искусству превращать еду в трапезу, благоухающую всеми ароматами греческой земли, и подавать к ней вино со специями, о котором сразу и не скажешь, напиток ли это, живительный нектар или кровь бога Диониса. Пожалуй, они изобрели не способ накормить людей или дать им подкрепиться, а средство сделать их ближе друг другу и человечнее. Речь идет об искусстве радушного приема гостей. Достаточно перечитать отрывок из XI песни «Илиады», где прекрасная Гекамеда готовит аперитив пилосскому царю старцу Нестору (между прочим, большую часть компонентов этого напитка мы находим на табличках *Un 02* и *718* его дворца): «Прежде сидящим поставила стол Гекамеда прекрасный, ярко блестящий, с подножием черным; на нем предложила медное блюдо со сладостным луком, в прикуску напитка, с медом новым и ячной мукою священной; кубок красивый поставила... в нем Гекамеда, богиням подобная, им растворила смесь на вине прамнейском, натерла козьего сыра теркою медной и ячной посыпала белой мукою...» («Илиада», XI, с. 628—640). Пилосские тексты ограничиваются добавлением к этому перечню сухих фруктов, олив и больших количеств мяса. Готов поспорить, что редакторы сознательно опустили зернышки майорана, садового чабера и тимьяна. Для любого греческого дома они были столь же естественны, как любезность и неподдельное радушие.

Древние тексты и пережившие свое время обычаи создают у нас впечатление об утонченности цивилизации и народа. Мир здесь не превалирует над человеком. Скорее, наоборот.

Следуя за взглядом Зевса или летящим в крылатых сандалиях Гермесом, мы промчались по скудной земле и почти бесплодным скалам страны, окруженной морем, «где ничто не растет», по пустошам и болотам. Казалось бы, довольно безотрадное зрелище по сравнению с соседними империями. Но, однако, их владыки называли царя «ахиявов» «брат мой», принимая в расчет военные корабли ахейцев и их закаленных бойцов. В XIII веке до н. э. древняя земля Ахайя была богатой и могущественной, сильной людьми, урожаями, золотом. Государи требовали, чтобы их хоронили вместе с баснословными сокровищами, отобранными у подданных посредством разнообразных видов дани, в том числе дани кровью. Как же объяснить такой расцвет? Каким образом маленькая страна достигла подобного величия? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно понаблюдать, как день за днем живут и умирают ее обитатели.

ВОССОЗДАНИЕ НАРОДА

Любого, кто занимается изучением микенской цивилизации в апогее ее развития, не могут не поражать четыре специфические черты, которые нигде более не встречались вместе, ни прежде, на минойском Крите, ни после, в том греческом мире, который описал Гомер: изобилие крепостей, власть, сосредоточенная в руках людей войны, эксплуатация тех, кто работал на земле, и успехи тех, кто ходил в морские походы. И так было независимо от этноса, правящей династии, языка, географического местоположения. А удерживали их вместе, этот букет из четырех более или менее ядовитых цветков, презренные экономические обстоятельства. Несколько родов, прочно обосновавшихся в городах, от имени богов правили всем народом, состоявшим из солдат, земледельцев, скотоводов, ремесленников, моряков, искателей приключений и разбойников. И море испытывало их всех. Крепости со своими дворцами, храмами, мастерскими, торговыми лавками тщетно претендовали на заглавную роль в этом действе: Средиземное море, такое близкое, со своими флотилиями, предназначенными для разбоя, и землями, предназначенными для захвата, со своими не знающими удержу захватчиками и пиратами, подтачивало социальные связи, как вода подтачивает прибрежные утесы, поглощая берега. И хотя стена крепости кажется громадной и из века в

век растет ее мощь, крепость все равно опустеет, и жители оставят ее, едва решат, как троянцы, что сопротивление бесполезно.

Обитатели цитаделей

На Крите и на других островах город микенской эпохи с первого взгляда отличается от поселения более ранних времен. К склону пригорка или холма на небольшом расстоянии от моря лепятся тесно прижатые друг к другу глинобитные домики, а их крыши террасами поднимаются к вершине, увенчанной царским дворцом. Одна, а то и две крепостные стены из огромных блоков песчаника, надстроенные сооружением из кирпича-сырца с деревянными скрепами, надежно оберегают хозяев города, царей и богов, а также их слуг. Воины охраняют ворота или расхаживают по крепостной стене. Однако множество домиков оставалось вне цитадели, гробницы же высекали в скалах вдоль дороги. Рядом с крепостью под курганами (иногда — высотой с четырехэтажный дом) скрываются сводчатые могильники, куда ведет выложенный камнем коридор. Это толосы (*tholoi*), или купольные гробницы. В глубине за дверью и треугольной аркой, облегчающей конструкцию, покоятся останки высоких особ, лиц царской крови или жрецов и членов их семей — всех тех, кто повелел эти гробницы возвести.

Даже домики, находившиеся за укреплениями, зависели от дворца. Порой это были связанные с дворцом службы, как в Микенах, где дом, неверно называемый «лавкой торговца маслом», со всеми его счетами и громадными кувшинами, в которых хранились масла и благовония, наверняка являлся одним из царских складов, и управляли им по меньшей мере шесть разных писцов. Остатки стенной росписи в коридорах и нескольких комнатах доказывают это столь же неопровержимо, как печати на сосудах и содержание найденных там тридцати одной таблички. Это список восемнадцати служащих и многочислен-

ных поставщиков масла и сопутствующих товаров, включая пряжу и ткани, в совокупности насчитывающий более восьмидесяти человек. В 1953 году, откопав соседний дом к северу от «лавки», археологи наткнулись на уникальную коллекцию изделий из слоновой кости. Изображения микенских щитов в форме восьмерки побудили исследователей назвать находку «домом со щитами». Здесь также были выточенные из камня сосуды и список двойных комплектов одежды. В 1954 году ученые открыли еще одну «лавку» к югу от первой. Ее окрестили «домом со сфинксами», поскольку на обнаруженной здесь пластинке из слоновой кости эти мифические чудовища красуются по обе стороны изображения священной колонны. Печатки с геральдическими фигурами, очередные списки поставщиков, перечисление разных сосудов и благовоний свидетельствуют о том, что это был еще один дворцовый склад. Короче говоря, именно на пути к дворцу располагались лавки всевозможных ремесленников, которые обеспечивали его всем необходимым.

Строители

Стены Микен расширили и укрепили как раз около 1250 года до н. э., после сильного землетрясения. По дороге к вершине холма целыми днями сновали мастера, архитекторы и предприниматели, плотники, каменщики, кузнецы, а также их помощники и рабы. В пригородах обзаводились жильем ремесленники-переселенцы и чернорабочие, чьи занятия казались богатым господам из цитадели слишком дурно пахнущими или опасными: литейщики, металлурги, кожевники, красильщики, торговцы маслом, горшечники, чесальщики... К тому же «все эти люди» нуждались в пространстве и определенном количестве воды, не доступной для них в крепости. Аргос, Коринф, Микены, Тиринф, Мидея, Афины и Фивы не составляли исключения из общего правила.

Греция классической эпохи сочла, что эти гигант-

ские укрепления возвели пришлые мастера, циклопы, трудившиеся под надзором специалистов из далекой Ликий. Цари Тиринфа, Коринфа и Аргоса — Прет, Беллерофонт и Персей — лица, несомненно, исторические и жившие в конце XIV — начале XIII века до н. э., — по-видимому, пригласили для строительства укреплений целую армию наемных рабочих, которых традиция именуется еще сторуками, *гастрохирами* или *хиругастрами*, то есть «теми, кто состоит лишь из рук и желудка».

Та же традиция различает четыре вида циклопов, сплошь чужезмцев и варваров, абсолютно необходимых микенскому миру: гиганты, несравненные металлурги, по легенде, сковавшие оружие богам-олимпийцам для битвы с местными божествами; чернорабочие и каменщики из Ликии, строители всех колоссальных памятников зодчества Греции и Сицилии; невиданно могучие пастухи, знаменитые скотоводы, державшие свои стада в пещерах, они же — великие любители поесть и выпить, а заодно превосходные музыканты; наконец, нечеловечески мощные воины — обитатели Горнего Края, древние угнетатели феаков. Мастера-кузнецы, мастера-каменщики, мастера-пастухи и мастера-воины слыли необычайными умельцами, якобы объединились в тайные братства и установили особые обряды инициации для молодежи. Считалось, будто могуществом и умом циклопы были обязаны необычно расположенному глазу, наделявшему их ясновидением и мудростью.

Античные мифы бронзового века еще не совсем канули в Лету: в горах Кипра, Додеканезских островов и Крита мне удалось собрать около шестидесяти легенд о Триоматах, Триматах или Триаматах — хитрых и опасных гигантах, имевших, подобно Зевсу в Лариссе и цитадели Аргоса, три глаза. Тем не менее их легко обводили вокруг пальца гордые на хитрости мужчины и даже дети. Слава об этих гениальных мастерах древней цивилизации родилась еще задолго до Троянской войны: многие таблички Оружейной палаты Кносса (ок. 1300 г. до н. э.) упоминают о некоем Тироке, то есть Триопе, или «Трехглазом».

Глядя на циклопические памятники, невозможно не думать и о чернорабочих. Гигантские блоки известняка или брекчии, обтесанные и необработанные, весят, как, например, ригель в «Сокровищнице Атридов», более 120 тонн и имеют 8,5 метра в длину. Четыре трехметровых каменных куба, обрамляющих знаменитые Львиные ворота в Микенах, весят никак не меньше. И все-таки именно во времена Троянской войны или незадолго до нее, благодаря знаниям и энергии легендарных циклопов, инженеров и ремесленников, был найден способ, как доставить эти машины из каменоломен Карвати в двух километрах к юго-западу от цитадели, поднять их более чем на 200 метров, обтесать, поставить и укрепить таким образом, чтобы стены устояли перед яростью стихий и натиском врагов.

Изучив египетские рельефы, микенскую отчетность, античные трактаты по архитектуре и античные надписи после археологических реконструкций и реставрационных работ, проводимых греческой Службой Древностей, можно хотя бы приблизительно представить, как работали строители малых и крупных сооружений микенской эпохи. В первую очередь бросается в глаза, как мало наши представления о специализации и разделении труда подходят к труженикам бронзового века. В отличие от чернорабочих, чьи усилия под раскаленным солнцем сводились к трем изматывающим операциям — идти, нести и тянуть, — бригадиры, старшие мастера и прорабы различных строительных работ должны были обладать умением обрабатывать как дерево, так и металл, глину или камень, быть одновременно макетчиками, угольщиками и плотниками, прокладывать дороги, возводить у стен крепости леса, строить печи, использовать известь, гипс, строительный раствор, мять глину, изобретать, обдумывать и управляться с разными инструментами — эталонами мер, транспортными средствами, ремесленными орудиями, приспособлениями для подъема и тяги.

Если Египет обожествил Имхотепа, строителя пирамиды в Саккара, а Финикия назвала Котара-ва-Ка-

зи («Ловкий и хитроумный») Повелителем всех ремесел, то микенская Греция знала длинную череду демиургов, одни из которых превратились в богов (Прометей, Гефест, Афина), другие — в полумифических героев вроде Эвпалама («Ремесленника с ловкими руками»), Дедала («Мастера»), Эпея, сына Панопея, — художника, плотника и создателя Троянского коня. Но все эти легендарные изобретатели, что символично, владели многими ремеслами, и в их руках сосредоточивались все работы, которые в наши дни выполняют разные специалисты узкого профиля.

Предполагается, что строители циклопических стен пришли из Ликии, как Гефест, бог подземного огня, металлург, резчик, но также и скульптор, извалявший из глины первую женщину. Во всяком случае, именно в Ликии мы встречаем некоторые здания, святилища и гробницы с систематическим использованием деревянных скреп, которые, скорее всего, вдохновили творцов микенских памятников зодчества. Деревянные балки составляли каркас, арматуру зданий. Деревянная балка закладывалась в основание, на нее — вставленные в пазы угловые столбы и стойки. На разных уровнях — поперечины, лежни или горизонтальные балки поддерживали и выравнивали внешнюю поверхность камня, кирпича-сырца или глины. Кирпичные стены по углам укреплялись деревянной обшивкой. Между этажами дворца с ребра можно видеть пояса бревен. Другие бревна выступают с фасада под горизонтальными брусьями карниза. Дерево использовалось для изготовления дверных и оконных рам, обшивки стен внутри дворца, потолков, крыш, архитавров, опор и лестниц. Из него же делали сани, повозки, катки для перетаскивания камня, подъемники, приставные лестницы, леса и наклонные плоскости, по которым каменщики поднимали блоки и штукатурку.

Камня в Греции — изобилие, будь то гнейс, известняк или песчаник, ходить за ним далеко не надо. Дома обычно строили из глины на фундаменте из твердого камня, найденного неподалеку. Но если были нужны крупные блоки для строительства храма или

царского дворца, различных слоев укреплений или мола, приходилось поднимать и перевозить много-тонные грузы. У нас нет оснований предполагать, что современники Агамемнона знали лебедку на шкиве, козловой подъемный кран, рычаги для переноски тяжестей, волчью лапу, распространенные в классическую эпоху. Самое большее, они использовали ворот и кабестан, то есть подвижный деревянный цилиндр на оси, грузовую стрелу вроде тех, какими пользовались корабли Эгейского моря, да колодезные журавли. Поставив рядком, ими поднимали тяжелые глыбы камня, опутав которые канатами и обложив соломой, устанавливали на особого рода сани, если двигаться предстояло вниз, или на ломовые дроги, если требовалось перемещаться в обратном направлении. В первом случае сопровождающие придерживали сани канатами. Во втором — в дроги с двойной осью запрягали несколько пар волов или мулов, а то и людей: каждый такой чернорабочий, перекинув канат через плечо, тянул изо всех сил. Ксенофонт в «Киропедии» уверяет, что упряжка тягловых животных по хорошей дороге могла перевезти около 900 килограммов. Диодор Сицилийский (Историческая Библиотека, IV, 80) сообщает, что для перевозки на 19 километров тяжелых камней на строительство храма двух Богинь в Энне* понадобилось 100 пар быков. Счета крупных святилищ показывают, что иногда 40 пар тягловых животных волокли всего один барабан для колонны. Бухгалтерия Пилоса отводит важное место производителям канатов и сетей. Но совместных усилий людей и животных не хватило бы, чтобы поднять 120-тонные каменные блоки некоторых циклопических укреплений приблизительно на 15 метров над землей, если бы инженеры не догадались установить, как в Египте, временные земляные платформы и опоясать, как на Сицилии, крупные глыбы, требующие транспортировки, множеством деревянных ободов. Таким образом, их заключали в

* Две Богини — Деметра и Персефона. Центр их почитания — сицилийский город Энне.

гигантское колесо, а то и в цилиндр, и потом катили, словно исполинские бобины. В конце пути доставить груз на место помогала система деревянных катков и рычагов. Наконец, камень помещали между других блоков, а пустоты замазывали глиной.

И что получали эти тысячи наемных работников, вкалывая с рассвета до заката под крики погонщиков, под песни, задававшие ритм движению, и позвякивание инструментов о камень? Безжалостная дворцовая бухгалтерия просвещает нас и на сей счет: в то время как в Пилосе женщины зарабатывали чуть меньше литра зерна для помола и 1 литр смокв в день, а мужчины в Кноссе — всего лишь 1,5 литра зерна, 12 каменщиков, трудившихся в Мессении и перечисленных на табличке счетовода *An 35*, делили между собой 6 килограммов грубой шерсти, четыре козы, три штуки ткани, 360 литров вина и 480 литров смокв. Таково их жалованье, их «выгода» (*ono*): литр вина и около полутора литров фиг в день на брата, немного мяса плюс крохотное вознаграждение, достаточное, чтобы не ходить нагишом. А ведь приходилось еще и содержать семью! Так, может, не зря потомки считали, что у этих людей не было ничего, кроме рук и желудков? И случайно ли коварного Сизифа, основателя Акрокоринфа, приговорили вечно катить по склону горы в подземном царстве огромный камень, который у самой вершины неизменно скатывается вниз?

Ремесленники

У ворот крепости устраивались все ремесленники, кому приходилось иметь дело с огнем, — главным образом изготовители благовоний, красильщики, кузнецы и горшечники. В Афинах, как и на островах, мифология тесно связывает Гефеста, хозяина кузни, и Афину, покровительницу всех керамистов. В мифах первый помог второй родиться из головы Зевса или же преследует ее своими домогательствами. И оба они остаются девственниками, ибо слишком непоседливы и независимы, чтобы создать семейный очаг.

Как правило, все, кто работал с металлом и занимался обжигом, были столь же не склонны к оседлой жизни, как туристы наших дней. Пригород они предпочитали центру города, жители которого помимо прочего опасались пожаров, не любили дыма и шума. А «пахучее» кожевенное ремесло, кроме шкур, требовало больших количеств соли, воды, дубильных веществ и красителей.

Кузнецы

Из всех ремесленников именно кузнецы имели наибольший общественный вес, авторитет и как никто другой были обласканы властью. В них явно нуждались. Кузнецы своими руками ковали могущество дворцов, снабдив вождей боевыми колесницами, вооружив их армии, экипировав торговые и военные корабли, покрыв броней ворота, создав самые разнообразные бронзовые орудия и сосуды, позволявшие больше производить и лучше хранить запасы, украсив мебель и осыпав великих мира сего драгоценностями. Не одна сотня табличек, исписанных в Пилосе, Кноссе и Микенах, повествует об их многогранной деятельности. Именно к кузнецам накануне катастрофы обратились владыки Пилоса, чтобы спешно переплавить медь и бронзу, содранные с храмов, и выковать оружие: «Смотрители и интенданты, прокураторы и ключники, надзирающие за плодами и урожаями, поставят бронзу из храмов, чтобы сделать дротики и лезвия мечей, в следующих количествах: смотритель Писы — 2 кг, прокуратор — 750 г и т.д.». В общей сложности тогда реквизировали 51 килограмм скатов крыш и обломков металла. Таким образом, можно было расплавить и выковать по меньшей мере 400 мечей или, затратив больше времени, — 34 000 наконечников стрел (табличка *PY, Jn 829*). Удалось даже подсчитать, что вся расплавленная бронза, распределенная в ту эпоху дворцом между ста девяносто тремя кузнецами Мессении, составляла чуть больше тонны, а это позволило вооружить двухты-

сячное войско. Да. Афина и впрямь вышла из-под молота Гефеста в полном вооружении!

Силлабические тексты микенской эпохи определяют кузнецов общим названием *kakewe*, но читалось это, вероятно, «халкевес». Часто встречаются также личные имена, и мы можем сделать вывод о том, что большинство этих мастеров бесспорно были греками, и лишь около трети, похоже, явились на Пелопоннес со стороны: Ксутос (Рыжий), Петалос (Длинный), Филург (Работяга), Плутос (Богач), Халкий (Медник, что соответствует французским фамилиям Лефевр, Фабр или Фор), но также Водоно, Пиериец, Ликиец, Сами(н)тай или Тетрий, чьи имена, вернее, прозвища происходят из Македонии, Ликии или с островов. Кузнецы часто путешествовали, как тот мастер-бронзовщик, что, отправившись из Сирии с целым грузом слитков, минералов, посуды и инструментов, затонул в открытом море у Хелидонского мыса около 1250 года до н. э. Среди них было немало вольных мастеров, хотя некоторые работали при храмах как «служители божества». Они владели землей и брали ее в наём. При этом их освобождали от многих налогов. Мастеру помогали ученики, или «компаньоны» — *kasikono* и рабы — *doero*. Некоторые получали право на поставки металла во дворец, *tarasiya*, что было обязанностью и должностью. Другие такой привилегией не обладали и звались *atarasiya*. Третьи, именуемые *a(s)ketere(s)*, скорее всего специализировались на драгоценных металлах или были декораторами, мастерами орнамента, выполняя тонкую работу по бронзе. *Pyriyeterere*, или медники, делали котлы, *pyriye*, а при случае — и оружие. Короче говоря, мастера, обрабатывавшие металлы, составляли богатую и могущественную касту, были ходовым или маховым колесом цивилизации.

Нетрудно представить их живущими в больших городах неподалеку от значительных месторождений вроде Фтии, Халкиды, Коринфа, Торикоса, Феста. Они забирают у плавильщиков штейны черной меди, которые предстоит очистить древесным углем, многократно раздувая меха из воловьей кожи. В гор-

нило добавляют 10% олова, необходимого для получения бронзы; это олово привозят из Эдремитритского залива, Милета и портов Сирии. Столь же просто вообразить их и в двадцати четырех городках Мессении, где, как показывают таблички, 400 кузнецов трудились, выковывая оружие, ободья колес, накладки, инструменты, сосуды: великое разнообразие котлов на трех ножках, кувшинов для воды, с ручками и без ручек, любых размеров, на любой вкус. Один из первых пиловских текстов, который нам удалось расшифровать, *РУ, Та 641* перечисляет и иллюстрирует картинками следующие изделия: «два котла в форме меха с тремя ножками критского образца; чаша с одной ножкой и двумя ручками; чаша критского образца со следами пожара на ножках; большой кувшин с четырьмя ручками; два кувшина той же величины с тремя ручками» и т.д. Археологи, раскапывавшие захоронение Зафер Папуры на Крите, копавшие в Микенах, Мидея или Мессении, подтверждают впечатление об обилии, роскоши и разнообразии металлической посуды, выходившей из местных мастерских. Впрочем, в те времена ни стекло, ни алюминий, ни пластмасса в посудных лавках не продавались.

Медники

До 1970 года во многих городах Крита и даже в афинском квартале Монастираки можно было увидеть, как молотобойцы, литейщики и лудильщики работают, в точности повторяя действия господ «Копоть» и «Дымовик» из поселения Азиатия, живших почти 3200 лет назад. С рассвета до сумерек раздавался грохот их молотов, усиливавшийся тем, что мастерские были расположены рядом.

В полутьме и дыму пробиваются то рыжие всполохи жаркого костра, то матовый отсвет красной меди, а вот четверо подмастерьев в кожаных фартуках превращают лепешку раскаленного металла в котелок с двумя ручками и тремя ножками. Под размеренными

ударами то кувалды, то бронзового молота с закругленной головкой диск становится плоским, занимая всю поверхность плитки серого известняка, закрепленной на оливковом чурбаке. И пока помощники снова загружают горн, складывают инструменты, освобождают место, пропускают по стаканчику вина, выдělывают ушки, стыки или заклепки, мастер колотушкой заканчивает выравнивать толщину листа, кровельными ножницами придает ему нужные размеры и округлость, срезает все лишнее, а поскольку металл после тысячи ударов молота утратил податливость, снова разогревает его на углях с помощью мехов.

Наконец начинается наиболее долгая и деликатная операция — вторичное вытягивание. Плоский лист надо превратить в глубокий карман без единой трещины, складки или царапины и вдобавок абсолютно ровный. Медник берет лист клещами, зажатыми в левой руке, перекладывает на брусок с круглой головкой и снова бьет молотом, начиная от центра. Металл постепенно плющится, его внешняя поверхность расширяется, в то время как внутренняя остается прежней. Лист начинает сгибаться и обретает форму купола. Его края закрывают даже высокую стойку, поддерживающую брусок. Время от времени мастер держит его над огнем, медь становится еще послушнее, а потом, остыв, попадает на станок или двурогую наковальню. Частые удары молота окончательно придают изделию необходимые изгиб, форму, глубину и гладкость, каковые приличествуют новенькому, без трещин и вмятин котлу. Теперь остается подпилить и выгнуть края, а потом приклепать уже готовые ножки и ручки.

Некогда выкованные Гефестом чаши и кубки — те, что служили на пирах бессмертных, сравнивали с живыми существами. С начала V века, а может, и в гомеровскую эпоху легенда приписывала Полииду, богу-покровителю бронзовщиков Коринфа или Аргоса, способность воскрешать мертвых. Критские куранты и родосские тельхины считались божествами, металлургами и колдунами одновременно. Подобные

представления, общие для всех народов бронзового века, позволяют нам понять, сколько таинственности, если не сказать — волшебства, окружало в те времена владение «огненным» искусством. Оно всегда связывалось с долгим обучением, обрядами инициации, сложными испытаниями и секретами, тщательно оберегаемыми могучей корпорацией. Не исключено, что в число испытаний входило нанесение ран, а то и ритуальных увечий. Бога кузнецов представляли хромым и вечно грязным. То и другое — серьезный повод для того, чтобы держаться особняком. И, однако, могущество Гефеста в микенском Пантеоне было таково, что он заставил богов Олимпа уложить в его постель одну из харит и даже саму Афродиту, богиню любви. Правда, считалось, что у бога-кузнеца могучие руки, широкая грудь и пронизательный ум. Наделяли Гефеста и способностью создавать волшебные ткани, а также делать прекраснейшие в мире украшения.

В социальном плане некоторые кузнецы и медники, подобно многим другим ремесленникам, зависели от двorca, но большинство их, объединяясь в гильдии или братства, жили в одном квартале или на одной улице базара, являя собой нечто вроде сравнительно независимого третьего сословия. Это напоминает корпорации ремесленников, известные нам по текстам из Малой Азии того же времени, по Угариту, Алалахе и столице хеттов Хаттусе.

Ювелиры

Золото и бронзу обозначают особые идеограммы. Та, что для золота, напоминает Андреевский крест с двумя латеральными полузавитками и знаком, похожим на букву «пи», в верхней части. Таким образом изображался верх печи, поддерживающий тигель, где желтый металл в процессе купелирования очищался от примесей. В текстах ювелир, *kurusowoko*, явственно отличается от бронзовщика и простого кузнеца, *kakeu*, или от оружейника — *etodomo*. Столь

же четко разграничивали золото, *kuruso*, серебро, *akuro*, и «белый» металл, судя по всему — электрум, *paraku*. Золото, которое несли воды Пактола и рек Колхиды или Грузии, всегда имело примесь серебра, порой — до 30%. Если металл не попадал в Грецию уже очищенным и обработанным, приходилось его плавить, то есть поднимать температуру сплава до 1063 градусов (всего на 20 градусов меньше, чем требуется для обработки меди).

Долгое время благородными и «низкими» металлами занимались одни и те же ремесленники. В микенских городах и поселениях, если они действительно были богаты золотом, специализация шла быстрее, чем в других местах. Само собой, количество металла скрупулезно учитывали, а за мастерами неусыпно следили. Работая только на царя и богатых аристократов, ювелиры жили под их покровительством среди миниатюрных пилочек, сверл, резцов, напильничков и весов. Трудились, склоняясь над верстаком с широким кожаным фартуком, протянутым от пояса мастера к крышке стола, дабы собрать мельчайшую пыльцу золота, сыпавшуюся из-под инструментов. Золото, нетленное вещество, сверкающее и нерушимое, почти столь же плотное, как свинец, но гораздо более ковкое и тягучее, в глазах микенцев представлялось божественным, как само солнце. И, например, в Пилосе около 1250 года до н. э. 14 гиеродулов, или храмовых рабов, охраняли тех, кто производил манипуляции со «священным золотом» — «*Kurusoyo iyerooyo*» (табличка *PY, Ae 303*). В тот кризисный год хозяева дворца потребовали уплаты экстраординарного налога золотом от управителей и богатых князьков шестнадцати основных поселений крохотного царства: 30 человек обязали выплатить 6 килограммов золота. Сбоку на этой древней налоговой ведомости (*PY, In 438*) писец, а возможно — главный финансовый инспектор пометил галочкой каждое третье имя. Интересно, кого он имел в виду — покладистых или строптивцев? Нетрудно представить, сколько ювелиров, контрабандистов и фальсификаторов расплодилось по всей Греции такое богатство!

Кузнецы и горшечники первыми преодолели ограничения примитивного земледельческого общества и объединились в семьи, кланы или касты вне сельской общины. Лет 20 назад на Крите еще существовали целые деревни горшечников. С наступлением весны они отправлялись в путь, останавливаясь то здесь, то там, чтобы сделать и продать глиняную посуду, а осенью и зимой возделывали землю и проводили время с женой и детьми.

В эпоху Троянской войны дело обстояло почти так же. Однако уже с минойских времен в каждом городе-государстве имелись свои гончарные мастерские, причем одни работали исключительно на нужды храмов и дворца, а другие обслуживали массового покупателя. При раскопках печи из огнеупорной глины в форме ульев найдены как в Микенах (Арголида), так и в Стилосе на Крите. Иногда, прислоненные тыльной стороной к скале, эти печи высотой в человеческий рост всегда состояли из трех частей: круглого очага с низким «входом», пода из брусков обожженной глины и камеры для обжига с «глазком» сбоку. Дым выходил через верхнее отверстие той же камеры, которым мастер пользовался, чтобы поставить в печь свои изделия — от маленького кувшинчика до саркофага, — вылепленных им в полутемной мастерской. Это отверстие закрывалось до тех пор, пока, продержав изделия часов восемь при температуре 800—1000 градусов под наблюдением приставленного к «глазку» подмастерья, хозяин не решал, что они готовы. Теперь продукцию горшечника оставляли медленно остывать еще примерно на полсутки. И да поможет мастеру Афина!

Керамисты, *keramewe*, часто упоминаются в микенских текстах. Их разнообразную деятельность не так уж трудно оценить и измерить, ибо инвентарные списки посуды многочисленны, а сосуды, которые находят по всему периметру Восточного Средиземноморья и исследуют химики и историки, позволяют определить технику, стиль, моду и даже виды коммерции.

Вероятно, к концу XIII века до н. э. в крупных городских центрах или, по крайней мере, у ворот крепостей жили два типа керамистов: одни делали и продавали (точнее, обменивали на продукты) крупные предметы — ванны, чаны, саркофаги, высокие и объемные кувшины, облицовочные плиты, черепицу и т.д., другие лепили посуду для повседневного обихода.

Первые смешивали с рубленным мотыгой остролистом один-два вида довольно грубо просеянной местной глины, денька на два оставляли массу ферментироваться во влажной полутьме мастерской, потом разминали и вручную придавали ей нужную форму. Если требовалось вылепить боковую поверхность одного из тех сосудов, которые заменяли древним бочонок, ларец и силосную башню (по-гречески их называли *тифосами*, в микенских надписях — *queto*), мастер выкладывал на гончарный круг, вращаемый помощником или рабом, толстый слой размятой массы и постепенно наращивал по краю глиняные колбаски — все более длинные к центру тулова и все более короткие ближе к горлышку. Каждому слою давали подсохнуть около часа, благодаря чему глина не оплывала под собственной тяжестью. Прежде чем нести готовый кувшин в печь, мастеру оставалось только прикрепить глиняным тестом парное число ручек, выровнять внешний слой и, украсив сосуд волновым орнаментом или насечкой, оставить на полных два дня на солнце. И да будут прокляты ветры, духи или люди с «дурным» глазом, которым именно в этот момент вздумается накликать дождь!

Микенские гончары делали добрых три десятка разновидностей сосудов. Это известно не только благодаря раскопкам, но и лексике, инвентарным спискам царской и храмовой посуды, а главное — идеограммам, сопровождавшим означенные списки в конце XIII века до н. э. Наибольшим спросом тогда пользовались пять видов керамики: глубокая чаша с двумя горизонтальными ручками, почти вертикальными стенками и круглой ножкой; кубок на длинной полый ножке с двумя вертикальными ручками, в той или иной степени возвышающимися над краями ем-

кости; кружка или кувшин для воды, обычно с одной ручкой; *кратер*, сосуд, в котором вино смешивали с водой, похожий на большую супницу со слегка выгнутыми боками и двумя короткими ручками; наконец то, что называется «прощальным кубком», микенски — *kratreus*, круглая чаша с двумя ручками и крышкой, увенчанной массивной шишечкой. То, что Гомер называет *depas*, а микенские таблички, снабженные идеограммами, передают как *dipa*, — ваза большей или меньшей емкости, но соответствующей, по крайней мере, двум бокалам, *kupera*. Украшены все эти сосуды в соответствии со вкусом эпохи. Недавние раскопки в Микенах и Тиринфе показали, что незадолго до катастрофы керамисты не довольствовались, как их предшественники в первой половине XIII века, изображением плодов, цветов лотоса, пальм и стилизованных раковин среди спиралей, волн и концентрических полукружий. В то время отдавалось предпочтение большей сдержанности. Успехом пользовались черные полосы на внешней поверхности или россыпь точек на краях кувшина. В виде украшений теперь предпочитали бордюры и зигзагообразные узоры, довольствовались одним анемоном или морским коньком на свободном поле. Вместо того чтобы, как Эванс и ему подобные, твердить о вырождении стиля, «керамике скваттеров», или, иначе говоря, закате искусства, давайте оценим необыкновенную тонкость фактуры, изящество, точность и простоту рисунка, щепетильность мастеров, подобных Брисавону из Пилоса, гордых своим статусом «горшечника Его Величества» и умением начертать на огромных сосудах Тиринфа, Элевсина или Фив имена поставщиков, изготовителей и лавок, на которые они работают.

Сукновалы и красильщики

У стен крепости теснились и многие другие сообщества мастеров, широко использовавших звонкие котлы, отлитые в кузнях, чаны и кадки мастеров-ке-

раμισтов. Здесь работали сукновалы (*kanapewe*), иногда называемые «царскими», и красильщики, которые горячей водой удаляли жир со шкур, стирали их при помощи золы, египетской соды или кимолосской (мыльной) глины, ополаскивали, обрабатывали шерсть или растительные волокна соком алоэ, гранатового дерева, щавелем, квасцами, дубильными веществами или разными снадобьями, содержащими аммоний, чтобы материал прочно удерживал естественные красители, извлеченные из моллюсков пурпурниц, кошенили, шафрана, ириса, красильной вайды, сафлора или железистых почв. Официальные дворцовые документы показывают нам сановников, одетых в белые, красные, фиолетовые туники с отделкой или фестонами — белыми, разноцветными, серыми, серебристыми, а возможно, и золотыми. Идеограмма 158 линейного письма В несомненно изображает красильный чан с рогатиной, предназначенной для переворачивания ткани или мотков шерсти. Готовые изделия, *tetukowoa*, оставляли сушиться на солнце, развесив их на стене или на треугольниках, закрепленных между двумя стояками, как это все еще принято в беотийской Левадии или в Крице на Крите.

Парфюмеры

Тогдашних парфюмеров называли «варителями притираний», *aleiphazooi* или *aleiphozooi*. Они занимали важное место и во дворцах, и вне их. Достаточно напомнить, что благовония, притирания и косметика были одинаково необходимы как для культовых, так и для мирских ритуалов, для туалета живых и мертвых, ибо тогда было принято ароматизировать вино, пищу и даже мебель, и запахи считались ощутимой духовной сущностью богов, живых созданий и предметов, и, наконец, парфюмерные товары долго оставались одним из важнейших источников прибыли для греческих городов. В интересующую нас эпоху целые корабли сосудов, кувшинчиков, за-

печатанных воском амфор вместимостью 2—3 литра ароматного масла уходили из портов Пелопоннеса и с Крита ко всем берегам Средиземного моря. Таблички из Пилоса и Кносса, дополняемые сведениями Теофраста и Плиния Старшего, а также народной традицией, позволяют составить довольно ясное представление о работе мастеров-парфюмеров, связанных со многими другими ремесленниками и пребывающих под пристальным надзором хозяев храмов и дворцов.

В XIII веке до н. э. упоминаются масла из шалфея, папируса и розы. Оливковое масло с небольшой добавкой соли, чтобы не прогоркло, чаще всего использовалось как эксципиент, основа, или, если пользоваться профессиональным жаргоном нынешних специалистов, — «тело» и «шлейф» духов. С помощью камеди или древесного сока мастер «привязывал» к нему летучие вещества, обычно — сок какой-нибудь части растения: корневища, стебля, листьев, цветов, плодов и даже семян. Древний парфюмер не знал перегонного куба, но применял конденсацию и сцеживание. Он использовал три и сегодня не вышедших из употребления способа добывать из растений ароматную субстанцию: отжим через хорошенько выкручиваемую ткань, вымачивание и выпаривание, извлечение эфирных масел холодным методом. Уже тогда он экспериментировал, пытался соединять разные вытяжки, чтобы создать новый аромат — более тонкий, волнующий и стойкий. Среди упоминаемых на микенских табличках ингредиентов — ирис, шафран, цвет винограда, магнолия, айва, ароматный тростник, анис и, вероятно, сокращенными значками обозначены укроп, крушина, скипидарное дерево, можжевельник и иссоп (табличка из Пилоса, Un 219). Наконец, из Сирии и Финикии привозили эссенции мирры, корицы, имбиря.

Процитируем три отрывка из бухгалтерских «ведомостей», более красноречиво повествующих о мастерстве и познаниях древних парфюмеров, чем все пустые горшки, найденные археологами: «Кокал доставил Эвмеду следующее количество оливкового

масла: 18 больших мер (по 39 литра?) для притираний. Получено из мастерской: 38 сосудов» (PY, Fr 1184). «Вот что Алиот дал для варки Фиесту, мастеру притираний, чтобы составить благовония: 6 мер кориандра, 6 — чуфы, 16 связок ириса, 2 и 1/2 меры ароматных ягод (можжевельника?), 20 мер вина, 2 — меда, 2 связки укропа, 2 меры перебродившего вина (?)» (PY, Un 267). Известно, что в римскую эпоху шафран, аир, чуфа, мед и вино входили в состав духов на основе розового масла. И, наконец, следующий текст: «Передано Филею, парфюмеру царицы: 2 и 1/2 меры чуфы, 2 связки укропа, 10 — ириса (2 меры?) и 6/10 — ароматных ягод» (PY, Un 249). Если тогдашний грек умел делать достаточно крепкое вино, то, возможно, он был недалек и от того, чтобы составить рецепт наших одеколонов.

Некоторые крестьянки Пелопоннеса и Крита (например, в окрестностях Апокорона и Иерапетры), унаследовав секреты древних парфюмеров, выпаривают листья и ягоды аполлонова лавра (*Laurus nobilis L.*). Из них они получают масло с горьковатым запахом, которым натирают волосы, и они остаются замечательно мягкими и густыми всю жизнь. Что до меня, то я не сомневаюсь: часто употребляемое в эпосе прилагательное *eulokamos*, «прекраснокудрый», можно объяснить не чем иным, как существованием подобной практики в микенскую эпоху. С некоторых пор стало понятно и другое, когда-то загадочное греческое прилагательное — *rhododaktylos* «розовоперстая»: у нимф в настенных росписях Санторина, датируемых XVI веком, ногти окрашены в розовый цвет. Румянились женщины красным экстрактом алканны. Занятно, что имя Фиест, проклятого царя Микен и отца узурпатора Эгисфа, в буквальном переводе означает «фабрикант духов» или «мастер притираний».

Можно вообразить, что истинным символом той цивилизации были не львы, украшающие фронтоны Микенских ворот, а олеандры, пышно цветущие повсюду, приятные для взора и обоняния, но очень быстро разрастающиеся и слегка ядовитые.

Все мастера-ремесленники жили в одном квартале, а их семьи и рабы ютились в нескольких крошечных комнатках рядом с мастерской или лавкой. Секреты ремесла передавались от отца к сыну, ибо существовали целые семьи ремесленников, как, например, семья Ферекла, строителя кораблей, приходившегося сыном плотнику Тектону и внуком столяру Гармону.

Принято считать, что мастерские, использовавшие огонь, располагались в относительном удалении от центра поселения: афинский район Керамик, где жили горшечники, кузнецы, плавильщики, сукновалы и парфюмеры, никогда не смешивался с Акрополем, кварталом храмов, дворцов и дворцовых служб. Кожевники, дубильщики, оружейники, мастера, изготавливавшие кожаные плащи и доспехи, каретники, канатчики, плетельщики сетей, так часто упоминаемые в текстах микенской эпохи, — все они нуждались в воде, жизненном пространстве и сырье, что и удаляло их от Акрополя. Но кого бы мы встретили на узких, извилистых улочках крепости среди носильщиков, детей, рабов, осликов и мулов, нагруженных товарами? Семьи работников и мастеров, обслуживавших царя и богов.

Под покровительством дворца жили целые толпы ремесленников, мужчин и женщин, местных и пришлых, осевших здесь навсегда или случайных гостей, «божьих рабов» или мирских людей, странствующих певцов, знахарей, ясновидцев, вестников, которых то нанимали, то прогоняли прочь богатые господа. Архивы знакомят нас с несколькими Плутосами («Богачами»), распорядившимися многочисленными ткацкими и швейными мастерскими. Предметы роскоши создавали сотни башмачников, столяров, краснодеревщиков, шорников, резчиков по слоновой кости, ювелиров, работавших с серебром, золотом, изготовителей печатей, специалистов по эмали, мастеров по резьбе из рога и кости, создателей струнных инструментов и боевых луков... Хра-

мы, обладатели крупных земельных угодий и доходов, имели собственных стражников, булочников, ризничих, виночерпиев, стольников, архиварнусов, рабов, а иногда, как на Кипре, Кифере и в Коринфе, — храмовых проституток. Ученые долго пытались понять, что принесло такое богатство этим господам, которые были увешаны золотом и драгоценностями и которых хоронили вместе с посудой и умопомрачительным гардеробом, — словом, они пытались понять причины экономического расцвета микенской цивилизации накануне краха. Таблички с бухгалтерской отчетностью позволяют нам предложить возможный ответ: богатство владык Греции в значительной степени зависело от торговли тканями, простыми и ароматизированными маслами, крепкими винами, от работоторговли и эксплуатации рабов.

Ткачи

Три вида документов заслуживают того, чтобы мы остановили на них внимание. Они касаются производства тканей, изготовления мебели и организации управления. Поскольку текстиль необходим для облачения живых и мертвых, изготовления парусов и оснастки кораблей, подбивки кирас, производства ковров, постельного белья, сыроварения, охоты, медицины и т.д., ясно, что прядение и ткачество из льна и шерсти находились под неослабным надзором хозяев дворцов и храмов. Шесть идеограмм последовательно обозначают моток пряжи, сукно или прямоугольные куски ткани (*pa-wea*, по-гречески — *pharea*), длинное платье (*we-ano*, по-гречески — *beanos*), короткие туники, накидки или пестрые плащи, ковры. Идеограмма, обозначающая кусок ткани, в свою очередь, сопровождается семью детерминативами — разными силлабическими значками: *KE*, *KU*, *PA*, *PU*, *TE*, *WE*, *ZO*. Все они указывают материал, фасон и выделку ткани (например, небеленая, крашенная или декатированная). Иногда с помощью значков помечают происхождение, адресат, гарни-

туру, цвет. Ибо если суверен облачен в пурпур, то люди его свиты, *eqeta* (мы бы назвали их графами), и царские гости носят белые и цветные одежды.

Изготовлением тканей для царских нужд заняты в основном женщины — свободные, рабыни и их дети. В оплату они получают определенный рацион зерна и смокв. По текстам можно представить чесальщиц, *pekitiya*, орудующих у себя во двориках большим гребнем над грубой шерстью, прядильщиц, *arakateya*, а среди них — мастериц по льну, *rineya*, ткачих, *iteya*, работающих на вертикально поставленном станке в глубине прохладного, тенистого жилища, напевая, подобно Калипсо, шивальщиц, *aketiriya*, ковровщиц, *tepeya*, швей, *rapitiya*, группами сидящих прямо на земле. Это были настоящие швейные фабрики, где торопились выполнить заказ на 30—40 покрывал, десятки платьев, корсажей с рукавами и без, юбок с оборками и без таковых. Женщины болтали, стараясь избежать замечаний метрессы, поскольку та задавала им настоящий урок, *tarasiya*, то есть выдавала определенное количество взвешенного сырья, которое следовало обработать за определенное время.

Весьма примечательно, что главная богиня микенских акрополей — ткачиха Афина, чье любимое животное — сова, тоже «ткущая» птица. В Кноссе на некоторых тканях указан вес, что также свидетельствует, насколько их ценили. Само собой, работу надо было выполнить как можно быстрее и лучше. Стоит ли говорить о ненормированном рабочем дне и детской смертности? Те, кто видел, как работают в наши дни молодые ткачихи Ближнего и Среднего Востока, поймут, что я имею в виду.

Краснодеревщици

Краснодеревщици и инкрустаторы, видимо, находились в более выигрышном положении, не только потому, что их как узкоспециализированных декораторов приглашали, подобно Икмалию, с Кипра

или из городов Сирии и Финикии, но и потому, что им доверяли ценные породы дерева и драгоценные металлы. Декоративные мотивы странствовали, как и сами мастера. Долгая традиция, идущая еще из мастерских Шумера и Вавилонии, научила краснодеревщиков вытачивать, полировать и при помощи сложной системы шипов и пазов подгонять друг к другу пластинки кедра, эбенового дерева, туи, цератонии, выдалбливать сердцевину, подклеивать кусочки обыкновенной и слоновой кости, перламутра или тонкие пластинки электрума, серебра и золота, образующие приятный узор на темном фоне дерева. Порой для инкрустации использовали и полудрагоценные камни. Иногда поверх огнестойкого материала декораторы заливали раскаленную массу плавленного стекла, *kuwano*. Оно могло быть голубым или цвета морской волны — в зависимости от количества добавляемого малахитового или лазуритового порошка.

В мастерской пахло рыбным клеем, смолой, варом и лаком. Как и инкрустаторы, работавшие на дом Тутанхамона, на принцев Алалаха на Оронте или Нузи, греческие мастера создавали стенные панно, мебель, ларчики, которые через много столетий археологи стали находить распавшимися на тысячи кусочков в гробницах и на развалинах дворцов. Не всегда легко разобрать смысл архивных документов Микен, Пилоса и Кносса, связанных с такой кропотливой и нестандартной работой. Наиболее любопытные из них касаются низких и раздвижных столиков, кресел и табуреточек или скамеек для ног. Лишь великие мира сего и боги имели право на сиденье, называемое треном, и на парадное ложе. Но общий термин, обозначающий всех столяров, — *toronowoko*, то есть «делатель тронов». Прочитываем всего два списка, найденных в пилосском дворце: «Столик (из кедра?) с инкрустацией и девятью панно, отделанный перламутром, синей стекловидной пастой, электрумом и золотом; столик (из кедра?) полукруглый, отделанный слоновой костью с бордюром в виде мечей и шлемов; столик (из кедра?) круглый с девятью панно,

ножками и опорами из слоновой кости, а также узором в виде спирали» (РУ, Та 642). «Кресло из эбена (точнее, альпийского раkitника, ибо насчет материала писец слукавил. — П.Ф.) с золотыми аппликациями в виде птиц; скамейка, инкрустированная мечами из слоновой кости; эбеновое кресло с аппликациями из слоновой кости по краю, представляющими фигурки диких зверей, человека и коров; эбеновая скамеечка, украшенная мечами из слоновой кости» (РУ, Та 707).

Естественно, что редкие породы дерева, слоновая кость, лучшие самоцветы и большинство драгоценных материалов привозилось из Сирии и Малой Азии. Если мастер — художник, работа его становилась стократ ценнее, а после его смерти шедевр приписывали герою и даже богу.

Драгоценности

Знатные дамы в корсажах и юбках-штанах с оборками и господа в набедренных повязках и туниках разгуливали, с головы до ног увешанные драгоценностями. Волосы, шеи, уши, запястья, пальцы — все сверкало. Фибулы и заколки, пряжки в форме розеток скрепляли плащи и одежды. Распушенные или заплетенные волосы украшали ленты, гребни, диадемы, длинные заколки. У каждого была печатка из халцедона, агата или хрусталя, своего рода второе «я», личная печать и талисман одновременно. Поскольку изображенные там сцены имели символическое значение, стало быть, ювелиры и камнерезы дворца не знали отбоя ни от работы, ни от клиентов. Но больше всего заказов получали резчики по слоновой кости. Они не только предоставляли столярам гравированные или рельефные пластинки, дабы украсить кузов боевой колесницы, спинки ложа, столы, кресла, лари, шкатулки, скамеечки и всевозможные ларчики из тех, что знатные господа имели обыкновение дарить гостям на прощанье. В руках мастера слоновая кость превращалась в кружево, всякого рода амулеты, руч-

ки зеркал, столики для игры вместе с шашками, костями и бабками, круглые коробочки и статуэтки, а также в головы, руки, ноги, волосы, приклеиваемые или прикрепляемые шипами к огромным позолоченным статуям.

Резчики по слоновой кости

В мастерской микенского резчика на самом светлом месте лежали семь бронзовых инструментов: маленькая пила, три резца (один — с изогнутым лезвием), напильник, щербатка (своего рода цилиндрическая терка), бурав. Режущая часть делалась из осколка обсидиана, стекловидной лавы, привозимой с Милоса и Гяли. Материал для обработки — зеленоватая, белая или желтая слоновая кость — главным образом доставлялся из Сирии: стада слонов жили по берегам Оронта еще в VIII веке до н. э. Однако мастер не отвергал и бивни египетских слонов, зубы гиппопотамов, равно как клыки греческих кабанов.

Пилкой мастер вырезал из *ερεπα* (по-гречески — *elephas*) настолько ровный цилиндр, что казалось, будто его отсекали металлическим инструментом. Потом на внешней поверхности вырезали, к примеру, дикого быка на фоне леса, сбивающего охотника с ног. Внутреннюю часть основания мастер прорезал так, чтобы на шипах прикрепить круглое дно. К верхней части приделывалась резная крышечка. По желанию клиента изделие можно было полдня подержать в уксусе или квасцах, а затем окрасить в пурпурный цвет или вызолотить. Иногда художник тончайшим песком или вулканическим порошком тщательно сглаживал мельчайшие неровности и долго полировал кость тампоном, покрытым мелом. Сюжеты он заимствовал из животного и растительного мира своей страны, а около 1250 года до н. э. — также из образного ряда Милета, Сидона и Кипра, где процветали соответствующие мастерские. Изображались встречи со сфинксом, битвы со львами и грифонами, львы, раздирающие на части быка или человека.

Чуть позднее фигурки микенских воинов из слоновой кости начали вдохновлять художников Сирии и Палестины. Но почему в те времена слоновая кость пользовалась такой популярностью? С точки зрения грека, она была не столько предметом роскоши, сколько чувствительной, свежей, благотворной материей, дающей наиболее точное представление даже о плоти небожителей: ослепительная на свету и матовая в тени, плотная и в то же время пронизанная сетью мельчайших прожилок, почти не подвластная времени, она, как и золото, словно бы создана для статуй богов. Мне напоминает увенчанная диадемой голова, которую нашли в одном из сакральных помещений микенского акрополя. Похоже, это тонкогубое лицо с «воловыми» глазами принадлежало статуе богини Реи. Вспомним заодно и легенду о воскрешенном герое Пелопсе и его плече из слоновой кости. Обладание этой реликвией — одно из условий взятия Трои. А у богинь и женщин, коих хотели изобразить особенно прекрасными, кожа уподоблялась слоновой кости: «Стройный ее возвеличился стан, и все тело нежнее, чище, свежей и блистательней сделалось кости слоновой» («Одиссея», XVIII, 195—196).

Счетоводы

Часто говорят о профессии, если не о классе или касте писцов. Но ни в одном из четырех тысяч глиняных документов, которыми мы располагаем и большинство которых суть черновики и текущие заметки, название таковых вообще не упоминается. Повидимому, само это занятие было чуждо микенской цивилизации. В ахейской Греции, как и в Древнем Китае, любой грамотный человек, даже если он был чужаком, мог рассчитывать на теплое местечко среди дворцовой или храмовой администрации. Высшие чиновники, судя по всему, были сплошь грамотными. Они составляли счета и готовые отчеты на прочном материале вроде льняной ткани, пергамента, лыка или коры. По меньшей мере десять, а может,

и двенадцать сановников контролировали поступление и расход сырья и готовых изделий, составляли списки конюшен, лавок и погребов, подсчитывали арендную плату и долги, устанавливали перечень того, что подлежало обложению налогом, и размеры последнего, устраивали перепись населения и вели счет поголовью скота, распределяли работу между работниками и работницами и, наконец, с легкостью разбирались в сложной системе единиц мер и весов. В одном Кносском дворце около 1300 года до н. э., по-видимому, существовало не менее сорока различных «контор». В самом деле, бухгалтерские документы знакомят нас со множеством узкоспециализированных чиновников: надзирающий за смоковницами (*opisuko*), надзирающий за плодами земли или злаками (*opikapeeu*), интендант по меду (*meriduma*), смотритель лавок (*opitekeeu*), начальник смесей (*mikata*), весовщик (*mezana*), оружейник (*etowoko*), хранитель священных кож (?) (*dipteraporo* — буквально «носящий кожу или плащ»), зажигающий огонь (*pukawo*) и его многочисленные помощники, помощник смотрителя (*poroduma*). Над ними стояли люди, тоже, очевидно, умевшие писать, ибо они получали и передавали письменные приказы: куратор (*korete*) и прокуратор (*porokorete*), а в провинциях — региональный интендант (*atomo*) и региональный администратор (*damokoro*).

Ясно, что эти последние сановники (*qasirewiyote*) отличались от перечисленных ранее великолепием одежд, особыми знаками достоинства, образом жизни и даже питанием. Региональному контролеру, скажем, довольствие выплачивалось свиньями. Кураторы и прокураторы получали разную плату в зависимости от того, в чем в тот момент государство испытывало более острую нужду — в металле или льняных тканях. Некоторые служащие, наделенные весьма загадочными обязанностями, имели право избавлять своих подчиненных от тех или иных повинностей. Так, *esareu* (вероятно, управляющий) по имени Кевпод освободил несколько поселений на юго-западе Пилоса от внесения налога льном или льняны-

ми изделиями. Аналогичными прерогативами обладал *wateu* (возможно, сборщик налогов) на сданных в аренду землях. Другие чиновники не были привязаны к определенному месту, например, *akero* (по-гречески — *angelos*) — вестник, посол и *karuka* — священный вестник. Но что сказать о *padeu*, *padeweiu*, *padayeu* и многих других, упоминаемых в документах всего два-три раза? За неимением лучшего ученые трактуют эти должности как имена собственные, хотя слова вроде *amotere* и *ereutere*, скорее, обозначают должности комиссаров, инспекторов, уполномоченных, сборщиков налогов.

Из огромного числа зашифрованных документов видно, что своего рода налоговая полиция крепко держала в руках всех и каждого и при этом смертельно боялась допустить какую-нибудь оплошность и оказаться не на высоте. Все было сочтено, зарегистрировано, проверено и востребовано. Современная наука, со свойственной ей въедливостью, то тут, то там обнаруживает огрехи, ошибки в подсчетах и грамматике — в общем, всякого рода человеческие промахи. Но как не восхититься тем, что при наличии стада более чем в сто тысяч голов статистики бронзового века с точностью до единицы знали, сколько животных предстоит остричь, кастрировать, забить на мясо, кто из них на пастбище, кого не достает, много ли потеряно и как зовут пастуха каждой деревни! Они могли, отмеряя по полфунта, разделить тонну бронзы между пятью сотнями кузнецов, назвать всех поименно, перечислить помощников, учеников, рабов, а при необходимости — и свойственников, более того, имели представление о дополнительных профессиях и происхождении любого мастера.

Это они создавали правила налогообложения, *dosomo*, которые изумили бы наших счетоводов. Возьмем, к примеру, таксу на военное снаряжение, которая, по-видимому, вовсе не являлась чрезвычайной мерой, поскольку мы встречаем ее как на Крите, так и на Пелопоннесе: «Всякий район с числом налогоплательщиков, в округленном виде равным ста, доставит 1 % этого числа в пластинках для брони;

1,5 % — упряжью и кожаным снаряжением; 2 % — бычьими шкурами; 2 % — рогами для изготовления луков, 2,5 % — шерстяными плащами; 5 % — туниками; 5 % — кусками льняной ткани» (Пилос, архивная серия *Ma*, Кносс, серия *Mc*). Одновременно мы узнаем, что в Пилосе имелось 11 500 налогоплательщиков, вносящих налог натурой, а в Кноссе — 15 400.

Когда чиновника увольняли, его преемник делал все расчеты заново: «Опись, составленная Фигебрием после того как царь назначил Авгия районным управляющим: кувшин для воды «царский», украшенный головами быков и раковинами, кувшин для воды «господарский» (досл. «для гармоста») с изображением морских воронов; кувшин для воды «царский» с изображением женщин, бычьих голов и спиралей» (*PY, Ta 711*). Чиновники старались предвидеть любые случайности — даже то, что враги или взбунтовавшиеся подданные могут поджечь их записи. И в самом деле, огонь лишь закалил глиняные таблички, сделав, таким образом, документы, акты и налоговые ведомости действительно нетленными.

Художники

В сердце дворца ведет небольшой двор. Миновав портик, вестибюль и двустворчатую дверь, мы попадаем в просторный квадратный зал. Потолок здесь поддерживают четыре колонны, а очаг расположен в центре. Вокруг него собирались для трапезы и пиров, услаждаемых пением и рассказами. Это *мегарон*. Время от времени группа декораторов и их помощников меняла здесь настенные росписи. Их напрасно называют фресками, поскольку тогдашние мастера использовали совсем другую технику. Поверхность стены покрывали слоем желтоватой глины, для крепости смешанной с рубленой соломой. Сверху накладывали два-три слоя штукатурки, тонких, но ровных. Верхний слой тщательнейшим образом шлифовали мраморным лощилом, а кое-где — даже ногтем, чтобы не осталось ни выемки, ни шерохова-

тости, ни камешка. Потом зал оставляли сохнуть на месяц, не менее. И лишь на добросовестно высушенной штукатурке художники, *kirisewe*, делали роспись. Нынче такая техника называется «сухими фресками» (*a fresco secco*).

Поверхность, которую предполагалось расписать, разбивали на квадраты и, слегка увлажняя губкой, отбеливали с помощью кисточки и *калама* — тростниковой палочки, заменявшей перо. Растертые и разведенные известковым молоком краски — довольно светлые — были в основном органического или минерального происхождения. Черную добывали из «чернил» каракатицы, костного угля или сажи. Из охры получали желтую краску, а также, в зависимости от степени нагревания, разнообразные оттенки коричневого и рыжего. Гематит давал красные, розовые и пунцовые цвета, киноварь — алый. Синий и зеленый извлекали из лазурита и малахита — двух карбонатов меди, о которых мы уже упоминали, когда речь шла об изготовлении стеклянного теста, того самого, какое невежественные дилетанты и фальсификаторы называют ляпис-лазурью, эмалью, смальтой или чернью. Более или менее насыщенные оттенки коричневого извлекали из почв, богатых окислами железа и марганца. Вероятно (хотя полной уверенности в этом нет), опытные мастера уже тогда оценили достоинства красок из сочетаний хрома и кобальта, двух минералов, довольно распространенных на рудниках Крита. Во всяком случае, можно не сомневаться, что они экспериментировали, смешивая разные красители.

Прежде чем наносить краску, главный мастер намечал общие контуры. Прямые линии он проводил, пользуясь натянутой веревкой или линейкой, окружности — с помощью циркуля. Потом, взяв в руки калам, очень светлой краской — розовой или желтой — он набрасывал контуры фигур, а затем энергично закрашивал фон, что позволяло с особой четкостью выделить все персонажи. Если художник предпочитал светлый фон — голубой, желтый или зеленый, то одежду и цвет тел он делал более темными. И наоборот, при темном фоне — пунцовом, индиго или ко-

ричневом — растения, животные и люди изображались в пастельных тонах. Порой мастеру хотелось оставить нетронутым белесоватый известковый фон. Тогда он обводил контуры резкими, в высшей степени смелыми линиями и усиливал впечатление благодаря насыщенности красок внутренних элементов рисунка. Никаких морщин. Никаких теней. Удивительная четкость линий и контуров. Море, скалы, облака иногда набрасывались волнистой линией. Оставлялись пустые пространства. Некоторые сюжеты повторялись.

Многие фигуры изображены в профиль с глазом анфас и туловищем, повернутым на три четверти. Этот канон частично заимствован из Египта, частично — у минойского Крита и поддерживался из нежелания вводить новшества. Характерная манера художников той эпохи — быстрое воплощение замысла в виде череды отдельных картин. Отсюда — несовпадение тона и его насыщенности, эффект волнообразия как по горизонтали, так и по вертикали. Шедевры попадают редко. Однако художник, запечатлевший микенскую «Парижанку», как окрестили богиню, сидящую на троне в нише и обнаруженную в 1970 году, сумел создать настоящий портрет: нас поражает красота темной, подхваченной лентой шевелюры, изящество позы, выразительность лица и естественность четко намеченной линии двойного подбородка.

Сановники

Нередко авторы настенных росписей (всегда анонимные) изображали длинные вереницы фигур. Еще больше они любили живописать грандиозные сцены охоты. Можно увидеть — как, например, в Тиринфе — гигантского кабана, удирающего от своры молоссов*, или — как в Пилосе — охотника в короткой тунике, поражающего копьем пятнистого оленя.

* Молоссы — жители центральной области Эпира, которые вели особую породу овчарок. — *Прим. ред.*

Охота, несомненно, одно из любимых занятий господ, пировавших в этих залах. Но кто они? Многие пилосские документы (*Er* 312, *Un* 219 и 718) позволяют предполагать, что царя и его семью обслуживали три вида «персонала», три «дома», управляемых неким *ekeryawo(n)*. Так и хочется сказать, что группа феодалов, обладателей высоких должностей и обширных земельных угодий, *tereta*, или баронов, представляла гражданский «дом», члены разных сакральных «коллегий», *worokiyone*, — религиозный «дом», и, наконец, офицеры, по меньшей мере, четырех рангов объединялись в военный «дом». В управлении дело обстояло как при феодальном режиме, власть основывалась на распределении земель, должностей и привилегий, с одной стороны, и на почитании, служении и несении повинностей — с другой. Есть определенный смысл в переводе терминов микенских государственных архивов терминами европейской средневековой иерархии: *wanaka* — царь, *rawakete* — герцог, *ekeryawo(n)* — губернатор (или князь?), *eqeta* — граф, *tereta* — барон, *qasireu* — мелкопоместный владетель, *moroqa* — свободный арендатор или владелец алода, *kotonowoko* — колон или владлец клера, *qamaeu* — исполщик, *onater* — фермер, *doero* — раб. В «замке», по выражению Виктора Берара, Одиссея пировавшие женихи совершили всего две ошибки: перепутали царские владения *wanakatero temeno* со своими собственными, а жирных свиней отсутствующего суверена — с дичью, на которую можно охотиться. Аэды, сказители, нищие, бывая при дворе, в отличие от них не ошибались.

Так кто же правил?

К 1250 году до н. э., судя по всему, повсеместно установились теократические монархии. Среди царей, о которых упоминает легенда, будь то Геракл, Беллефон, Мелеагр, Ясон, Тесей, Атрей, Ахилл, Диомед и т.д., нет ни одного, кто не называл бы себя сыном или хотя бы потомком какого-нибудь божества и «питом-

цем» Зевса. В классическую эпоху титул *wanax* превратился в *anax* — обычное наименование бога. А имя Агамемнон первоначально было эпитетом Зевса. Вполне вероятно, что, подобно владыкам Малой Азии и Египта, эти царьки пытались выдать себя за живых богов. Однако им приходилось признать, что им порой отчаянно не хватает разящей силы молнии, а узурпаторы и вооруженные захватчики присваивают титулы и власть с неменьшим успехом, чем они сами. Так кто же правил в микенских дворцах? Тот ли, кого четыре пилосские таблички называют *ekeryawon* и кто в списках распределения ладана и благовоний стоит выше царя, герцога и прочих сановников (*Un* 219), кто возглавляет список дарителей храму Посейдона, опередив представителей общины, герцога и религиозной коллегии (*Un* 718)? Складывается впечатление, что этот могущественный сановник с пока не вполне понятной должностью («тот, кто держит...», «тот, кто владеет...») выполняет обязанности управляющего дворцом, великого визиря и канцлера, а в отсутствие царя часто заменяет и его. Не исключено, что *rawaketa*, превращенный греками в *la(wa)getas*, «военного вождя», владелец обширных земельных угодий и хозяин многочисленной прислуги, мог устранить соперника, как это имели обыкновение делать победоносные генералы, недовольные властями или снедаемые честолюбием. Законного царя Тиринфа звали Эврисфей, но Геракл, его «кузен» и герой, не замедлил присвоить себе его трон. Подобное несчастье приключилось и с правителями Фив, Аргоса, Коринфа, Микен. Принцип разложения коренился в самом сердце этих псевдомонархий. Самой основательной причиной, объясняющей, отчего сгорели некоторые микенские дворцы, можно считать гражданскую войну.

Известно, что в эпоху архаики большинство государств возглавляли две царских семьи. Что это — наследие порядка, принятого в индоевропейских обществах, где рядом с царем-жрецом стоял царь-судья, или отголосок борьбы за власть, дошедший от микенской эпохи?

В некоторых случаях можно угадать, что реальной властью обладал не князь, не управляющий дворцом, не герцог, а класс служителей культа или даже какой-нибудь пророк. Мы уже знаем, насколько важное место занимают жречество в целом, отдельные жрецы и жрицы, священные коллегии или братства, священные рабы, храмовые привратники, распорядители церемоний, нищие служители культов и ясновидящие в бухгалтерской отчетности микенской эпохи: они выступают здесь либо как хозяева гигантских поместий, либо как пользователи приношений целого народа, либо как косвенные эксплуататоры. В Пилосе Эрифа, жрица великой богини, вступив в конфликт с советом общины, утверждала, будто собственность, которой она управляет, принадлежит божеству и, следовательно, находится в ее, Эрифы, законном и безраздельном владении. Вместе со жрицей в конфликте участвовали еще два лица, называемые *wetereu* и *opatereu*; если верить специалистам по этимологии, возможно, это гарусник* и прорицатель.

До окончательного разгрома афинян на Сицилии в 413 году до н. э. прорицатели играли решающую роль в администрации государств и ведении войн. Микенцы, как и их потомки, верившие, что любое мероприятие находится в опасной зависимости от игры случая, пытались узнать и склонить на свою сторону волю богов, наблюдая за полетом птиц и пчел, агонией жертвенных животных, падением подброшенных камешков, костей и палочек. Для них хорошим прорицателем был не тот, кто ограничивался предсказанием будущего, но тот, кто, согласно гомеровской формуле, ведал настоящее и прошлое, подобно Калхасу, Тиресию, Кассандре и Манто. А потому судьбу флота, собравшегося у Авлиды, решали не Агамемнон и Менелай, два «царственных брата», не

* Гарусник — этрусский жрец-предсказатель будущего преимущественно по печени жертв. — *Прим. ред.*

подчиненные им другие цари, а обычный прорицатель. Тиресий в Фивах был могущественнее Эдипа и Креонта. Амфиарай, прорицатель Аргоса, вел армию Семи против Фив прежде, чем стать своего рода призраком-чудотворцем.

Особняком от прорицателей стояли микенские врачи, объединявшиеся в братства, вроде Асклепидов Трикки или кентавров с горы Пелион. По меньшей мере одного человека в Пилосе называли *iate*, то есть целителем (*Eg* 146). Если целители посещали дворцы и поля битвы, как Подалир и Махаон (последнее имя, кстати, фигурирует на табличке *In* 658 из Пилоса), их диагнозы и прогнозы лишь в незначительной степени опирались на гадания, а главным образом — на опыт и логику. После изучения скелетов микенской эпохи у нас нет сомнений, что тогдашние врачи умели делать трепанацию черепа. Кроме того, традиция присваивает им знание лекарственных трав, умение орудовать скальпелем, делать компрессы, перевязки, пускать в ход нужные заклинания. Микенские врачи могли лечить переломы и вправлять вывихи, разбирались в достоинствах и опасностях минеральных вод. Но граница между медициной и магией часто бывала весьма зыбкой — как между царем и жрецом, Медеей-царицей и Медеей-колдуньей. Отметим лишь то, что неслучайно после разрушения Трои и Микен последнее слово осталось за Аполлоном — богом провидцев и врачей.

Теократия

Все остается или, скорее, возвращается на круги своя. На протяжении долгих веков микенской истории городское общество видело растущую концентрацию власти в руках воинов (главным образом завоевателей), а не чиновников и жрецов. Воины обеспечили себе благосклонность, курение фимиама и согласие возвести их на трон со стороны жречества покоренных городов, чтобы благодаря своим ставленникам мало-помалу взять под контроль их богат-

ство. Царь Идоменей жил в так называемом Малом Дворце Кносса, но дорога соединяла это здание и его частную молельню с большим, более древним святилищем, которое неправильно именуют Дворцом Миноса. Наличие между ними склада оружия и боевых колесниц, бухгалтерские отчеты, где слабо, а то и вовсе не различается светская администрация (кураторы, контролеры, инспекторы, интенданты и т.д.) и жреческая администрация, — все наводит на мысль о том, что в той или иной степени обожествленный царь наложил-таки руку на доходы, принадлежавшие ранее богине Рее и ее жрецам.

В Закро, Малии и Фесте крупные святилища были разрушены, но в Афинах целла* Афины и Посейдона стала домом-крепостью для царя, «преемника Эрехтея». Когда около 1250 года владыкам Пилоса понадобилась бронза, чтобы вооружить ополчение, они просто-напросто реквизируют металл у храмов, *kako nawiyu* (табличка PY, In 829). Короче говоря, микенские монархи, скорее цари-жрецы, чем жрецы-цари, превратили храмы-дворцы во дворцы-храмы.

Название «Пилос» буквально означает «Город (Величественных) Врат», что наводит на мысль о Львиных воротах у входа в Микены, а за названием этого города стоит иероглиф, который, возможно, следует читать как *Ma-i-ya*, Богиня-Мать. Торжественные входы Пилоса и Микен напоминают о всех пропилях и портиках микенских дворцов: божественное все-таки предшествует мирскому и переживает его. Что осталось от стольких войн и честолюбивых замыслов? Имена собственные и память о прошлых драмах, которые будут вечно волновать воображение трагических поэтов. Во всяком случае, за пределами укреплений еще не умели говорить о политике: полис или греческий город с его людной площадью и дебатами граждан пока еще не родился. В краю героев все конфликты решались на ограниченном пространстве. Эгисф и Клитемнестра зарезали пророчицу Кассандру и царя Агамемнона в

* Целла — внутренняя часть культовых зданий (святилище). — Прим. ред.

самой укромной комнате дворца. Чуть позже, аккомпанируя себе на пяти- или восьмиструнной лире, изогнутой, как лебединая шея, придворные поэты скажут, что победитель Трои погиб, словно бык на бойне, словно тунец в сетях, словно жертва на алтаре...

В теократическом государстве, где властвует сын бога, одновременно глава жречества и служитель культа, религия присутствует всюду: в обычных человеческих поступках, которые кажутся нам мирскими, светскими или нейтральными, усматривая некий архетип, божественную модель, так что и сами они совершаются либо в угоду богам, либо для того, чтобы их не прогневать. Порой люди забывают о могуществе бессмертных, пытаются их обмануть или мнят богами себя: вспомним неосмотрительного Иксиона, вообразившего, будто держит в объятиях супругу Зевса, или безумного Салмоная, который, стоя на боевой колеснице, имитировал раскаты грома, или чудовищного Тантала, предложившего богам отведать вместе с ним плоти его собственного сына. В действительности за легендами скрываются обряды инициации, культы плодородия или таинства причастия, похожие на те, что мы встречаем у других народов. Ритуалы важнее мифов, ибо последние чаще всего являются лишь их изъяснениями — запоздалыми, неточными и поэтическими. А потому, вглядываясь в обряды и особенно в праздники, мы можем наилучшим образом наблюдать за жизнью обитателей города в течение года.

Разные культы

Между городами микенского мира, несомненно, есть множество культовых различий. Острова Эгейского моря не могли оторваться от своего доэллинического прошлого, равно как Кипр, клином вошедший в Азию, или семь Ионических островов, давным-давно колонизированных народами, пришедшими из Иллирии и Эпира. На Крите, например, в XIII веке до н. э. сохранялись те же, что и в древности, священные деревья и скалы, те же подземные божества, те же ог-

ни, зажигаемые на вершинах, те же экстатические танцы, те же процессии персонажей в масках, те же храмы с их змеями, цветами и стаями голубей, украшенные древними символами двойной секиры и двойного рога. Каждая область Греции почитала свое или свои божества под их местными именами и титулами. Пафос претендовал на то, что видел рождение Афродиты, Лемнос — Гефеста, Афины — девственной Паллады, Патара и Делос — бога Аполлона, Родос — Солнца. Если верить историку Геродоту («История», II, 52), древние пеласги Центральной Греции приносили жертвы, взывая к богам вообще, совершенно анонимно, но тем не менее окружали особым почетом пастушеского бога Гермеса, которого изображали с возбужденным фаллосом. Классический греческий пантеон, на редкость гостеприимный и терпимый, возник из синтеза всех этих культов, существовавших задолго до Гомера и очень медленно ассимилировавшихся и очеловечивавшихся.

Уже давно стало ясно, что предметы культа и культовые места, имена и мифы долговечнее сложного пантеона, где еще до Троянской войны титаны и демоны доэллинов смешались с эллинскими богами-олимпийцами. Археология и микенские тексты подтвердили эту точку зрения. Вот, например, какое количество оливкового масла жертвуют на Крите в течение месяца Девкия (месяц Белой Девы, Левкотеи?) на освещение, умащение, а возможно, и в пищу различным божествам: 12 литров — Зевсу Диктейскому, то есть Богу Священной Горы, 24 литра — Дедалейону (Большому храму?), 12 литров — Пандесу, 36 литра — всем Богам (Кносса), 12 литров — (божественной) Охотнице, 24 литра — Всем Богам (Кносса), 12 литров — Божественной Охотнице, 24 литра — Всем Богам (порта) Амнизос, 6 литров — Эринии («Мстительнице», прозвище Деметры в Аркадии), 2 литра — святилищу Гадаса, 8 литров — жрице Ветров; в общей сложности — 136 литров (табл. *Fp* 1). Во время месяца Лапатос (Охотничьей Ямы) богиня Пипитуна в Гакинтосе довольствуется двумя литрами масла, но жрица Ветров в Авлимосе получает 36, а жрица Ура-

на — 18 (табл. *Fp* 13 и 14). Такие календари показывают нам смешение местных божеств и великих всеэллинских богов, относительную взаимную значимость храмов, разнообразие обычаев, а попутно знакомят с названиями ритуальных сосудов и столов-жертвенников (например, *outemi* — «без ножек?»), сообщают о постах и возлияниях, дают также представление о том, что следует предлагать божеству и, главное, — требовательному жречеству: сосуды с медом, вином и маслом, благовония в больших количествах, ячмень, смоквы, тонко просеянную пшеничную муку. Но как ни жадны жрецы до приношений, они все-таки остаются вегетарианцами. Никаких кровавых жертв не приносилось дюжине богов, перечисленных на критских табличках, в том числе Атане-Повелительнице, Пайавону (эпитет будущего Аполлона), Посейдону, Зевсу и Эвлетии, богине, «освобождающей» рожениц. Литературная традиция сообщает лишь два имени той Охотницы, что каждый месяц получала свой рацион масла: Бритомарпис (Кроткая Дева) на Востоке и Диктинна (Владычица Священной Горы) — на Западе, плюс к тому мы узнаем, что в ее храм было принято входить босиком.

Предполагаемые дочери Миноса — Федра, Ариадна, Акакаллис, Ксенодика — не кто иные, как низведенные до уровня смертных древние божества. Мы знаем также об обычае публично праздновать бракосочетание верховного бога Зевса, или Зана, с его сестрой Герой или Деметрой, чьи роли исполняли царь и верховная жрица. Именно здесь лежат истоки мистических союзов, заключавшихся тысячу лет спустя в греческих Мистериях. Праздник, называемый Теофориями, открывала длинная процессия дарителей, жертвовавших сосуды, одежду, благовония и цветы. А чтобы никого не обидеть, ритуал включал поминовение «всех богов». Добавим, что древние церемонии сопровождалась пением и танцами и воздаянием почестей статуям богов — благословляющим, сидящим на троне или стоящим.

Судя по изображениям, найденным в Микенах, Тиринфе, Орхомене и Пилосе, дворцовые государства

континентальной Греции восприняли немало религиозных обычаев Крита и островов: маленькие трехчастные святилища с неподвижными скамьями и переносным алтарем, приношение сосудов, ветвей и цветов, процессии, безумные пляски, длинные одеяния с оборками, оставляющие грудь открытой, и всю растительную символику колонн, двояковыгнутых алтарей, щитов в форме восьмерки, рогов, двойных секир и лент с узелками. Леванту и Египту они обязаны изображениями грифонов, сфинксов и зверей, живущих в пустыне. Но археологические раскопки восстанавливают также иную картину. Вся цитадель предстает если не храмом некоего обобщенного культа, то во всяком случае священным местом, излюбленным жилищем богов. Аполлон обороняет им же выстроенные стены Трои от натиска Патрокла. Афина защищает ахейские акрополи старой Греции и островов. Известно, какую церемониальную роль играли украшенные геральдическими животными ворота в городах-крепостях Малой Азии, Алас Гюйюка или Богазкёя, так похожие на ворота твердынь Пелопоннеса. Они олицетворяют мощь, бдительность и подчеркивают момент перехода в священно-грозное пространство. Совершатся ли обряды очищения, будут ли положены в стенные ниши дары — независимо от этого само прохождение под балкой с фигурами львиц-покровительниц твердых монархических устоев вводит гостя или врага в принципиально замкнутый, запретный мир. Двойные рога на фасаде дворцов в Пилосе и Гла, сфинксы — это ангелы-хранители ворот Фив и Асины, переносные алтари царского жилища возвещают о нем, как о святая святых. Это не храм, тем не менее центральный мегарон является собой своеобразное частное святилище монархии. Справа от входа — трон, среди колонн — переносной алтарь или столик для жертвоприношений, посередине — очаг, дым из которого уходит в отверстие крыши. Именно здесь приносили жертвы, целиком или частично сжигая животных. Здесь богам-покровителям династии и хранительнице очага Гестии совершали возлияния водой, молоком и вином, воз-

носили молитвы и давали обеты. Сюда приносили пёрвинки урожая и медовые пироги. Любая хорошо организованная трапеза имела целью объединить семью и гостей с отеческими богами. Вероятно, то же происходило и в более скромных домах: у всех индоевропейских народов единственным жрецом бога или богини домашнего очага был глава семьи.

Храмы

Существовали во дворцах и молельни для «партикулярных» культов — маленькие святилища или «часовенки» в удалении от мегарона. Верущие молились более чем двум десяткам богов, как общепочитаемым, так и сугубо местным, о которых мы узнаем из табличек и иконографии конца XIII века. Это восемь богов-олимпийцев: Зевс-громовержец, его гневливая супруга Гера, Дионис, владычица Афина и Арес (последние трое — дети Зевса), причем имя одного из них уже связывалось со словом, обозначающим «вино», а двое других заботились о защите крепости, Посейдон — бог-покровитель всадников, божественная Мать и, вероятно, ее дочь, Госпожа злаков, которых восемь текстов называют «две Богини-царицы». Еще полдюжины других богов остаются для нас лишь именами, скажем, Дивия — дочь Зевса, подобная римской Диане, дочери Юпитера. Есть и различные локальные божества вроде Потинии, чье имя — загадка. Вне всяких сомнений, аркадцы уже почитали Гермеса, киприоты и многочисленные моряки — Афродиту, не говоря о Елене и ее братьях Диоскурах (последние изначально были божествами и лишь потом превратились в героев любовных драм и странствий). Но их, как Гефеста, Аполлона, Артемиду или Деметру, не упомянули на наших табличках.

Отметим, что на верхних террасах микенского акрополя часто попадаются фрагменты алтарей, а также женских и мужских статуэток, вотивных фигурок или идолов, что свидетельствует о невероятном разнообразии ритуалов и культов. Если еще нельзя ска-

зять наверняка, была ли знаменитая группа из слоновой кости — две женщины под большим вышитым покрывалом и стоящий между ними ребенок, — равно как гипсовая мужская голова и два алтаря, собственностью «часовни», расположенной внизу северной лестницы в Микенах, то по крайней мере многие тексты сообщают нам, что сквозь всю греческую историю прошел ритуал доставки и посвящения разноцветных покрывал богине или богиням — покровительницам города. В первом из таких текстов, на табличке Fg 1222 из Пилоса, где во дворе, к востоку от входа во дворец имелось небольшое святилище, читаем: «Для двух Богинь-цариц, на праздник развернутых покрывал, *tonoeketetiyo* (по-гречески — *tho-noelkteriois*), — 2 меры ароматизированного масла шалфея».

Зная, что будет позже происходить в Афинах во время Панафинеев, в Олимпии и Аргосе на праздниках богини Геры, в Спарте на празднествах Аотис (Артемиды), легко представить, как тщательно выбирали матерей семейства или девственниц, которым предстояло соткать, покрасить и вышить роскошное покрывало или одеяние для богини, как выглядели процессии, двигавшиеся по узким улочкам, а затем по священной дороге, толпы жрецов и чиновников, песнопения, жертвоприношения, облачение и умащивание статуи и, наконец, торжественный молебен.

Во время осады Трои, решив воспламенить мужество колеблющихся воинов, Гектор попросил мать, Гекубу, созвать всех знатных женщин в храм Афины, «богини со сверкающим взором». «Пышный покров, величайший, прекраснейший из всех хранимых в царском дому, и какой ты сама наиболее любишь, взяв, на колена его положи лепокудрой Афине; и двенадцать крав однолетних, ярма не познавших, в храме заклать обрекайся ты, если, молитвы услыша, град богиня помилует, жен и младенцев невинных...» («Илиада», VI, 271—276). Нечто подобное тысячи раз происходило в истории микенских городов, и многие другие праздники имели единственной целью:

сделать богов благосклоннее — праздник начала года, праздник молодого вина, праздники в честь усопших, праздники навигации, праздники цветов — все эти крупные городские торжества классической эпохи проходили по образцу микенских. Об одном из них мы узнали только из текстов двух пиловских табличек, Fr 343 и 1217: во время этого праздника в честь того или иного бога постилали ложе (по-гречески — *lekhestroterion*, по-латыни — *lectisternium*). Божество (в данном случае — Посейдон), представленное раскрашенной и умащенной благовониями статуей, как бы участвовало в пиршестве или свадьбе. Предполагалось, что присутствующие делят с ним трапезу или обеденное ложе. А когда им являли бога и богиню, возлежащих на священном ложе, собравшиеся верили, что присутствуют при совокуплении, благодаря которому их маленький мирок должен родиться заново. Подобные ритуалы неизменно сопровождала музыка.

Раз в год жрицы Тиринфа и его окрестностей с величайшей помпой отправлялись на омовение статуи Геры в водах источника Канатос на обочине дороги, ведущей из Навплия в Азину (и тот, и другой — микенские порты): искупавшись в этой живой воде, богиня-мать вновь обретала девственность. Таким же образом жрицы Афродиты на Кипре и Кифере устраивали ритуальное омовение богини в соленых морских водах. Позднее поэты, не понимая смысла древних ритуалов и просто жонглируя словами, объявили, будто богиня родилась из пены морской, *apbros*, в окружении харит. Однако, подобно своим микенским предшественникам, они продолжали воспевать ее покрывало, румянец и сияние золотых кудрей.

В городе существовали и общинные храмы, где почитали и молили о милости самых разных богов. Греческие небожители — боги не «чего-то», но «чьего-то»: покровители и покровительницы. Каждая группа семей, каждое братство, каждая корпорация ремесленников имели свой храм, отмечали свои особые праздники, обращались к тому или иному заступни-

ку, а иногда к паре, триаде или целой «божественной коллегии».

В южной части крепости Микен и внутри последнего кольца укреплений, возведенного в 1250 году до н. э., известно по меньшей мере три таких культовых места. Первое назвали «домом Цунтаса» по имени греческого археолога, откопавшего его в конце прошлого века (1885—1896 гг.). Он расчистил большой зал со скамьями, где некогда восседали идолы, и очаг, вокруг которого совершались возлияния. Обнаруженные рядом изображения, в частности, священного щита, позволяют предполагать, что здесь, у крепостных стен, поклонялись какому-то воинственному божеству, например Энио — матери, сестре или дочери грозного Ареса Эниалия. В соседнем раскопе среди осколков сосудов и кучи костей лежала раскрашенная гипсовая голова высотой 17 сантиметров. Пряды на ее лбу изогнуты в виде крючков, глаза слегка косят, тонкие губы плотно сжаты, подбородок и щеки испещрены красными точками. Предполагается, что это голова чудовищного сфинкса, охранявшего храм. Что за кровавые жертвы здесь приносили?

В том же секторе, на расстоянии нескольких метров, археологи постепенно раскапывают комплекс, названный «крепостным домом», или «домом Вейса». Уже ясно, что два из тамошних помещений имели сакральный характер. С западной стороны в глубине небольшого зала (5x4 м) лестница поднимается к платформе с дюжиной крупных глиняных идолов — семь мужских и пять женских, установленных на полых цилиндрах и ужасающе размалеванных. Угрожающие и суровые, одни — со скипетрами, другие — с деревянными молотами, они и 32 века спустя впечатляют посетителей Навплийского музея. Найденные в соседнем помещении три идола высотой всего 30 см, в ожерельях и браслетах, имеют, напротив, мирный вид. Десяток глиняных змей, различные маленькие фигурки — приношения богам подземного мира, безымянным существам, коих современные тексты именуют «Жаждущими», или еще более расплывчато — просто «богами».

Что касается зала с настенной росписью, то это мегарон, расположенный в десяти метрах к востоку, размером 5,30x3,50 метров с очагом в центре, колоннами, ложем и купальней в форме ванны. Необычно лишь дивное живописное изображение сидящей богини с букетом крокусов в нише над алтарем. Компанию ей составляют готовый к прыжку зверь, еще одна богиня, на сей раз — с колосьями в обеих руках, бог-громовик со свитой почитателей. По соседству, в ризнице, найдены сосуды, изделия из слоновой кости, большое ожерелье и маленькая статуэтка богини, простирающей руки в знак благословения. Думаю, здесь снова можно вспомнить о древнейшей триаде элевсинских мистерий: Богине-матери Рее «в сверкающем венце», Богине-дочери, «Госпоже злаков», и страшном боге, который похищает последнюю и делает ее своей супругой. В общем, это три божества, связанные с жатвой и земледельческим культом.

Жертвы

В других городах — Кеосе, Дорионе, Гортине — богомольцы посещали странные анфилады комнат, столь же мало похожие на храмы классической эпохи, как и на микенские молельни. Они оставляли там статуи и статуэтки из раскрашенной глины, сосуды, полные вкусных жидкостей, первинки урожая, ветви и букеты. Сакрификаторы убивали на алтарях животных, потом жрецы делили несожженное мясо между жертвователями и участниками ритуала, не забывая и себя. Владыкам подземного мира приносили в жертву собак, черных баранов, а иногда и людей. Женщины и мужчины, *porena*, продавали себя или считались проданными в храм того или иного бога и становились *doero*, *doera teoyo*, то есть «божьими рабами». Они возделывали землю бога, отправляли его культ, подчинялись всякого рода запретам, но могли пользоваться доходами святилищ, часто — весьма значительными. В некоторых портах священные проститутки отдавались морякам в обмен

на небольшой подарок себе лично и принесение в жертву богине голубя, голубки или крольчонка. В случае какой-либо опасности весь город участвовал в процессиях и приносил жертвы, стараясь умиловать богов.

Именно это можно было наблюдать в Пилосе в ясный весенний день 1210 года до н. э. или около того, накануне пожара, охватившего Пилосский дворец. Враги-пираты снова вышли в море. Сбор продовольствия, войска и налогов шел плохо. Власти ссорились, а за ними ссорились и вассалы. Царь Мессении умирал или был настолько стар и дряхл, что на него обращали не больше внимания, чем на покойника. Недаром гомеровская традиция ничего не сообщает нам о последних днях Нестора, сына Нелея. Кто-то во дворце (канцлер, управляющий, военачальник или глава коллегии жрецов) решил, что пред лицом грозящих бедствий город должен любой ценой отвести от себя гнев богов. Всех без исключения. И вот один из зрителей сокровищницы взял в руки табличку из необожженной глины, поспешно расчертил обе стороны, прикинув, что надо написать шесть параграфов по четыре строчки, и принялся за дело. Он писал, стирал написанное, по памяти перечислял святилища и размеры приношений, делал множество ошибок и, наконец, так и оставил пустыми два параграфа в нижней части таблички. Этот путаный документ мы называем *Pu, Tn 316*. Хотя все его термины далеко не ясны, все же наиболее вероятно следующая интерпретация:

«В месяц Бога мореходов.

П.1. Приношения от дворца Пилоса Граду Жертв.

Принести в дар и посвятить лично:

Богине-Владычице (Атана) — 1 золотой кратер,
1 женщину;

Мнасе — 1 золотую чашу, 1 женщину;

Посидае — 1 золотую чашу, 1 женщину;

Трем героям — 1 золотую дароносицу;

Господину жилища — 1 золотой кратер;

П.2. Приношения от дворца Пилоса в... (пять строк остались пустыми).

П.3. Приношения от дворца Пилоса в святилище Посейдона и посвящение от Города. Дары следует принести и лично посвятить: 1 золотой кратер, 2 женщины Бойя и Налис (?), обе — служанки Комавена.

П.4. Приношения от дворца Пилоса святилищам Пересе, Ифемедей и Дивии. Дары следует принести и лично посвятить:

Пересе — 1 золотая чаша, 1 женщина;

Ифемедей — 1 золотая чаша;

Дивии — 1 золотая чаша, 1 женщина;

Холму Ареса — 1 золотая дароносица, 1 мужчина;

П.5. Приношения от дворца Пилоса святилищу Зевса. Дары следует принести и лично посвятить:

Зевсу — 1 золотая чаша, 1 мужчина;

Геру — 1 золотая чаша, 1 женщина;

В Дримион («Апремонт»?) для Сына Зевса — 1 золотая чаша, 1 (мужчина?).

П.6. Приношения дворца Пилоса в (пять строчек остались пустыми).

Составитель этой таблички перечислил всего 13 божеств вместо 24 предусмотренных — восемь женских и 5 мужских. Он не забыл ни о покровительнице дворца и подчиненной ей группе богов-ремесленников, ни о боге мореходов, ни о пяти божествах войны, ни о группе Зевса — Геру и их Сыне, покровительствовавших жрецам и царям. Нарочно ли опущены боги-покровители пастухов и земледельцев? Так или этак, а дар из тринадцати золотых сосудов в то время и в том месте представлял собой немалую жертву. Становится понятно, почему в другом документе, *Jo 438*, сановникам и богатым господам предписывалось доставить все наличное золото в сумме — более 5,5 килограммов. Что же касается «посвященных» людей (буквально: «тех, кто стал предметом передачи, *porena*, и кого должны увести, *age*»), можно предполагать, что эти 14 женщин — «рабыни для священного золота», о которых упоминает другой пилосский документ, *Ae 303*. Но общее число не совпадает. Как правило, «священным рабам» надлежало нести охрану и проводить все манипуляции со священным металлом. В данном же случае гораздо веро-

ятнее, что восемь женщин, подаренных главным богиням Пилоса, и трое мужчин, посвященных богу войны Аресу, верховному богу и его сыну, предназначались в жертву. Вспомним, как привели на заклание Ифигению, дочь Агамемнона, перед отплытием ахейского флота к Трое, и о двенадцати пленниках, зарезанных на могиле Патрокла во время той же самой Троянской войны. Что уж говорить о детских жертвоприношениях, которыми полнятся легенды кровавых земель Пелопса и Аттики.

Но кровь не утолила жажды богов. Город и дворец сгорели.

ЛЮДИ ВОЙНЫ

Под Троей

Они столько лет провели на азиатской земле, между Дарданеллами и горой Илион, что уже и не знали, удастся ли им вообще когда-нибудь покорить Трояду, Приама и его народ конеборцев. «Ах, если бы я мог поведать обо всех наших страданиях, о тесноте и узких закутках, где и лечь-то невозможно! Был ли хоть один час, когда бы мы не стонали? А на земле наступил еще худший кошмар. Мы ложились лицом к вражеским укреплениям, и вечный дождь превращал наши одежды в шкуры зверей. О, эта так называемая зима, убивающая птиц, и эти несносные снега Иды! Или знойное оцепенение лета, когда полуденное море засыпает в ложе своем без единой волны и ветерка!» — горько жалуется вестник Агамемнона в трагедии Эсхила. Более точного, искреннего отчета о каждодневных мытарствах и не придумаешь.

Богатую и грозную Иду от Трои не видно. Взгляд замечает лишь низкие холмы вдали, степь, заросшую тамариском, чертополохом, подсолнечником, да редкие пятна травы. Меж илистых берегов, среди осин и олеандров змеится Скамандр. У мыса Ройтес он теряется в темно-синих водах пролива, за которым видна лиловато-серая громада Херсонеса. Слышатся звуки, обычные для анатолийской земли, когда она обитаема: лай крупных белых собак, бродя-

щих от деревни к деревне, оглушительные крики ослов, песни и короткие переключки крестьян, скрип цельных колес телег, влекомых быками. В небе очерчивают круги несколько ягнятников-бородачей, да иногда пролетает журавль. Порывистый северный ветер приносит с собой горьковатый запах, такой непохожий на ароматы греческих лесов. О, сколько грустных воспоминаний о земле Европы будит этот ничтожный и неприступный холм!

Нам так много твердили о том, какая Троя маленькая — за четверть часа обойдешь вокруг, всего-то 150 шагов по диагонали, что на поверку она показалась, скорее, приличных размеров. С востока изрытое тело холма выглядит разве что пригорком, но с запада он прочно господствует над долиной. Город окружает довольно грубой кладки стена, прорезанная воротами с дромосом, своими сводчатыми проходами и платформами напоминающими те, что мы видели в Микенах. Столь ничтожным сходством ограничился Аполлон, бог-строитель стен и покровитель Гектора, «стража» цитадели.

Что за беда, если на этом маленьком клочке суши меж двух морей не уместилось бы 1186 кораблей и 10 тысяч воинов легенды, не считая временных жилищ, повозок, женщин и пленников! Кого волнует, что в Трою никогда не втиснулось бы 50 тысяч солдат (а именно такова, по Гомеру, численность армии Приама), что в крепости рядом с нынешней деревней Гиссарлык жило максимум две тысячи обитателей! Издалека поэты склонны видеть все в более крупных масштабах и творят города под стать героям. Но и действительность производит впечатление: громадные укрепления, хорошо охраняемые бастионы и куртины, система ворот, вынуждающая врага проходить между двумя стенами, где полным-полно защитников, тесно слепленные домики, набитые посудой, продуктами, золотом из Абидоса и серебром с соседних рудников Курсунлу. Посередине — небольшой дворец с мегароном, где царь, будучи истинным азиатским владыкой, говорят, содержал роскошный гарем. Этого вполне достаточно, чтобы пробудить

алчность горстки солдат, которые, разграбив несколько городков на Лесбосе и вспенив Эдремитский залив, явились разорять побережье Дарданелл. Черные корабли вытащили на песок и окружили деревянной стеной. Одновременно осажденные и осаждающие ахейцы выжидали момента, когда недальновидность противника, а также прихваченные с собой талисманы и милость Неба отдадут в их руки сокровища Трои.

Почему разразилась война?

Зачем они начали войну? В отместку, утверждает легенда. Но похищение пастухом с Иды Парисом супруги царя Менелая, имевшее место в весьма отдаленных землях, в самом сердце Пелопоннеса, служило лишь предлогом. Прекрасная Елена, дочь Леды и Зевса, представляется историкам скорее богиней, чем женщиной. Это был удобный повод, *casus belli*, ведь множество пиратов, с тех пор как существуют сосновые корабли, взяли за правило похищать на берегах Эгейского моря женщин и детей для любви и для торговли. Поэтому, чтобы сделать преступление более гнусным, позор Менелая более нестерпимым, а отмщение — необходимым, легенда добавляет, что Парис нарушил один из наиболее священных законов греческой земли: будучи в гостях, соблазнил жену хозяина дома. Что ж, это не первый случай, когда войну пытались оправдать соображениями нравственности. И не последний. Однако надо признать, что вопрос об оскорбленной чести и поруганной добродетели выглядит надуманным и второстепенным. Невольно приходит в голову, что его сочинил какой-нибудь поэт лет через 500 после битвы. А как быть со свободой личности и правами человека в те отдаленные времена? Нет, в Троянской войне, как и во многих других войнах XIII века до н. э., ахейскими воинами руководили иные побуждения, нежели поиски женщины и отмщение за честь ее супруга.

Они воевали потому, что научились это делать, и потому, что каста воинов жила лишь войной и лишь ради нее. В те времена это всюду считалось почетным занятием. А победители даже уверяли, что воевать выгодно. На относительно бедной и перенаселенной земле главы карликовых государств и просто любители приключений с легкостью вербовали гребцов и пехотинцев, суля им славу и богатство.

Воспитанные на постоянных конфликтах с соседями и стычках между молодежью, обученные нападениям в чащах лесов особыми наставниками — легендарными кентаврами, силенами и циклопами, — получая советы от старых щитоносцев вроде Нестора и Феникса, юные господа обзаводились все более многочисленной армией по мере возмужания и роста их жадности. Став главарями вооруженных банд, они совершали набеги, чтобы увеличить поголовье скота, расширить личные земельные владения, поживиться и разбогатеть. Разумеется, трофеи приходилось делить, но по закону сильнейшего. Вождь оставлял себе львиную долю добычи. В этом — его привилегия, его честь, *geras*. Если речь шла о земле, вождю предоставляли право выбирать наиболее понравившиеся ему уголья, и он получал их в пожизненное владение *temenos*. Точно так же он забирал свою долю из числа плененных женщин, угнанных стад и награбленной медной посуды. Остальное делили по жребью. Рассчитывая завоевать расположение воинов и понимая, что щедрость — наилучшая политика, вождь из своей доли наделял особо отличившихся. Но если дележка была закончена и совершены последние обмены, горе тому, кто вздумал бы покуситься на чужую наложницу или раба!

Войны начинались из экономических, а не из сентиментальных соображений. Само собой, если противник в Дарданеллах, в Ливии или на Сицилии упорно защищал свою собственность и людей, война могла стать вопросом жизни и смерти, но для воина она все равно оставалась способом доказать право наслаждаться благами мира сего и владеть ими. Чтение глиняных табличек из Микен, Пилоса и

Кносса приводит к выводу, что Троянская война была вызвана желанием трех-четырех ахейских монархов выпутаться из экономических неурядиц. Завладев сокровищами Трои, они хотели вернуть процветание собственным дворцам.

Троянцы же сражались за сохранение трех главных источников дохода: транзит товаров, в частности — золота, перевозимого через Геллеспонт в пяти километрах к северу от крепости, золотые, серебряные, свинцовые и цинковые рудники, разрабатываемые у подножия Иды в дне ходьбы от города, наконец — бесценный лес, лес, которого так не хватало козопасам Пелопоннеса и островов. Ведь если из металла делают драгоценности, то из сосен и елей — обшивку жилищ и корабли — эти плавучие дома. Эпические тексты называют Аполлона, бога Хрисы, то есть «города золота» или «золотого города», «сребролуким богом» — стало быть, защитником земли, где процветало рудное дело. Ограбив Трои, в том числе храмы, ахейцы вовсе не собирались там селиться или основывать колонию по соседству, хотя и заключали союзы со многими местными царьками. Их честолюбие не простиралось даже до того, чтобы контролировать Дарданеллы, а учитывая ненадежность ахейских судов, сомнительно, что они могли торговать в Черном море. Воины жаждали только сокровищ, пленников, породистых лошадей, дерева для строительства новых судов и доступа к массиву Иды в Троеде, ибо он был в десять раз богаче ресурсами, чем Ида на Крите. Ну и, конечно, каждый мечтал после окончания войны спокойно вернуться домой, но не без того, чтобы на обратном пути прихватить кое-какую добычу на берегах Фракии. Если герой был особенно благочестив, как, например, Одиссей, он почитал жрецов и их семьи даже в варварских странах, хотя и требовал достойной платы за свое великодушие. Но если же герой отличался грубостью и жадностью, подобно Агамемнону, он мог обратить в рабство и духовных пастырей противника. Выгода, вечно одна выгода.

Ахейскую коалицию, возникшую из временного единения противоположных интересов, не вдохнов-

ляла ни религиозная идея, ни патриотизм или общие цели. Военные вожди часто ведут себя как главари враждующих банд... Мотив «гнева», точнее, досады Ахилла получает в «Илиаде» множество вариаций — даже у Мелеагра и Париса. И это, несомненно, не только литературные образы. У многих ахейских вождей в Трое имелись и друзья, и гостеприимцы, но в день сражения их существование в расчет не принималось. Эгоизм и вполне осознанный индивидуализм поддерживали и питали всеобщую алчность.

Две категории воинов

Мир — лишь хрупкое мгновение между двумя войнами. Поскольку набеги и грабежи являли собой наиболее естественные отношения между государствами того времени, слою общества, который у всех индоевропейских народов составлял вторую касту, надлежало заниматься одним-единственным делом: воевать. А война требует постоянной тренировки. Как красноречивы изображения и тексты глиняных табличек конца XIII века! Добрая треть росписей, гравюр, барельефов запечатлели батальные сцены. Сотни документов из Кносса и Пилоса приводят списки боевых колесниц, упряжек, оружия или распределяют новобранцев, экипировку и продукты между офицерами. Благодаря им и останкам, найденным в гробницах, мы знаем, как были вооружены войска и что отличало экипировку внутриэгейских войск от современных им азиатских. Кроме того, мы можем выделить, по крайней мере, две категории профессиональных воителей: с одной стороны, это члены регулярного войска, солдаты, ополченцы, с другой — полуразбойничьи отряды.

Регулярные войска

В отличие от ополчения легендарного царя Крита, Миноса, существовавшего за две-три сотни лет до Троянской войны, регулярные и хорошо организо-

ванные армии микенцев располагали значительной упряжной кавалерией, то есть множеством боевых колесниц, влекаемых одной или несколькими лошадьми (*iqiya woka*). Как правило, эту часть воинов называют «колесничими». Лишь немногие — возможно, всего один из 10—12 человек — располагали собственной платформой на колесах, бывшей одновременно средством транспортировки и ведения боя, и упряжкой лошадей. Впрочем, кое-где центральная власть сдавала колесницы в аренду. В дворцовых хранилищах Кносса найдено 400 колесниц и 1000 парных колес.

Обе армии, собравшиеся на равнинах Трои, содержали, помимо прочего, внушительные конюшни. Ахейские герои ни о чем так страстно не мечтают, как о том, чтобы захватить и запрячь в свои колесницы чистокровных белых фракийских или черногривых троянских лошадей.

Лошади

С начала II тысячелетия до Рождества Христова коневоды крупнейших равнин Балканского полуострова научились от завоевателей из степей Анатолии одомашнивать несколько пород: лошадь Пржевальского, тарпанов и европейскую лошадь — *Equus eugoraеus*. Кони сначала таскали священные повозки, потом возили на войну и охоту царей — сыновей или потомков богов, наконец, стали особо ценным жертвоприношением. В конце бронзового века ни в одном из уголков Греции лошадей не разводили на мясо или, если речь идет о кобылицах, ради молока. В отличие от волов или ослов они не обрабатывали землю. И верхом на них не скакали. Благородное животное оставалось исключительно животным для знати.

Коней сгоняли в большие табуны — от 150 до 300 голов, поручали опытным конюхам и охране, проводили селекцию среди жеребцов-производителей, разбирались не только в родословных, но и в

искусстве скрещивания пород. Хозяева сами становились тренерами и наставниками, участвовали в конских состязаниях и, наконец, даже в могилу ложились вместе с любимыми лошадьми. От качества упряжи и скорости ее надевания зависели слава или позор, а на поле боя — и сама жизнь. Потому-то мы и читаем в эпических сказаниях, какой заботой воители окружали своих драгоценных четвероногих спутников. Их кормили не только травой, клевером и сеном, как на обычной ферме, а насыпали в кормушки белоярое пшено, полбу, однозернянку и, если конь заболел, дикий сельдерей, чуфу, даже вино и мед. Лошадей скребли, чистили, растирали маслом, покрывали попонами, более того, с ними ласково беседовали (Илиада, VIII, 185—190).

У коней богов и у человеческих коней есть имена, и благодаря тем из них, что передают нам тексты (например Ксанф, Балий, Пирр, Феникс, Левкос или Лампос), мы можем представить даже окрас лошадей: рыже-чалый, пегий, рыжий, гнедой, белый, серый в яблоках. Одного из коней Гектора, как и коня Менелая, зовут Подагром из-за белых ног. А вот черные кони были редкостью. Многочисленные изображения и несколько скелетов, найденных в Микенах, Навплии, Марафоне и различных могильниках Кипра, позволяют предположить, что большинство лошадей отличались сравнительно небольшими размерами, но могучим сложением, крепкой короткой шеей и скорее мощными, чем изящными ногами. Правда, эта хорошо известная порода не исключает существования большого числа других типов.

Боевые колесницы

Погребальные стелы Микен и несколько описей из оружейной Кносса свидетельствуют о том, что в колесницы многих воинов запрягали всего одну лошадь. Зато эпос и памятники, современные Гомеру, показывают нам лошадей, запряженных цугом и в квадриги. Если таковые и существовали в эпоху Тро-

янской войны, то лишь в виде неудачных попыток и исключений из правила. На протяжении всего XIII века в колесницу впрягали пару лошадей под ярмом. Дышло делалось из двух кусков прочного дерева, от платформы к нему тянулись оглобли и от верхней части короба — горизонтальный стержень, чтобы укрепить конструкцию. Кольцо, шпилька и ремешок прикрепляли ярмо к изогнутой части дышла. Сбруя охватывала шею и проходила под мышками у лошади, в нежный рот вставляли мундштук с парой удил, закрепленных вдоль ярма. Использовались еще наглазники (обычно — кожаные) и уздечка. Голову и гриву лошади украшали металлическими шариками и бляшками.

Еще замечательнее выглядела колесница: плетеный или кожаный полуцилиндр с бортиками и коротким днищем, два легких колеса с четырьмя спицами и бронзовым ободом. Все это раскрашивали в яркие цвета, а нередко инкрустировали костью или золотом. Вооруженные и покрытые броней воины держались на колеснице *стоя*, а поскольку эти своеобразные двуколки мчались на бешеной скорости, колесничему, должно быть, с детства приходилось усиленно тренироваться. Настоящие эквилибристы! Конструкция не предусматривала никаких сидений. Ни дворец, ни какой-либо страховки. А так как ось крепилась намертво, при малейшем резком повороте воин слетал на землю.

В эпосе упоминается немало дрессировщиков или «хозяев лошадей», *bippodamoi*, но истинных колесничих, *bippelatai*, — считанные единицы: Нестор, Менесфей или Эвфорб умеют править колесницей и пешими войсками, руководить маневрами и сражаться в первом ряду. По тому, что старец Нестор из Пилоса рассказывает о подвигах, совершенных в юности, по его советам, которым уже никто не следовал во времена Гомера, мы видим, как держались эти древние конники, тем более что памятники показывают нам их вместе с экипажем.

Обязанности строго распределялись между хозяином колесницы и его возничим. Один сражался,

другой правил и в нужный момент останавливал лошадей. Один был вооружен копьем и мечом, второй носил лишь кинжал на боку, а иногда — круглый щит за спиной. Оба стремились избегать лишней тяжести, а поэтому брали с собой только самое необходимое. Вцепившись одной рукой в изукрашенный бортик короба, возница встряхивает четыре вожжи. Он должен сохранять место в боевом порядке, своим телом прикрывать спутника и во весь опор мчаться на вражеских воинов, чтобы растоптать их или рассеять. В случае нужды возница мог перехватить удила левой рукой, а правой резко взмахнуть кнутом, подчиняя себе упряжку.

Сопровождавший возничего воин на полном ходу пронзал копьем одиночных пехотинцев. Если ряды противника не смешивались под натиском колесниц, он спрыгивал на землю и вступал в рукопашный бой. В случае опасности возница подбирал своего копьеносца и выносил с поля битвы. Дело осложнялось, если противник тоже располагал боевыми колесницами. В такой ситуации следовало расстроить его боевую линию, чтобы колесницы могли вступить в схватку попарно или преследовать друг друга. С платформы, летящей галопом, проворный воин пытался копьем или пикой достать либо вражеского возницу, либо его спутника. Если на лету никого ранить не удавалось, поединок продолжали на земле. Победитель, если хватало сил, забирал оружие и доспехи побежденного. Нередко раненая лошадь падала, брыкалась и путалась в вывороченных внутренностях. Тогда возница кинжалом обрезал постромки, закрепляющие ярмо.

Благодаря столь четкому распределению обязанностей члены экипажа превосходно ладили друг с другом. Как Геракл и его возница Иолай, они были не просто спутниками, но товарищами, братьями по оружию. Торжественные клятвы, сопровождаемые возлияниями и жертвоприношениями богам, соединяли этих двух неразлучных соратников, а эпос превращал их то в близнецов, то в любовников.

Эти «летучие» воины не могли ни стрелять из лука, ни прикрываться щитом, от стрел и ударов противника их обоих защищали лишь шлем и доспехи. Поскольку каждый род войск стремился обзавестись собственной униформой, неудивительно, что нам известно не менее дюжины видов шлема: редко — бронзовых на подкладке, чаще — кожаных, покрытых пластинками или позвякивающей кольчугой, и почти всегда снабженных нащечниками и назатыльниками. Любители охоты носили на шлемах костяные пластинки и кабаньи клыки. Другие довольствовались несколькими мазками краски. Почти все водружали сверху конскую гриву, один или несколько рогов.

Доспехи обычно состояли из пластрона и закрывающей спину части с завязками на плечах и сбоку. Делались они из льняного полотна. Не стоит удивляться: даже в Средние века пехотинцы еще почти не имели иной брони, кроме такого же полотна, подбитого сукном, двойного, тройного и накрахмаленного, амортизирующего удары. Хорошо экипированные ахейцы добавляли к этому наплечники, кожаные фартуки с бахромой, нашивали бронзовые пластинки и чешуйки. Уникальной остается находка, сделанная археологами в 1960 году в арголидской Дендре, в некрополе древней Мидея: кираса, полностью отлитая из бронзы, с высоким воротником и набедренниками. Ужасающая броня из 133 жестких частей, превращавшая воина в башню, заодно лишила его возможности упасть или убежать. Вместе со всей гарнитурой подобный панцирь весил более двадцати килограммов. В таких доспехах воин мог передвигаться только на колеснице. Пехотинцы предпочитали сохранять на поле боя свободу движений, дабы походить на «легконового» героя Ахилла.

Лучники

Тела лучников дополнительно защищали легкие щиты — деревянные, кожаные, иногда даже плетеные или из просмоленной ткани. На лицевой сторо-

не изображались всевозможные морды и знаки, которые, по их разумению, должны были устрашить противника. Луки использовали полированные, с двойным изгибом. Чаще всего они делались из козьих или бараньих рогов, соединенных обручем. В зависимости от натяжения жилы, называемой тетивой, и силы стрелка, лук бил на 300—700 метров, а если бронзовый наконечник стрелы еще и смазывали змеиным ядом или грязью, то даже просто оцарапанный ею человек умирал в страшных мучениях. Зазубрины и крючки, вошедшие в плоть, вытащить было уже невозможно.

Но сколько бы ахейцы ни тренировались в стрельбе и ни собирали в арсеналах многие тысячи стрел (в одной кносской табличке указано 8640 штук), они побаивались азиатских лучников и их «далеко разящего» бога Аполлона, тем более что тот мог пустить стрелу в спину и тихонько исчезнуть.

Бронзовое оружие

Они предпочитали честно и храбро вести ближний бой. Большинство воинов носили на левой руке длинный полуцилиндрический или овальный щит из кожи, обитый металлом, а в правой держали легкую пику, *enkhos*, снабженную наконечником с одним или двумя лезвиями, копье, *paltaion*, которое с размаху бросали во врага, длинный бронзовый меч, *xiphos*, или кинжал с широким клинком, *phasganon*, очень удобный в рукопашном бою. Вместе с боевыми колесницами и доспехами, отделанными металлическими пластинками, узкие мечи — наиболее оригинальная часть микенского вооружения. Они помогают понять, почему греки победили прежних обитателей бассейна Эгейского моря. В самом деле, эти своего рода «шпаги» предназначены для того, чтобы колоть, нанося удар выше двудольных или прямоугольных щитов островитян. «Шпага» была достаточно прочна и удобна для руки: пластинки рукояти приковывались к плоскому клинку с загнутыми

закраинами между навершием эфеса в форме шишечки и слегка выступающей гардой. Длина бронзового заостренного клинка достигала 60—95 сантиметров. Ближе к рукояти его ребро утолщалось, что придавало ему бóльшую прочность.

Вместе с погибшим воином часто хоронили два вида оружия — копье и меч или же меч и более короткий клинок с треугольным лезвием. Использование метательного оружия позволяло в случае необходимости пустить в ход и оружие ближнего боя, но обременительная и тяжелая «шпага» исключала применение на поле брани еще и меча. Поэтому никто не носил в ножнах два клинка и не сражался обеими руками. В зависимости от того, с каким противником предстояло иметь дело, воин брал с собой меч колющий, меч рубящий, а то и просто еще кинжал.

Богатые воины украшали рукояти своего оружия слоновой костью, драгоценными металлами или фаянсом. Костяные пластинки или кусочки редких пород дерева крепились золотыми гвоздиками. На нервюре клинка и на гарде гравировали спирали. Бронзовые кинжалы с широким лезвием иногда инкрустировали пластинками электрума, золота, серебра, меди, изображающими сцены охоты или сражений, а поверху заливали черной или синей стекловидной массой. Воин тем более дорожил оружием, чем выше было искусство отделки и число символов, увеличивающих его цену. Но особенно ценилось оружие, отобранное у врага в беспощадной схватке.

Униформа

Критяне носили башмаки из белой кожи или замши, зашнурованные до лодыжки, а то и выше. Копейщики Орхомены гордились красной обувью с узкими ремешками. Бородатые и длинноволосые воины Микен стягивали икры плетенкой из темно-коричневой кожи над сандалиями, *pedila*, оставлявшими щиколотки открытыми. Когда война была искус-

ством не только хорошо сражаться, но и совершать набеги и вовремя отступать, все пехотинцы ходили обутыми. Им приходилось и мчаться на врага, и улепетывать с поля боя. А потому регулярные войска, методично экипируемые с ног до головы и от султана на шлеме до кожаных подошв, знали толк в униформе и военных смотрах.

На некоторых фрагментах микенских ваз сохранились изображения марширующих солдат с копьем на плече и щитом на руке. Настенные росписи Тиринфа, Микен и Кносса, тулова кипрских ваз показывают, как летели в бой и маневрировали колесницы. Все это создает впечатление гармонии и порядка, *kosmos*.

Несмотря на региональную обособленность и личные ссоры, контингенты некоторых сильно централизованных ахейских царств — такие, как войска Беотии, Пелопоннеса, Крита — должны были подчиняться единым требованиям дисциплины, тактики и общей обороны.

Война и ритуалы

У войны, как и у жертвоприношения, есть собственные ритуалы. В конце концов в любой битве неизбежны жертвы, и человек тем милее богам, этим вселенским убийцам, чем больше врагов он отправит в мир иной. Если хорошо организованная армия, какая была у ахейцев, слушается своих офицеров и суверена, значит, волей-неволей, она послушна и богам. За любое продвижение войск, за военную инициативу, нарушающую установленный порядок вещей, вышним владыкам, которых собирались побеспокоить, следовало уплатить справедливую цену смуты, зла и разорения. В XIII веке до н. э. ни одна армия средиземноморского мира не выступила бы в поход, не спросив совета у прорицателей, не помолившись богам своего народа, не умилившись богов противника и не принеся обильных жертв.

Мы хорошо осведомлены о хеттских и лувийских военных ритуалах, но о том, что предпринималось на сей счет в греческих армиях того времени, имеем весьма смутное представление, поскольку легенды и эпос доносят до нас лишь слабые отзвуки да бледные образы. Прорицатели и гаруспики вроде Калхаса и Тиресия, наблюдая за полетом птиц и подрагиванием внутренностей закланных животных, объявляли, благословляют небожители поход или нет. Войско очищали, обрызгивая водой или кровью, а иногда — заставляя проходить между двумя половинами расчеченной пополам жертвы. Часто в жертву приносили человека — пленника, раба или ребенка. История Ифигении, дочери царя царей Агамемнона, зарезанной на алтаре Артемиды, чтобы поднялся ветер и греческий флот мог отплыть от берегов, с этой точки зрения весьма символична. Пусть теперь установлено, что девственная Ифигения была божеством, предшествовавшим в Бравроне Артемиде, которой посвящали перед свадьбой молодых девушек, это не меняет того обстоятельства, что сами факты посвящения и принесения в жертву дочери царя имели место во многих других местах, в частности — в Афинах и в Пилосе. Достаточно вспомнить 11 человек, отправленных из Пилосского дворца в Сфагию («место, где перерезают горло»), и о жертвенниках богам войны, воздвигнутых в период всеобщей мобилизации (табличка *Ti* 316).

Столетие, когда внутри каждого государства сталкиваются сильно дифференцированные касты, жрецы, а с ними и царская семья, воины, ремесленники, земледельцы и скотоводы молят о покровительстве своих собственных богов. Первые, как правило, обращались к Атане Потнии, или Афине-владычице, то есть заступнице царей и их дворцов. Воины, как сражавшиеся на боевых колесницах, так и пехотинцы, тоже зывали к богам: первые — к Посейдону, богу конников, вторые — к Аресу и его «группе поддержки» (Энио, Эриде, Эриниям, Пересе, Ифимедес, Дивии, Фобосу и Деймосу), покровителям пеших воинов. Что до лучников, то они искали покровитель-

ства Пеавона, «разящего бога», которого Гомер назовет Пеоном и свяжет с богом азиатских стражей и лучников Аполлоном.

Самое поразительное на наш нынешний взгляд, что в надежде успешного боя эти воители полагались во всем или почти во всем на женские божества, ибо даже Посейдон и Пеавон продублированы в наших текстах богинями — Поседейей и Дивией, будущей Артемидой. Хотя война в принципе — дело мужское, в военном пантеоне насчитывается девять богинь (исключительно девственниц) против шести богов, причем двое из них — бог ужаса Фобос и бог страха Деймос — по сути дела, чистые абстракции или просто символы Ареса. Неужели действительно женщины и девушки в тех краях были воинственнее и кровожаднее мужчин? Или это пережиток минойской эпохи, когда женские божества главенствовали в религии, а женщины — в экономической и общественной жизни?

Воспитание воинов

В действительности же так называемый слабый пол активно вмешивался в воспитание и формирование воинов. Дети свободных граждан воспитывались в гинекее, попросту говоря, матерью до шести-семи лет. Затем, после равного для всех промежутка времени, посвященного домашним работам, земледелию или ремеслу, мальчики, достигшие полового созревания, проходили обряды инициации, то есть готовились к новой жизни в пустынных уголках гор или побережья. Здесь правили различные местные божества, обычно женского пола: богини источников, рек, ущелий, лесов, зарослей, пещер, моря. Греческая мифология, унаследованная от тех далеких времен, называет их по местам обитания — нимфы, музы, наяды, nereиды, океаниды. Именно они следили за воспитанием юноши, становились его духовными и нравственными матерями, как богиня Фетида стала «матерью» Ахилла. В наиболее древних из наших

списков их имена порой отражают географические особенности, но чаще говорят о физических достоинствах и добродетелях, например, Главка («Лазурная»), Талия («Цветущая»), Апсевдес («Искренняя»).

В этих пустынных местах старшие мальчики прививали младшим полезные навыки: собирать остатки урожая, охотиться, ловить рыбу, ориентироваться на местности, плавать, прятаться, бороться с холодом и темнотой; а богини вод и лесов, девственные, как эти дети, позволяли им выжить, в буквальном смысле слова давая им жизнь или светлый день, как это делала богиня Зари для стольких героев.

Источникам, ручьям и рекам мальчики приносили в дар волосы, одежду, обувь. Во многих уголках микенской Греции мальчишек воспринимали как нечто незавершенное, а потому во время обрядов инициации рядили в девичье платье. Так, Ахилл, по легенде, скрывался на Скиросе среди дочерей Ликомеда до тех пор, пока вид меча и звуки труб не пробудили в нем душу солдата.

По завершении обрядов инициации молодые люди торжественно возвращались к себе в деревню, выбирали «царя юности» и приносили жертвы оберегавшим их женским божествам. Наконец-то они могли участвовать в жизни общины, жениться, владеть оружием. Если ахейские воины, как мы видим, и потом продолжали обращаться за помощью к девственным богиням, то лишь потому, что и сами оставались девственниками... по необходимости. В классическую эпоху Афины отмечали праздник Осхофорий, или «Несущих ветви», в память о возвращении Тесея и его юных спутников. Рассказывали, будто их спасла из лабиринта со всеми его опасностями юная богиня Ариадна.

Те, кто выбирал судьбу воина или кого предназначал для этого клан, объединялись в более или менее тайные братства, своего рода военные общины. Особые наставники учили их управляться с оружием, сливаться с местностью, нападать, устраивать ловушки, но также помогать друг другу и лечить раненых. Такую роль легенды горы Пелион приписывают кен-

тавру Хирону, сыну титана Крона и нимфы Филиры, сверхчеловеческому существу, наделенному волшебной силой. Хирон умеет держать в руках ясеневое копьё, но главным образом он — врач и учитель.

Мифология сохранила для нас названия нескольких военных сообществ, этих вооруженных банд, которые хочешь не хочешь наводят на мысль о волках-оборотнях и германских берсерках. На Крите, в Этолии и на Эвбее — это куреты, в Беотии — спарты, вышедшие из земли в полном вооружении, флегийцы — «самые воинственные люди своего времени», эгеиды или сыновья Урагана. Члены древнейшего воинственного клана Аттики взяли себе славное прозвище эгикореи (*aigikoreis*), то есть «служители эгиды» — щита или шкуры с головой Горгоны, которыми Афина и Зевс пользуются, чтобы застрашать или уничтожить врагов. Нет никаких сомнений, что помимо военных хитростей и беспрекословного подчинения вождям молодых людей обучали издавать боевой клич. В этом вопросе герои слыли мастерами. Приняв воображаемый облик львов или волков, они бросались на врага с диким воем.

Единственная опасность создания таких вооруженных банд заключалась в том, что однажды они могли из конструктивного элемента жизни города превратиться в его погибель. Легенда рассказывает, как спартанцы в конце концов перебили друг друга, флегийцы занялись разбоем, эгеиды запятнали себя предательством, а паллантиды возжаждали низвергнуть в Афинах монархию.

Отсюда — те предосторожности, какие принимали ахейские государства, дабы контролировать и сдерживать аппетиты своих воинственных юнцов. Чтобы стать полноправными членами касты воинов, молодые люди, *korwoi*, должны были подвергнуться каким-нибудь ритуальным испытаниям: победить в необычном поединке, справиться с диким животным (как правило, кабаном), устроить ложную засаду, провести показательный бой с деревянным или кожаным манекеном, переплыть глубокую или невыносимо холодную реку, нырнуть в море, дать всякого

рода страшные обеты. А потом место игр, охоты и ритуалов занимала война. Этакое дурное окончание игры, смертельная развязка охоты, полное самопожертвование... или принесение в жертву другого. «Новобранцев» никогда не оставляли в городе: их посылали в гарнизон, на границу или на побережье, а если подворачивался удобный случай, — в дальний поход, например под Трою.

Военная организация

Все это — отнюдь не только толкование мифов или интерпретация изображений того времени, впрочем, весьма многочисленных. К счастью, тексты, запечатленные на табличках Пилоса, открывают нам часть военной организации царства Нестора немного времени спустя после предполагаемого падения Трои. Мы узнаем, что мессенская монархия, опасаясь нападения на свой дворец, расположенный на холме у самого моря, брала на учет не только всех кузнецов и медников, способных быстро сделать и доставить оружие, но и ушедших в запас или временно свободных от работы гребцов, более того, она организовала с десятков военных управлений или военных округов (*ока*). 780 солдат, поделенных на боевые единицы от 10 до 110 человек, были поставлены охранять наиболее уязвимые пункты побережья, особенно окрестности бухты Наварин. Конечно, тут сосредоточилась лишь небольшая часть наличных сил, всего один из винтиков гигантской военной машины.

Каждый городок, независимо от того, ахейский он или нет, обязывался поставить в армию определенное число гребцов и береговых стражей, причем исключительно — свободных мужчин. Настоящим предводителем войск являлся не царь, не управляющий дворцом, а герцог, *lawagetas*, или «воевода», *lawos*. Во главе гарнизонов стояли офицеры нескольких рангов, в том числе *тепуа*, чье название странно напоминает имена Миния, царя Орхомены, и Мену-

вы, колесничего из Кносса (табличка *KN, V 60* и *Sc 238*). Повсеместно граф, или «спутник», *eqeta*, владелец боевой колесницы, поддерживал связь между войском и администрацией дворца. Инспектор или контролер, *ereute(r)*, следил за выполнением приказов и, по-видимому, ведал снабжением воинов продовольствием, поступавшим из родных краев.

Многие письменные документы среди пехоты, или «пешеходов», *padiewe*, различают «кожевников», *kurewe*, и «ткачей», или «людей челнока», *kekide*, которые освобождались от налога на лен. Вероятно, названия связаны также с тем, что одни носили на груди и спине доспехи из кожи, а другие — из ткани с подбоем. Солдат тщательно разбивали на группы, кормили, экипировали. Военное начальство интересовало как экипажи, отправляемые в Плеврон, так и отлучки из гарнизона и увольнительные, предоставляемые офицерами подчиненным.

Логистика

Поддерживалась оборона так же методично, как ее готовили. На вершине горы Святого Ильи недалеко от Микен сторожевой пост наблюдал за дорогами Арголиды, идущими и через горы, и через равнину. Зажигая сигнальные огни, они обменивались сообщениями с другими оборонительными фортами и с дворцом. Это не выдумка поэта Эсхила, а действительность, оставившая след на земле и отмеченная в исследованиях археологов: Цунтаса, Вейса, Милонаса. Точно так же гора Арахнейон, или Паучья (1199 м), на полпути из Тиринфа в Эпидавр была центром оптической информации, которой пользовались все воины Арголиды. И нет ничего удивительного в том, что благодаря огненным сигналам узурпаторы аргосского дворца менее чем за одну ночь, как говорит Эсхил, узнали о победе Агамемнона в Дарданеллах.

На севере Пелопоннеса властители Коринфа распорядились перекрыть перешеек исполинской стеной, и воины дено и ночью совершали по ней обхо-

ды. Вокруг дворца в специальных мастерских ковали оружие, делали доспехи, лошадиную сбрую и боевые колесницы. В мирное время всем этим заполняли склады, арсеналы или, как в Тиринфе, огромные казематы. Что касалось обеспечения армии в походе, то частично это происходило за счет грабежа неприятельской территории, а частично — благодаря кораблям из дружественных портов или торговым посредникам. Занимались этим и военные поставщики. В трагедии «Филоклет» Софокл выводит на сцену одного из таких коммерсантов. Логистика, или разумное использование ресурсов, родилась далеко не сегодня.

Способы ведения боя

Приходится признать, что нам почти ничего не известно о стратегии этого вооруженного народа (*laos*), этого регулярного войска. Невозможно говорить даже о какой бы то ни было стратегии Троянской войны, ибо каждая армия подчинялась лишь своему вождю, а тот — собственным амбициям. Когда эти несхожие меж собой свободные люди, необычайно гордые правом высказывать личное мнение или, подобно Терситу, затевать свары, соглашались вступить в бой, их, как посоветовал старец Нестор, объединяют по землям и кланам. В свете того, что нам дают греческая мифология и эпос, исторические свидетельства Хеттского царства, официальная переписка семитских царей, надписи фараонов Египта, в XIII веке до н. э. трудно говорить о какой-либо стратегии, ибо речь приходится вести о нашествиях целых народов, многочисленных, голодных или лучше вооруженных, о захватах и грабительских нападениях, о краткосрочных карательных экспедициях и, наконец, о рейдах, то есть молниеносных налетах на боевых колесницах. Сомнительно, чтобы ахейцы могли участвовать в захватнических войнах так называемых «народов моря», о которых упоминают египетские архивы, или хотя бы, что они сами

становились жертвами таких. Чтобы погубить себя, им вполне хватило нескольких междуусобных схваток. Троянская война отвечает всем характеристикам грабительского похода. Ахилл, Аякс, Одиссей, уподобляясь богу Аресу, называют себя «разорителями городов», *ptoliporthoi*. Как только город сожгли и добычу собрали, Трояда опустела — ахейские корабли спешили вернуться в родные гавани.

Со своей стороны составители пилюсских таблиц в 1220 году до н. э. опасались не нашествия иллирийцев, этолийцев или дорийцев, как это, по-видимому, произошло лет через двести, а внезапных набегов, вторжений своих же союзников, вроде тех, о которых рассказывает царь Пилюса Нестор в нескольких эпизодах «Илиады».

В коротких эпических песнях, независимых от основного сюжета о Троянской войне, Гомер повторяет рассказы, слышанные им в Милете при дворе Нелеидов, потомков Нестора. В первую очередь из Песни VII мы узнаем, что пилюсы воевали с аркадцами, своими соседями, и что царь Аркадии Ликург убил тяжелооруженного героя Аретоса, «Носителя палицы», «хитростью, а не силой, на узкой тропинке, где палица не спасла его от смерти». Это типичная засада в ущелье, которую Нестор клеймит, как предательскую, прежде чем рассказать о своем отмщении — в честном поединке. Но тот же знаменитый рассказчик посвящает сотню стихов в Песне XI захвату скота, учиненному им самим на эпейской территории на границах своей страны. За этим следовали введение в бой армии, осада города, бой и, наконец, поражение противника: «Эпейцы, при всем своем мужестве, бежали кто в одну сторону, кто — в другую, когда увидели гибель воина, командовавшего их колесницами». Здесь стратегия уступает место тактике, весьма популярной в те времена: она состояла в том, чтобы изолировать, взять в плен или убить вражеского предводителя.

Затем, в Песне XXIII Нестор перечисляет свои спортивные победы над теми же эпейцами во время погребения Амаринкея. Вскользь он упоминает о

знаменитых конюшнях царя Авгия, охраняемых воинами Элиды и их союзниками от алчности Геракла, посланного царем Тиринфа. Легенда гласит, что герой, получив приказ очистить Авгиевы конюшни, изменил русло бурного Алфея. Подразумевается, что для войны, особенно для войны блокадной, годятся любые хитрости, включая захват источников, перекрытие рек или просто-напросто ожидание осеннего половодья, способного парализовать и уничтожить противника. Песнь XXI «Илиады» показывает нам, как Ксанф и Симоис разлились по долине Трояды, чтобы остановить наступление Ахилла, и о всепожирающем огне, победившем разгул и буйство стихий. Это — преувеличенный поэзией отголосок хорошо известной тактики «выжженной земли».

Троянский конь

В числе самых распространенных стратегических хитростей фигурируют переодевания, шпионаж, диверсия и симуляция отступления. Все это широко используется героями Гомера — изобретательным Долоном, отважным Диомедом и хитроумным Одиссеем. Но самый знаменитый тактический ход эпос приписывает Эпею (решительно, традиция отводит эпейцам дивную роль!), сыну Панопея и создателю Троянского коня.

Город, окруженный мощными стенами, невозможно было взять ни приступом, ни голодом, ни уничтожением на поле боя самых храбрых его защитников. И ахейцы сделали вид, будто сворачивают лагерь. Но прежде чем укрыться на ближайшем островке Тенедосе, они, как уверяет поэт, по особой милости богов сконструировали и оставили на берегу колоссального деревянного коня. В его брюхе спрятались лучшие воины. Предатель или простофиля убедил троянцев приволочь «безобидную» статую на колесах в неприступную цитадель и посвятить богам, как громадный монумент благочестия. Наконец-то троянцы смогут насладиться вновь

обретенным покоем и мирно уснуть! Но под покровом ночи герои открыли дверцу в брюхе деревянного коня, рассеялись по спящему городу и вместе с поспешно вернувшимися с Тенедоса воинами принялись грабить и убивать. Этому остроумному изобретению, ловкому фокусу, забавляющему более трех тысяч лет греческих школьников, предлагалось немало объяснений. Если оставить в стороне поэтическое преувеличение размеров коня и роли архитектора, мы бы сказали — инженера, приписываемой Эпею, троянцы столкнулись с испытанной и тысячи раз повторявшейся военной хитростью — начиная со взятия Яффы в 1460 году до н. э. Тутти, полководцем Тутмоса III, до захвата крепостей Форжере и Манта бретонцем Бертраном Дюгескленом 2800 лет спустя. Она состоит в том, чтобы во время осадной войны имитировать отступление и отправить в голодную крепость лошадей, мулов или ослов, якобы нагруженных продовольствием. Защитники, не подозревая ничего дурного, открывают ворота, а в каждой корзине, каждом кувшине, в каждом сундуке, начиная с третьего или четвертого животного, прячется вооруженный воин. А едва солдаты попадают в крепость — мало кому удастся выбить их из нее!

Добавим, что здесь — нечто большее, чем правдивая история, истинный эпизод войны, отчасти подтверждаемый исследованием сожженных укреплений и лавок Трои. То, что город, укрепленный лучше, чем все акрополи Греции вместе взятые, мог быть захвачен благодаря конвою крепких лошадок, может показаться столь же неправдоподобным, как и сам деревянный конь. Но символ все-таки красноречивее, чем простой эпизод из военной истории: ахейской Греции удалось захватить и колонизировать берега Малой Азии от Трояды до Памфлии, потому что она обладала хорошо натасканной, мобильной и маневренной кавалерией на боевых колесницах, куда лучшей, чем у хеттских амазонок. Отважных солдат хватало у обеих сторон. Вот только греки оказались изобретательней.

На нескольких фрагментах серебряной вазы, найденной на Микенском акрополе в четвертом могильнике, выгравированы обнаженные пращники и лучники, обороняющие маленькую крепость на берегу моря. Ее атакует эгейский флот. Предполагается, что это нападение на варваров, не способных оказать серьезное сопротивление, — вероятно, на одном из Балеарских островов. Античные историки упоминают об обычае жителей Балеаров ходить нагими и восхваляют меткость их стрелков. Эти острова, по свидетельству тех же авторов, во времена Троянской войны колонизировали родосцы или беотийцы. Но народам Эгейского моря не пришлось долго ждать, чтобы напасть на прибрежные города и выстроить там свои укрепления. Осаде Трои предшествовало так много других, что теперь совершенно ясно, почему множились и дополнительно укреплялись циклопические стены вокруг ахейских городов — Орхомена, Глы, семивратных Фив, Афин, Коринфа и еще десятка крепостей Пелопоннеса. В «Илиаде» (IV, 404—410) один из героев фиванской эпопеи сравнивает две последовавшие друг за другом осады Фив: поражение коалиции семи вождей и победу их преемников, эпигонов.

Чтобы взять укрепленный город, захватчики рассчитывают на свое превосходство в вооружении и численности и на собственную хитрость, равно как на голод, жажду, эпидемии и падение морального духа защитников. Но, должно быть, нередко случалось, что дизентерия, грипп, тиф, средиземноморская лихорадка — словом, все, что традиция обобщенно называет чумой, — косили также и осаждающих. В Песни I «Илиады» показано, как ахейцы толпами умирали под ударами повелителя крыс Аполлона Сминфея. А ведь ютившиеся в чудовищной тесноте внутри палисады вместе с наложницами и скотом войны выкапывали себе ямы или спали на голой земле, да еще терпели все прелести непогоды. Счастливым был тот, кто, подобно предводителям армии, мог

укрыться в деревянной хижине или бревенчатом срубе, торжественно именуемом ложницей, или палаткой, *klisia!*

Похороны и перемирия

Если воин погибал, и его тело не попадало в руки врага, который мог и ограбить, и искалечить, и оставить без погребения, товарищи по оружию хоронили павшего в яме вместе с несколькими сосудами, а сверху насыпали небольшой холм из земли и камней и втыкали весло. Над могилой предводителя холм делали выше, основание обкладывали большими камнями, а наверху ставили надгробную плиту. Грядущие поколения смогут отыскать на равнине возле Трои могилы Патрокла, Ахилла и Аякса. Те, кто выжил, естественно, делили между собой имущество покойного. Дележ происходил по жребию, в спортивных соревнованиях или по решению вождя. Хорошо известно, что вопрос о разделе наследства фессалийца Амаринка в Бавпрасионе (Элида) и Эдипа в Фивах решался на погребальных играх. Для них освобождали обширное пространство и заключали перемирие с противником. В ту эпоху уже были известны обмены и выкупы. Помимо всего прочего регулярная война предполагала возможность договоров, которые честно соблюдались и заключались по определенному ритуалу. Так что заканчивалась война, как и начиналась, — священнодействием.

Герои и вольные отряды

У тех, кого древние называли героями или «чемпионами», все было иначе с вооружением, экипировкой, военной присягой и манерой сражаться. Кроме солдат пехоты, колесничих, пикейщиков и лучников, которых призывали и объединяли в армию в зависимости от временных нужд монархии, всегда существовали люди, превратившие войну в постоян-

ное занятие и дело личной чести. С одной стороны — порядок, управление и сражения по правилам. С другой — изобретательность, инициатива, умение приспособливаться к условиям. Мифы разных индоевропейских народов постоянно демонстрируют эту двойственность военных функций. Отражая ритуалы и обычаи общества, они противопоставляют, например, Индру и Рудру, Арджуну и Бхиму — в Индии, Одина и Тора — у германцев, Тараниса и Огмия — в Галлии, Конхобара и Кухулина — в Ольстере, Марса и Геркулеса — в Древнем Риме. Соответственно, противопоставляются и их спутники. Все происходит так, будто существовало два способа вести вооруженную борьбу: массовое ополчение нации и партизанщина, и два типа предводителей: один — организатор армии, другой — главарь шайки. Эта антитеза возможна еще и в наши дни — между кадровым военным и главарем шайки, регулярным войском и вольным отрядом, армейским подразделением и бандой или, в более символическом виде, между жесткой структурой и структурой гибкой, подвижной, преследующей собственные интересы и способной пойти на любые новшества. Здесь цель не в служении кому-то или чему-то, а в том, чтобы послужить себе самому. Микенская Греция, возглавляемая аристократией воинов и скотоводов, не избежала практики, распространенной по всей Европе: регулярному войску, *lawos*, подчиненному либо царю, *wanax*, либо герцогу, *lawage-tas*, она порой предпочитала «сеньора от войны», *beros*, и его компанию авантюристов.

Раса Героев

В «Трудах и днях», поэме, написанной в VII веке до н. э., Гесиод рассматривает пять человеческих рас, созданных бессмертными богами одна за другой: золотую, серебряную, медную, расу Героев и железную. Смена их показывала постоянное убывание жизненных сил и благополучия человеческого рода. Поэт называет этих сменявших друг друга созданий Гениями,

Блаженными, Гигантами, Героями или Полубогами, и Смертными. Наши современные структуралисты пожелали выделить в III и IV расах различные типы воинов: один — ужасный и яростный, другой — умеренный и благочестивый, причем оба — воплощение хороших и дурных поступков, приписываемых богу Аресу и богине Афине. Но поэт, набрасывая историю человечества, помещает «героев» Троянской войны и фиванского цикла между медным и железным веками просто потому, что у него есть чувство истории. В то время как строители циклопических укреплений, жившие в середине II тысячелетия до н. э., остались анонимными, имена их преемников до нас дошли. Автор «Трудов и дней» знал, что воители всегда и всюду — буйные безумцы, но он также полагал, что в конце медного века появились индивидуумы и характеры, достойные воспевания.

В том-то все и дело! Как создать себе имя в таком строго иерархическом, функциональном обществе, каким были Фивы или Пилос в XIII веке до Рождества Христова? Как это сделать, не пытаясь выскользнуть из жестких рамок военной и гражданской организации, не став человеком необычным, «сеньором от войны», своего рода полубогом? Герои вроде Геракла, Беллерофонта, Эдипа или Тесея предпочитали победам «плюмажа и доспеха» официальной знати победу гения, физической силы, выносливости. Народ, в свою очередь, с легкостью отворачивался от баронов и чиновников, доверяясь тому, кто сумел привлечь его отвагой и успехами, — «чемпиону», *protos*, которого его воображение тут же наделяло всеми мыслимыми и немыслимыми добродетелями.

Вербовка

Удивительный мирок: герои, которых я только что упомянул, и многие другие, о ком речь еще впереди, до странности похожи на главарей банд, ватаг, шаек разбойников с большой дороги и кондотьеров, промышлявших в разных государствах Европы в конце

Средневековья. В самой Греции времен владычества оттоманской империи их знали как *клефтов* и *арматолов*.

На четверть солдаты, на три четверти — бандиты, пираты и авантюристы, по большей части это были бедные аристократы, младшие или незаконнорожденные сыновья, но иногда «героями» становились и свободные молодые граждане, которые, совершив преступление, не могли оставаться в родных местах и бежали куда глаза глядят. У них не было ни домашнего очага, ни родины. К компании присоединялись вечные бродяги и кочевники — козопасы или волопасы. Таких волонтеров охотно принимали за их силу, выносливость и бесстрашие. Родившись во времена перенаселенности, в тех краях, где все земли и занятия уже поделены, они не могли найти работу и не желали пропадать. В архивах Пилоса мелькают намеки на безработицу или по крайней мере переизбыток рабочей силы. Некоторые воины, демобилизованные после долгого похода или затяжной экспедиции, теряли средства к существованию, а с ними — всякий смысл жизни. Лесные заросли давали им относительную свободу, предоставляя возможность действовать, и возвращали чувство собственного достоинства.

Как становились героями

Если благородным, с точки зрения ахейцев, человек считался по рождению, благодаря связям и богатству, то герой должен был заявить о себе. Будучи темного происхождения, «чужаком и незнакомцем», он, как Тесей в Афины, приходил неизвестно откуда — из Трезены, Марафона или Эретрии. Вспомним Эдипа, «паренька с распухшими ногами» (от недоедания?), ребенка, брошенного в горах Киферона и случайно найденного пастухом. У такого человека было три способа заставить всех забыть, что он пария, бездомный и безродный отщепенец, если бы ему однажды пришлось вступить в регулярную армию или в ряды воинственной молодежи, проходящей обряды ини-

циации. Эти три способа были неизменными во все времена: выдающийся успех на охоте (в том числе — на человека); совершение подвига в доказательство своей изобретательности и силы; некий отличительный знак. Кроме этого следовало еще убить многих противников. Успех превращал изгоя в Господина, Повелителя, Владыку, словом, в Героя. А будущее заботливо рисовало его противников чудовищами, нечестивцами, преступниками. Так, Алкид, или Алкей, «Силач», дитя адюльтера царицы (?) Тиринфа или Фив, не был признан Амфитрионом, чьим настоящим сыном являлся Ификл. Легенда повествует, будто ребенок, оправдывая свое существование, еще в колыбели задушил гигантских змей, потом убил своего наставника, а в 18 лет — первого льва. После избиения сынов Мегары он добился известности в Беотии. Тогда герой и получил прозвище, заменившее впоследствии имя: Алкид стал Гераклом, то есть «приносящим славу своей владычице», служителем божественной госпожи — Геры. Из века в век менялось число его трудов, или подвигов, заключавшихся в победах над животными — символами различных царей Пелопоннеса: то он делал набеги с целью захвата чужих стад (лошадей, быков или свиней), то совершал охотничьи подвиги. И, естественно, Лернейская гидра, Немейский лев, трехглавый Герион или каннибал Диомед со временем превратились в настоящих монстров.

Охота

Охота поддерживала престиж героя, возможно, больше, чем поединки периода инициации или успешные засады. Можно разыгрывать мелкие войны в «лесных школах» или весело нападать на чучело с тремя головами и соломенным туловищем, но с диким быком, готовым подцепить тебя на рога, с волком, львицей или медведицей, охраняющими своих малышей, шутки плохи. Тут необходимо продемонстрировать присутствие духа, мужество, ловкость. Столь же опасная, как и война, охота была намного

нужнее, поскольку давала людям пищу и помогала защищать стада. Отсюда все охоты микенской эпохи, восславленные сказителями и бесконечно воспроизводимые на вазах, оружии, драгоценностях, погребальных стелах и в настенной росписи.

Античная Греция — по преимуществу страна лесов, густых зарослей, огромных пространств, покрытых кустарником. Горы с их ущельями, скалами, пропастями, пещерами являли собой громадные охотничьи угодья, где во времена менее плотной населенности вольготно плодилось дикое зверье. Любой свободный гражданин имел право охотиться там без каких-либо ограничений, кроме тех, что налагали священные места. Каждый пастух обязан был обладать соответствующими навыками, иначе он не сумел бы справиться с хищниками, днем и ночью угрожавшими его стаду. «Илиада» пестрит сравнениями с повадками диких зверей, значит, и во времена Гомера львы, пантеры, рыси представляли собой реальную опасность от гор Македонии и до гор Трои. По склонам Парнаса, Аракинфа, Тайгета и Эриманфа бродили стада кабанов, порой весьма внушительные. Они спускались со склонов в долины разорять узкие полоски возделанной земли. Как не вспомнить знаменитую схватку в этолийской Каледоне, где «вепрь белоклыкий» мучил всю округу: «Страшный он вред наносил, на Инея сады набега: купы высоких деревьев опрокинул одно на другое, вместе с корнями, вместе с блистательным яблоков цветом. Зверя убил наконец Инеид Мелеагр нестрашимый, вызвав кругом из градов звероловцев с сердитыми псами» («Илиада», IX, 539—545). А чтобы украсить клыками шлем вроде Одиссея, пришлось уложить штук сорок кабанов («Илиада», X, 261—264). Ради защиты полей, а в равной степени — из-за потребности в свежем мясе и из любви к спорту охотились на оленя, косулю, горного барана, козла и зайца. Изображения на различных памятниках, равно как и архаичный словарь псовой охоты, позволяют думать, что в конце II тысячелетия уже использовались способы псовой охоты, принятые в классическую эпоху. Больше всего цени-

лись и считались достойными героя преследование крупной дичи на боевой колеснице и поражение ее копьем или рогатиной, а также поражение с близкого расстояния стрелой или короткой пикой на ремне. Кроме того, животных загоняли в сети, тенета и западни, что предполагало участие нескольких помощников и массовую бойню в финале или поимку зверя живьем. В последнем случае и трофей, и лавры принадлежали охотнику, возглавлявшему ловлю.

Легендарный Черный Охотник, Меланион — супруг Аталанты, принципиально не использовал боевого оружия. В одиночку он бродил ночью по горам, добираясь до самых границ. Меланион пускал в ход примитивные орудия вроде камня, дубины, топора с двойным лезвием, пращи и бумеранга. Основным его преимуществом была хитрость. Охотник прятался или переодевался, подражал призывным крикам зверей, обманывал других ловцов, расставлял ловушки и западни. В общем, он пускался на всяческие уловки, которые несколько веков спустя Платон клеймил как недостойные честного солдата регулярных войск, гоплита.

Случалось, будущий герой брал на охоту собак. Некоторые из них прославлены в эпосе: Лайлап, борзая Миноса и Прокриды, Аргус — пес Одиссея. Пожалуй, мы можем назвать четыре породы охотничьих собак той эпохи: крупные ищейки, псы вроде африканской борзой, легавые и, наконец, коротконогая собака с «львиной» мордой, отдаленно напоминающая бульдога. Между молоссами Эпира и гончими разница была невелика, ибо пастухи повсеместно натаскивали стражей своих стад так, чтобы они могли охотиться.

Подвиги и индивидуальные черты

С собакой или без нее, вооруженный или безоружный, микенский герой, подобно европейским братьям, Горациям и Кухулинам, в любом случае должен был отличиться подвигом, совершенным в одиночку.

Потом он избирал для себя какое-нибудь диковинное оружие (вспомним дубину Геракла или двойной топор Тесея) и столь же особенную одежду или обувь. Кто не слышал о львиной шкуре сына Алкмены, шлеме и котомке Персея, шкуре пантеры и единственной сандалиии Ясона? Или, как многие кельтские герои, он корчил устрашающую гримасу, для того чтобы один глаз казался непомерно огромным, а то рисовал или делал на лбу татуировку в виде третьего глаза. Многие персонажи мифов носят имя Триоп («Трехглазый»), как и вполне реальный воин, упомянутый на кносских табличках. А у циклопов, «спесивых воителей, постоянно грабивших феаков» так, что в один прекрасный день тем пришлось эмигрировать, имелся всего один глаз. И невольно начинаешь подозревать, что шрам на ноге Одиссея был не столько следом кабаньего клыка, сколько символом, опознавательным знаком. Любители эпоса всегда питали слабость к одноглазым вождям — от Филиппа II Македонского до Моше Даяна, — иссеченным шрамами, изрезанным и зашитым, но гордым своими славными ранами не меньше, чем физической силой. «Великий подвиг» иногда может и позабавить. Так, 18-летний Геракл, устав гоняться за Киферонским львом, не заметив того и полагая, будто имеет дело всего с одной девушкой, разделил ложе с 50 дочерьми царя Феспия. По крайней мере, так гласит легенда. Впрочем, Гераклу во всем приписывается необычный аппетит.

Из своего рода пред-«Илиады», которую составляют рассказы воинов-ветеранов — Нестора, Феникса или Тидея, мы видим, как начиналась карьера героя. Эти истории выглядят серьезнее и правдоподобнее других. У осажденной Файи пилияне и аркадяне договорились, что их спор решат два лучших воина, и это, как во многих иных случаях, сбережет немало человеческих жизней. Поединок, даже если он рискует вызвать череду новых, напоминает спектакль, игру, божий суд, и он куда экономичнее массовой бойни. Эрефвалион, высоченный вассал царя Ликурга, облачился в бронзовые доспехи и размахивал железной палицей, «выкрикивал всех он храбрейших;

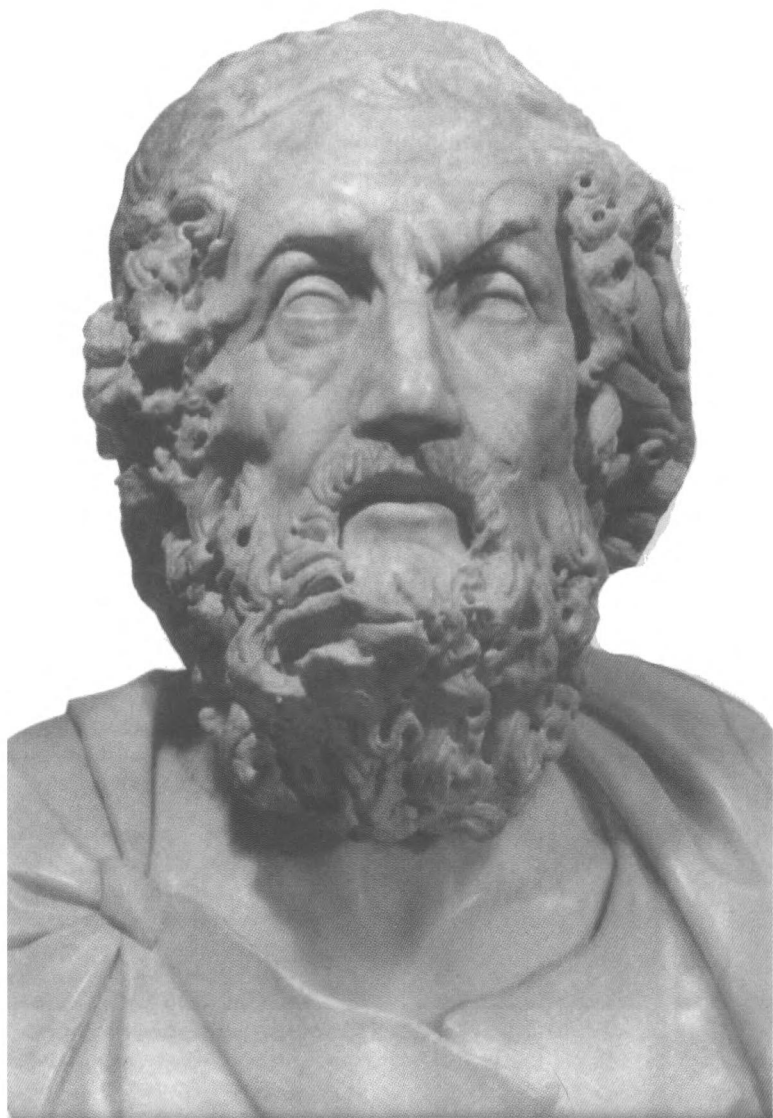
все трепетали, страшились, никто не отважился выйти. Вспыхнуло сердце во мне, на свою уповая отвагу, с гордым сразиться, хотя между сверстников был я и младшим. Я с ним сразился — и мне торжество даровала Афина! Большого всех и сильнейшего всех я убил человека! В прахе лежал он, огромный, сюда и туда распростертый. Если бы так я был млад и не чувствовал немощи в силах...» — рассказывал старец Нестор («Илиада», VII, 150—157). Разница в возрасте, росте, вооружении, опыте увеличивала заслуги победителя, способного, впрочем, на международных соревнованиях по кулачному бою, борьбе, бегу, метанию одолеть любого соперника («Илиада», XXIII, 629—645).

Во время другого конфликта царь Нелей не разрешил Нестору участвовать в сражении: «Мне запретил ополчаться и скрыл от меня колесницу, мысля, что я еще млад и неопытен в подвигах ратных. Я же и так между конников наших славой покрылся, пеший...» («Илиада», XI, 718—721). И действительно, в самом начале битвы Нестору, хоть он и оказался среди пехоты, удалось убить возничего летевшей на него во весь опор колесницы и захватить ее вместе с упряжкой. И в стане врага началось повальное бегство, поскольку убитый воин оказался не только зятем царя, но и предводителем кавалерии противника.

Мелеагр в Этолии отличился, убив чудовищного Каледонийского вепря. Охотники передрались за право взять в качестве трофея отрезанную голову и покрытое щетиной тело зверя. Мелеагр, перебив своих дядюшек, вручил трофеем Аталанте, охотнице, которой восхищался. Герой обязан быть спортивным, непреклонным и щедрым. Еще один этолиец, Тидей, плод тайной и незаконной любви, вырос среди пастухов. Достигнув зрелости, он убил близкого родича или, если следовать более трагической версии, — восьмерых сыновей царя Меласа. Тидей ушел в добровольное изгнание, какое-то время скитался, а потом нашел приют у Адраста, царя Аргоса. Будучи послан в Фивы, юноша явился во дворец местного владыки Этеокла: «Там, невзирая, что странник, Тидей, конеборец могучий, в страх не пришел, находясь

Древняя земля Трои. Современное фото.

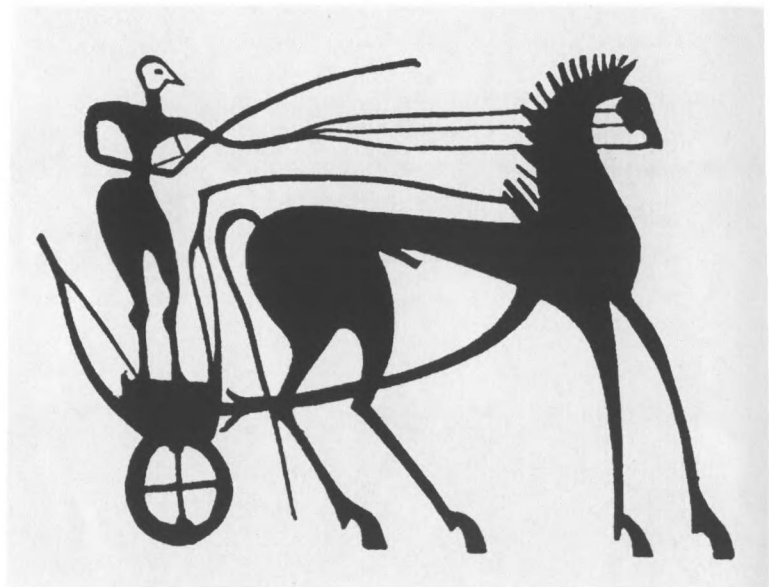
Гомер. Римская копия с греческой скульптуры.

Христиан Ван Бален Старший. Суд Париса. Фрагмент.

Гэвин Гамильтон. Похищение Елены. Фрагмент.

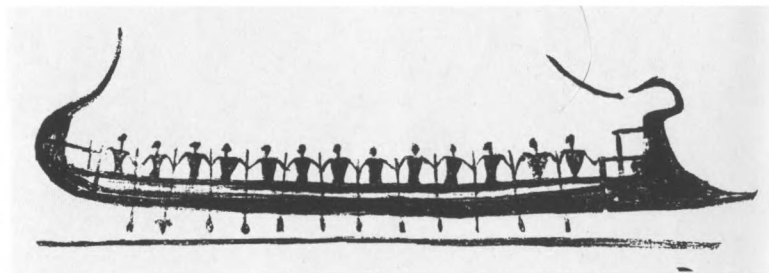

Греческая колесница.
Рисунок с греческой вазы.
X в. до н. э.

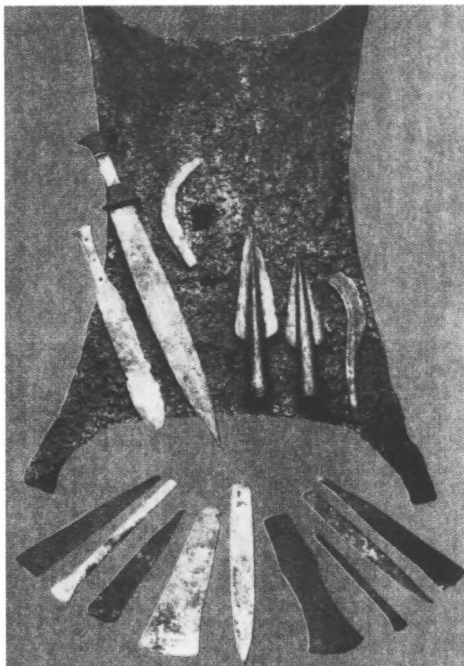
Шлем греческого воина.

Корабль.
Рисунок с греческой вазы.
VIII в. до н. э.

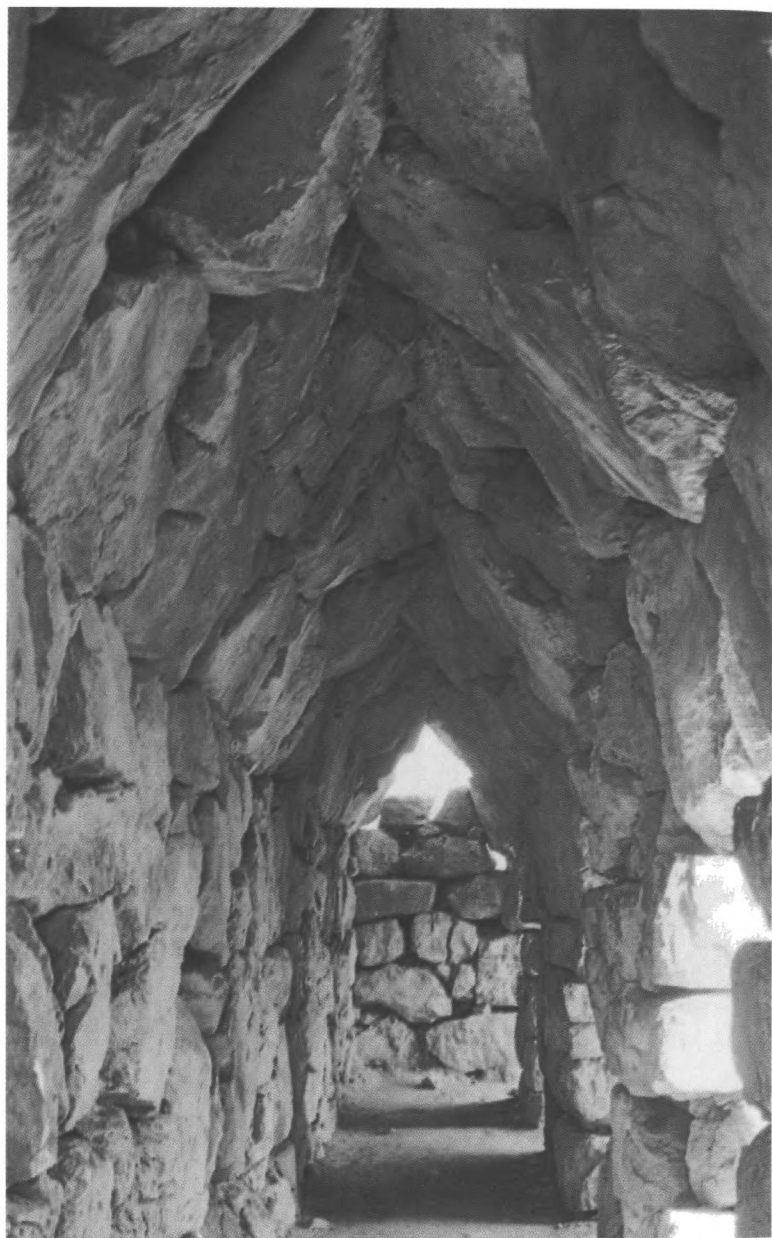

Крепость в Трое VI.
Восточная стена.

Четырехугольный
медный слиток, оружие
и орудия труда эпохи
Троянской войны.

Сводчатый коридор внутри дворцовой стены в Тиринфе.
XIV — XIII вв. до. н. э.

Раскопки тронного зала дворца в Пиасе.

Реконструкция дворцовой залы XIII в. до н. э. Акварель Пита де Ионга.

Зевс посылает обманчивый сон Агамемнону.
Иллюстрация к «Илиаде». 1614 г.

Ш. Марилье.
Поединок Париса и Менелая.
1786 г.

Ш. Марилье.
Троянцы атакуют греческий лагерь.
1786 г.

Бой за тело Патрокла. *Иллюстрация к «Илиаде». 1614 г.*

Ш. Мариье.

Греки отражают атаку троянцев
на корабли. 1786 г.

Ш. Мариье.

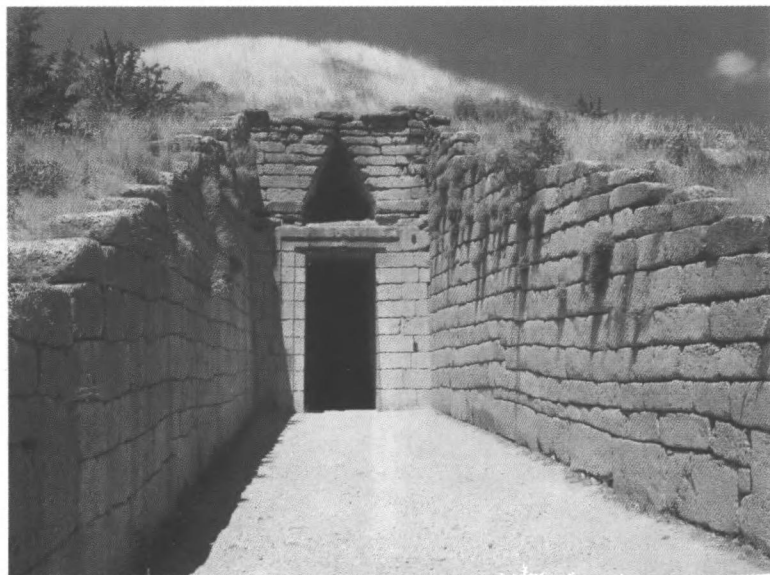
Ахиллес привязывает тело Гектора
к своей колеснице. 1786 г.

Толосовая гробница в Микенах (Сокровищница Атрея). XIII в. до н. э.

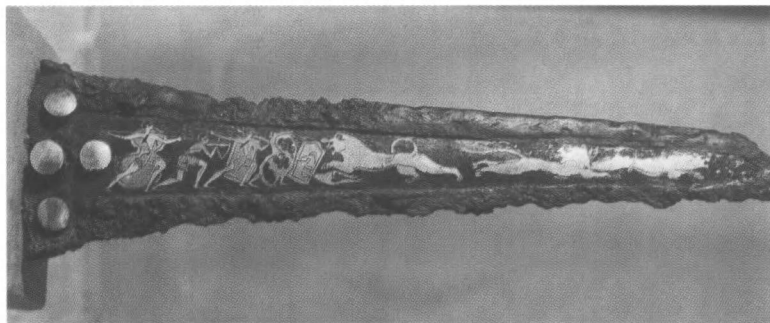
Дверной проем, ведущий в Сокровищницу Атрея.

Шлем, бронзовые
доспехи знатного воина
времен Троянской
войны
и легковооруженные
копьеносцы
(изображение
на античной вазе).

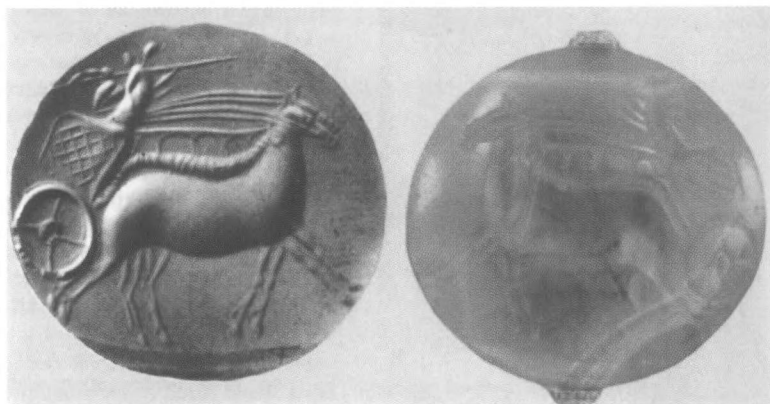
Микенский
бронзовый клинок.

Голова
животного
из Агна
Триады.
1400 — 1200
гг. до н. э.

Микенская
каменная
печатка
и ее оттиск
(слева)

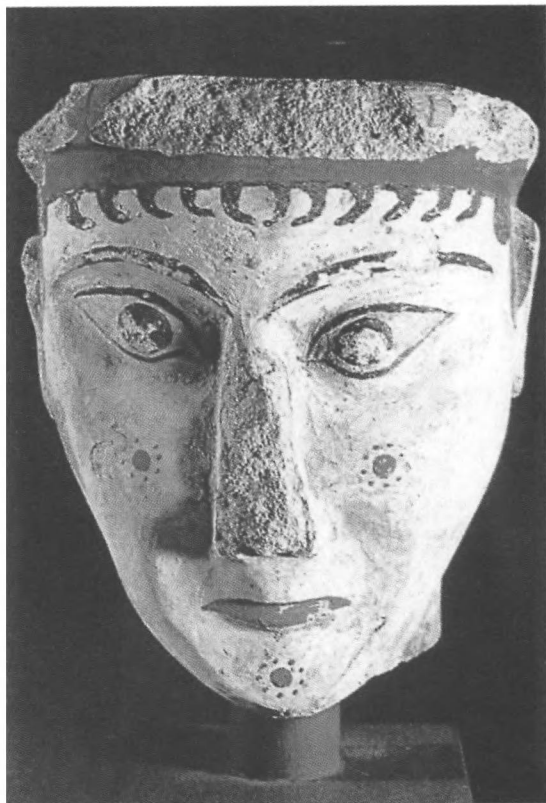
Статуэтка богини из Карфы.
1200 — 1000 гг. до н. э.

Ритон из Карфы.
XII — XI вв. до н. э.

Эфес микенского парадного меча.

Женская
гипсовая голова
из развалин
дома в Микенах.

Фрагмент
орнамента
с амфоры
из Дипилона
(погребальный
обряд).

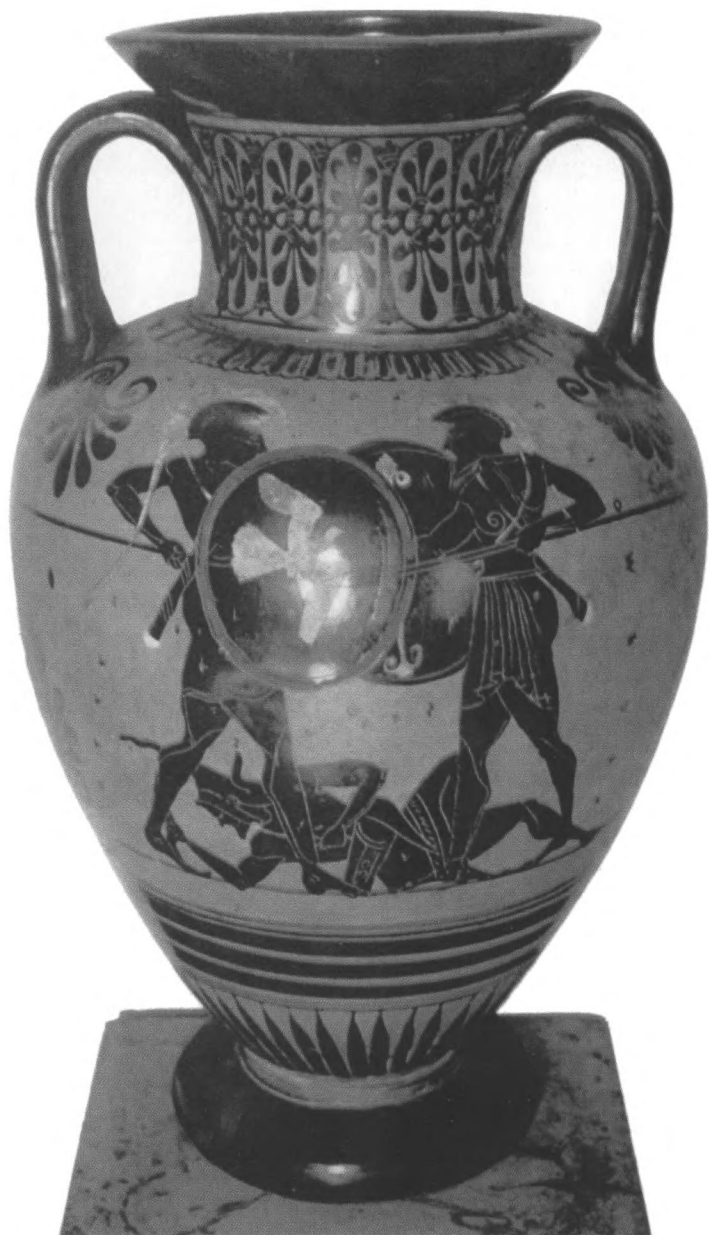

Стены и башни Трои.
Современное фото.

Ахилл,
убивающий
Пентесилею.
*Роспись килика.
Деталь.*

Аттическая чернофигурная амфора, украшенная сценой из Троянской войны (поединок Диомеда с Гектором). Греция. VI в. до н. э.

один среди многих кадмеян: к подвигам их вызвал и на каждом легко сопротивных всех победил: таково подобрала Тидею Афина. Злобой к нему воспылали кадмейцы, гонители коней, и, на идущего вспясть, пятьдесят молодых ратоборцев выслали тайно в за-саду; и два их вождя предводили: Меон младый, Гемонид, обитателям неба подобный, и Автонов сын, Ликифон, ненасытимый боем. Но Тидей и для них жестокий конец уготовил: всех поразил их и дал лишь единому в дом возвратиться» («Илиада», IV, 387—397). Автор этой мини-эпопеи сознательно игнорирует ужасающую жестокость, с которой Тидей крушил противника. Он подчеркивает лишь основные черты, отличающие героя от обычного воина: он создает себя сам и вопреки окружению сражается с более сильным врагом, смеется над испытанными приемами и военными хитростями, но рыцарствен и не лишен чувства юмора.

Главари банд

Не надо думать, будто все эти персонажи — порождение невежества и кошмарных снов. В их возвышении было нечто весьма сходное с тем, как выдвинулись многие разбойничьи атаманы на средневековом Западе. Не знай мы, что Бертран Дюгесклен или, к примеру, Глэй-Эквин, по дивной формулировке Р. Версея, были «генералиссимусами всех бандитов Франции и Наварры», мы, пожалуй, сочли бы их плодом воображения поэтов и романистов XIV века. Народы Европы задолго до Робин Гуда породили и восславили бродячих рыцарей, мстителей, поборников справедливости или просто честолюбцев.

Вокруг микенского героя, предводителя, словно нарочно созданного для приключенческих рассказов, сплачивалась небольшая компания искателей фортуны, а иногда он и сам подбирал себе спутников. В пограничных районах, где все они сначала прятались от правосудия, эти люди совершали различные преступления. Они грабили и требовали вы-

купа за пленников, словом, вели войну по своему усмотрению. Никакой стратегии у разбойников не было, а тактика ограничивалась засадами, ловушками, налетом и поспешным отступлением. В случае победы слава банды росла. Если же все заканчивалось провалом, главаря и его подручных называли так, как они того заслуживали, — грабителями. Успех привлекал к атаману новых сторонников со всей Греции и даже из Малой Азии. Любая крупная банда, желавшая обеспечить себе независимость, в конце XIII века должна была организоваться по образцу регулярной армии — не только ввести строгую иерархию и дисциплину, но, главное, обзавестись интендантством, транспортом, группой прорицателей и целителей, певцов и торговцев. Среди семерых вождей, объединившихся против Фив, были потомственный прорицатель Амфиарай и «мастер огня» Канапей.

Но процветание разбойничьей шайки порождало и возникновение соперничающих банд. Начинались стычки. На всем долгом пути из Трезены в Элевсину юному Тесею не раз пришлось меряться силой с разбойниками. Одни терзали странников — разрывали их на части или сбрасывали со скалы, другие ограничивались грабежом. Садизм некоторых атаманов сродни садизму эпических поэтов.

Партизаны

Регулярные войска (назовем их полицией) были почти бессильны против партизан, живущих в лесах. Даже наиболее мощные и хорошо организованные государства не могли придумать ничего лучше, кроме как попытаться запереть их в горах или взять на службу, то есть сделать наемниками, предоставив наделы обрабатываемой земли и привилегии, а в крайнем случае — отправить за границу. Мессению на протяжении всего XIII века терзали и обирали банды, пока не был сожжен ее последний дворец. Письменное доказательство тому есть на табличках из малых и крупных поселений. Официально около

1220 года таковых насчитывалось 16: 9 — во Внутренней провинции, до склонов горы Эгола, 7 — во Внешней провинции, или Загорье. Правда, список привычных названий, упоминаемых в нескольких документах, невелик. В других документах значатся названия малоизвестные и неизвестные вовсе. Изменения главным образом затрагивали Внешнюю провинцию, долину Памиса и склоны Тайгета. Сведения, касающиеся сбора налога на золото (*РУ, Jo 438*), довольно запутанные: Лавратия и Замевия, земли, переданные во временное пользование, уступают Итере-ве или Атеревии (владения Атрея?) и Тинвазии. Вдобавок создается впечатление, что гарнизонами командовали по несколько кураторов одновременно.

Когда эпопея сообщает нам, что «Его Могущество» Геракл (типичный главарь банды) жестоко теснил элейцев, а его присные или потомки, Гераклиды, в конце концов изгнали ахейцев со своих земель, это не просто легенда. Наиболее вероятное объяснение конфликта — своего рода гражданская война, вспыхнувшая на закате микенской цивилизации. Таблички из Пилоса показывают, насколько беззащитными чувствовали себя мелкие государства Пелопоннеса при подобных соседях. В борьбе регулярных войск и партизан последнее слово оставалось за вторыми. Если использовать спортивные термины, то можно сказать, что любители одолели профессионалов.

Геракл со товарищи обосновывается то в Фивах, то в Элиде, то в Пилосе, поступает на службу к разным монархам, «женится» на Деянире, дочери царя Калидона, грабит окрестности Дельф, становится наемником в Азии (отсюда — все легенды, связанные с первой Троянской войной, битвой с амазонками и рабством у Омфалы). Закончил герой самым жалким образом — погиб в мелкой стычке с другими разбойниками на границах Дориды, к западу от Фермопил. Враги — партизаны или ратники царей Фракии и Эхалии, окружили массив Эты, где укрывался Геракл, и подожгли заросли. Потом замечательный погребальный костер на горе Эта восславят как апофеоз героя. После смерти Геракла остались разрозненные

отряды, рассчитывавшие на минутную оплошность, слабость и отсутствие микенских царьков, чтобы вторгнуться на их земли, спалить деревни, угнать скот, а если повезет — занять их крепости.

О пользе героев

Приблизительно то же можно сказать и о великих завоевателях — Персее, Беллерофонте, Ясоне и Тесее, коих легенда посылает служить в далекие земли, обычно — в Азию. И впрямь, почему бы не сдать внаем мечи, луки и прочее оружие? Не зря ведь хеттский царь пенял владыке «ахиявов» на главарей банд, явившихся в его страну искать убежища. История явно подтверждает сведения эпоса. При таком положении дел понятно, что наемничество немногочисленных ахейских «героев», сражавшихся на стороне тех или иных царьков Мизии, Лидии, Карию или Ликии, приносило Греции куда больше выгод, чем неудобств. Они везли домой то, в чем государство более всего нуждалось: золото, драгоценности, специи, благовония, предметы роскоши, а заодно прихватывали с собой умелых ремесленников, жрецов, музыкантов, писцов. Те, кто в юности были всего-навсего разбойниками и бандитами, сколотив состояние, превращались в образец для подражания и добрых гениев Отечества. Поэты у лагерных костров славили победы и подвиги великих героев прошлого.

Я долго общался с пастухами Балкан и Крита, а потому с полным основанием могу заявить, что эпическая поэзия родилась не в салоне или уединенных покоях микенского дворца, но в горах, у источников, где утоляли жажду герои древности и их молодцы. Еще в 1958 году я слышал, как в горах Арголиды простой народ чествует Геракла. Это был уже не грабитель и полужверь, то есть лицо историческое, а, как во времена великих трагических поэтов — храбрец, поборник справедливости, на которого угнетенный народ возлагает все надежды. В общем, герой-цивилизатор, полубог, сражавшийся с самим Аресом, богом войны.

В этом и заключался парадокс разлагающей активности, каковой явилась война для микенского мира в период его расцвета: давая волю самому яростному индивидуализму, вплоть до разрушения структур цивилизации, она больше сделала для развития отношений между людьми, и в конечном счете — гуманизма, чем все политические, экономические и общественные установления того времени. Родившись из охоты и игры, война превратилась в особого рода культуру и спорт. Мы обязаны этому миру бойцов, солдат и воинов, регулярных ратников и партизан победами духовного порядка, надгробными панегириками, легшими в основу грандиозных спортивных состязаний. Плодородны могилы великих мертвецов! В Фивах вокруг гробницы Эдипа, авантюриста, ставшего царем и погибшего от удара копья («Илиада», XXIII, 678—680), собирались плакальщицы и жрецы, совершавшие жертвоприношения, и старая царица, которая могла бы быть его матерью, и сыновья, готовые вцепиться друг другу в глотку. Вот умолкают последние взывания, последние крики и вопли скорби, и тогда кто-то, певец и прорицатель (почему даже не слепец Тиресий?), заводит песнь, величая победы усопшего героя. Каждый год воины будут приходить на его могилу, дабы заклать жертвы или сделать возлияния, и уже другие певцы подхватят и расцветят первоначально горестную песнь. Они сделают из Эдипа великого отшельника гор Фокиды и Беотии, страдальца, мудреца, мученика за правое дело, полубога. Эти бесконечно повторяемые жалобные песни породят часть фиванского эпического цикла — «Эдиподию» и станут источником бесчисленных трагических сюжетов. Аналогичным образом Геродот («История», V, 67) показывает нам, каким поклонением древние обитатели Сикиона окружали героя Адраста, предводителя экспедиции Семерых против Фив: «Среди иных воздаваемых ему почестей, трагические хоры пели о его несчастной судьбе. Дионису почестей не воздавали. Все они предназначались Адрасту». К трагическим хорам гений греков присовокупит диалог — и родится трагедия.

Официально греки исчисляли свою историю с первого года первой Олимпиады, то есть — с 776 года до н. э. Но все они знали, что по меньшей мере за 500 лет до этой даты на Пелопоннесе устраивались состязания на колесницах и единоборства либо Пелопсом, сыном Тантала, либо Гераклом. Эти соревнования считались не менее престижными, чем погребальные игры, посвященные памяти Эномая, царя Элиды, убитого Пелопсом. Археология подтверждает не только существование святилища и поселения в Олимпии в середине бронзового века, но и обычай устраивать конные соревнования в честь того или иного знаменитого усопшего, распространенный задолго до 1000 года до н. э. Автор уже цитированной XXIII Песни «Илиады» рассказывает, что похороны Эдипа сопровождалась играми и, в частности, состязаниями кулачных бойцов. То был наилучший способ разделить имущество покойного, избежав братоубийственных стычек и несправедливостей жеребьевки, более того, лучший вариант «божьего суда», ибо он заставлял наследников соревноваться друг с другом: «И пусть достойнейший из вас победит!» Похоронные игры — это сражение, которое заканчивается во благо и благом оборачивается. Благодаря им война завершилась лучше, чем начиналась. Здесь сражались не для того, чтобы убить, а чтобы получить удовольствие, расслабиться и забыть о возможности собственной гибели. Наконец, соревнования противников, демонстрация силы, ловкости, хитрости и энергии — это также почести, воздаваемые ушедшему. Именно они могли укрепить его дух в потустороннем мире, где вечно трепещут бесплотные и печальные тени.

Нам уже чужда такая цель спортивных состязаний, но признаем хотя бы, что некогда спорт обладал иным благородством, иным величием, нежели у нас, и что, если микенцы слишком часто убивали друг друга, греки сумели извлечь из их опыта нечто мудрое. Геракл, ставший покровителем гимнастических залов и стадионов, составляет в истории пару Орфею, прародителю и идеалу всех эпических поэтов.

ЛЮДИ ЗЕМЛИ

Духовенство существует, чтобы молиться, аристократия — для сражений, а земледельцы — чтобы кормить их всех. Так думали в Средние века и так частенько продолжают представлять себе микенское общество. Удивительная наивность! Если считать земледельцем того, кто живет на земле города и возделывает ее, то в этом так называемом третьем сословии окажется больше делений и градаций, чем мы видели в двух других. И потом, не следует забывать о ремесленниках, живущих то в городе, то в деревне. А кое-кто из ремесленников и садовников вообще пределов города никогда не покидал. Кроме того, были еще моряки. И возможность сменить профессию. Осенью пастух становился поденщиком, а поденщик, коли надо, брался за копье или весло и превращался в солдата, морехода или торговца. Греки не отличались большой оседлостью, особенно на островах, бесплодная или разоряемая наводнениями земля то и дело изгоняла своих детей. Достаточно просто взглянуть, как жители горных и равнинных земель строят дома, по меньшей мере пяти разных типов, и мы сразу уловим в них застарелый средиземноморский индивидуализм.

Дома из кирпичи-сырца

Каждый человек тех времен, независимо от того, был он богат или беден, подобно Одиссею, был сам себе зодчий. На равнине, точнее, в предгорьях, на невы-

соких склонах, решив обустроиться или расширить отцовский дом, он деревянной мотыгой выворачивал громадные пласты желтой, красной или коричневой глинистой почвы. На некоторое время оставлял их сохнуть, потом дробил, размельчал, очищал от камешков и корней, а когда вся масса становилась чистой, добавлял немного рубленой соломы или водорослей.

Намоченную водой, размятую ногами, а потом растертую на круглом току массу закладывали в емкости от 25 до 50 сантиметров длиной и от 18 до 35 шириной между двумя планками, высотой по 8—10 сантиметров. Из этих форм получались длинные плоские кирпичи. На много дней их оставляли сушиться на знойном летнем солнце. Хозяин, став на время каменщиком, распределял их по каменному фундаменту, не пользуясь ни отвесами, ни другими приспособлениями, кроме собственного глазомера, и доводил кладку до 2—2,2 метров в высоту. Таким образом он выстраивал четыре стены периметром около 20 метров, не забыв оставить проем для будущей двери и небольшое отверстие для окна. Если между кирпичами оставались щели, хозяин замазывал их глиной. На зубцы последнего слоя кирпичей, на небольшие выступы, укладывали балки. Оставалось покрыть поперечные бревна плетенкой из веток и двумя слоями непромокаемой глины, и плоская крыша была готова.

В северных районах, более подверженных дождям и снегопадам, строитель покрывал двускатную крышу соломой или тростником. Но и на севере и на юге, в крыше вдоль стены делали четырехугольное отверстие для дымохода, а сверху увенчивали его высокой трубой без заслонки. Обычно, хотя и далеко не всегда, тяжелую крышу поддерживали один-два столба на каменном цоколе. Такой дом мог простоять, по крайней мере, на протяжении жизни одного поколения, если не случалось пожара или наводнения; порой он стоял и более ста лет. Случалось, вор бесшумно прорезал отверстие в глиняной стене. Поэтому в некоторых районах стены укрепляли деревянным каркасом. Этот прием называется техникой армированного кирпича. Дверные косяки, притоло-

ка, сама дверь и щеколда, а также оконные рамы делались из распиленного и очищенного от коры дерева. И пусть никто и не думает утверждать, будто мне это приснилось! Такой тип конструкции, чьи следы археологи находят в Фессалии, Арголиде и на островах еще с эпохи неолита, процветает и сегодня.

Глинобитные дома

Порой строитель делал стены дома из глины, то есть заполнял влажной, размятой и хорошо промешанной массой два ряда деревянных планок, которые снимал по мере ее высыхания. Для того чтобы сделать конструкцию надежнее и прочнее, он добавлял в массу осколки глиняной посуды, другой утвари того же материала и даже глиняные фигурки. Нередко мастер налеплял глину на дранку или плетенку из тростника и ветвей, получая своего рода древний армированный «бетон». В нужных местах в стену вставляли ложные деревянные «окна», покрытые штукатуркой, раскрашенные в более или менее яркий цвет.

Такого рода хижины или бутовые лачуги бывали самых разнообразных форм: прямоугольные, круглые, овальные, но вся деревня строила одинаковые дома. Крыша следовала за контуром стен — она могла быть конической или в форме луковицы. У некоторых — два ската и щипец с аркой.

В холодных и снежных северных краях тростник и солому поддерживал деревянный свод. Эти архитектурные формы повлияли на создание сводчатых гробниц, как круглых, так и четырехугольных. По этому же образцу делались домики или глиняные хижины уменьшенных размеров, которые иногда клали в могилу вместе с покойником.

Бутовые дома

Намного остроумнее и крепче постройки, где сочетаются камень, дерево и строительный раствор. Земляная стена, даже с прямой, поперечной или пле-

тенной основой, какой бы широкой крышей ее ни покрывали и сколько бы ни обмазывали штукатуркой, все-таки подвержена воздействию ненастья. Дождь размывает и растворяет ее. Солнце покрывает трещинами. Ветер выветривает. Тяжесть крыши сплюсчивает хижину и медленно загоняет ее в землю. Вода подтачивает основание. Поэтому-то в XIII веке до н. э. распространение получила конструкция с фундаментом из естественных грубых камней, иногда их слегка обтесывали, и стенами из каменных блоков, скрепленных раствором из глинистой земли.

Археологи обычно не находят ничего, кроме прямоугольников фундамента, почти не поддающихся разрушению; это все, что осталось от домов с пристройками и множеством комнат, некогда объединенных в большие жилые блоки, отделенные друг от друга мощеными улочками.

Ученые с трудом представляют себе, какие требовались усилия, чтобы в удалении от поселения найти, выбрать, а нередко и обтесать эти камни или плиты, и, взгромоздив на спину ослика или мула, доставить на место, причем некоторые из них, например, красугольные, весили больше центнера. Такой труд предполагает участие всей семьи, друзей, соседей, четкой организации и бесконечных обсуждений. Долгими часами спорили о расположении, месте, материале и стоимости. Вызывали жреца, чтобы его молитвы и заклинания, возлияния и жертвы помогли строителям и принесли благоденствие будущему дому. Вторично служителя культа призывали после того, как в доме устанавливался очаг, ибо и ныне считается, что «когда дом готов, в него входит смерть».

В стране землетрясений и проливных дождей плоские крыши трескались и набухали от воды, обмазка облезала и отваливалась клочьями. Через несколько лет хозяин дома промазывал крышу новым слоем глины, заново белил стены, а щели заделывал битым камнем. Возводимый слой за слоем кладки и раствора, разрастающийся благодаря пристройкам и аппендиксам, постоянно обновляемый, микенский дом воспринимался, как некое живое существо. Наи-

более древние обозначающие его слова *woikos* и *domos* — одушевленные существительные мужского рода.

Упомянутые в микенских архивах строители стен, *tokodomo*, должны были одновременно владеть ремеслом *tekotone*, то есть такелажника и плотника. Так, если верить табличке *Vn 46*, для строительства квадратного одноэтажного домика в окрестностях Пилоса требовалось поставить следующие материалы: «Заказ передан Филаю из поселения (?...): 6 или 8 стоек из граба; 4 продольные балки из граба; 12 брусьев из граба; 81 дощечка; 40 стыковых планок; 23 вспомогательные планки для каркаса; 140 крепежных частей; 6 дверных косяков; 2 балки для крыши; 10 стропил; 16 поперечин из садового дерева (?); 100 планок из того же материала; 1 опорный столб из дуба; 2 продольные балки и 1 колонна». Тут еще не указаны аксессуары: 128 элементов из других видов дерева, список которых занимает еще одну табличку — *Vn 879*. Химический анализ, как и тексты, доказывает, что для плотницких работ микенцы использовали дуб, орех, оливу, все виды хвойных деревьев средиземноморского мира, кедр, тую и кипарис. Дерево, в частности, ввозили из Малой Азии и с Крита. На внутреннюю отделку, кроме того, шли местные породы дерева: крушина, тутовое дерево, смоковница, бук, кизил. Строительные леса, доски, брусья и подмости делали также из липы, бука и вяза. Для свай строители выбирали дерево, не подверженное гниению, — например, дуб или можжевельник, а для надежности вдобавок пропитывали его смолой.

Меблировка

Столь широкое использование дерева предполагает и наличие мебели. Представление о ней дают немногочисленные обломки, найденные в гробницах, кое-какие изображения, древнейшие слова эллинского языка и, наконец, упоминания в эпосе. Из дерева делали низкий столик с тремя или четырьмя

ножками, часто — складной и со съёмной столешницей, которую можно было вешать на стену. Ели ахейцы сидя, но креслом со спинкой и подлокотниками, *tronos*, располагали только цари, их приближенные или гости. Простые же смертные довольствовались деревянными скамьями вдоль стен, колодой или вообще садились на пол. Скамья, покрытая ковром, шкурой или мехом, обычно служила и постелью. Спали под льняной простыней, а в холодное время года — под одеялами ярких расцветок. Кое-где, в частности, на островах, пользовались кроватями без матраса, вместо него на раму натягивалась шкура животного или плетенка из ремней. Колыбелью служила обычная расширяющаяся кверху корзина из ивовых прутьев или дрока. Доска, подвешенная между двумя балками или прикрепленная к двум вертикальным стоякам, заменяла микенцам этажерку. Белье хранили в одном-двух деревянных ларях.

Основную часть провизии держали в огромных сосудах из обожженной глины, тщательно закупоренных и поставленных в угол комнаты или в подвал. Вся посуда, кроме ножа с бронзовым лезвием, изготавливалась из глины. Ели руками. Самые богатые или утонченные господа иногда приказывали нагреть воду в медном котле, и женщины мыли своих повелителей в огромных глиняных ваннах, *asattos*, а перед тем как одеть, умащивали душистыми маслами.

Каменные дома

Там, где камень имелся в изобилии, и позволяла традиция (особенно в горах), сельский строитель возводил из него весь дом, включая крышу. Это пастушьи жилища, этакие «шале», их очень много в массивах Пинда, в Белых горах и Ласити на Крите. Большинство их — цилиндрические, с крышей в форме довольно широкого конуса. Верх мастерства для пастуха, которому предстояло поселить там свою семью, поставить чаны, варить сыр и держать часть

скота, состоял в умении ровно и последовательно накладывать друг на друга клиновидные камни свода до самого верха или до круглого отверстия, предусмотренного для света и воздуха; оно же использовалось и как дымоход. Проблема еще больше усложнялась в том случае, если хозяин намеревался водрузить круглую крышу на квадратное основание. Однако и это ему удавалось, хотя мастер не использовал ни кусочка дерева, никаких подпорок или перекрытий, работая лишь с однородным материалом, чаще всего — с плитками из сланца. В случае необходимости он обтачивал их, ставил наискось по углам, а по кругу в верхних рядах работал медленнее, то и дело спускаясь с внутренних лесов, дабы оценить изгиб и выпуклость, вынуть и переставить слишком выступающие блоки или закрепить мелкими камешками те, что держались непрочно. Когда все фрагменты этой гигантской головоломки наконец вставали на место и последние плиты, занимающие ключевую позицию, были тщательно прилажены, оставалось покрыть внешнюю поверхность стен саманом, чтобы сделать их непроницаемыми. Вопреки распространенному мнению, здесь даже не требовалось скреплять каменные блоки раствором: современные строители Крита, чьи сыроварни надежно защищены от снега и воды, подгоняют камни всухую, без всяких «цементирующих» субстанций. И — ничего, дома стоят веками.

Скальные жилища

Дома из кирпича-сырца, глины, бута и каменных блоков не мешают нам восхищаться жилищами, выстроенными в скалах, чье происхождение теряется во тьме веков и чье применение в Греции было куда шире, чем обычно думают.

В то время как первые исчезают, рушатся, оставляя после смерти последнего обитателя горстку глины или камней, убежища в скалах, отгороженные от остального мира лишь стенкой, бросают вызов тыся-

челетиям. Бесчисленные пастухи и земледельцы жили там, подобно троглодитам или монахам-отшельникам Средневековья. И не важно, был ли пол посыпан песком или оставлен в первозданном виде, горизонтально ли шла поверхность или под уклон, главное — чтобы пещера оставалась совершенно сухой и хорошо проветривалась. Иногда в своде проделывали отверстие. А если скала оказывалась достаточно мягкой и поддавалась обработке, в ней вытачивали скамьи и дополнительные ниши. Стену, ограждавшую дом от внешнего мира, хозяин строил одинарной, прямой и ровной или — из двух стенок, оставляя один-два проема для двери или фрамуги, а потом обмазывал творение рук своих как внутри, так и снаружи саманом или известкой. Если помещение выходило слишком просторным, мастер выгораживал для жилья лишь его часть, остальное служило двором или загоном для скота. В девяти случаях из десяти перед жилищем стояла невысокая каменная ограда, увенчанная острыми осколками, — за ней хозяева держали небольшое стадо. Такая конструкция была экономичнее остальных и надежно защищена от воды и огня. Кроме того, здесь всегда сохранялась постоянная температура. Немудрено, что желающих поселиться в пещерах всегда находилось немало. Обитатели известняковых холмов и изрытых пещерами гор охотно приписывали своим божествам собственные вкусы и частенько селили их под землей. Циклопы и гневливые кентавры, обольстительные нимфы и nereиды, — идеальные существа и первопредки микенских крестьян, — по мнению последних, обитали, как и многие смертные, в обширных гротах, защищенных скалой.

Сельские поселения

Если виды сельских жилищ представляются нам весьма разнообразными, то и расположение их не менее прихотливо. В Греции, занимавшей некогда обширное географическое пространство, было не-

мало и крупных поселений, и рассеянных по холмам и долам одиноких жилищ и поселков, а там, где особенно важную роль играет море, — и прибрежных деревень. Все это можно наблюдать и теперь, скажем, на берегах Крита и Мессении.

Как правило, сельские поселения избегали пограничных зон, лесных чащ, каменистых возвышений. Вершины холмов они оставляли укрепленным городам. Крестьянин предпочитал селиться на краю долины, у подножия и на склонах гор — в любых уголках, где были источники воды для питья и орошения. Хижины, лачуги и домики вырастали вокруг водоемов спонтанно, без какого-либо предварительного плана и с единственной целью: укрыться от слишком сильных ветров и избежать одиночества. Никакого расположения по радиусам или по кругу, никакой системы. Микенцы не строили ни особых домов для юношей или женщин, ни хотя бы складов провизии, как в некоторых странах Африки. Четырехугольные домики с двускатными крышами на Севере и плоскими — на островах Юга тесно жались друг к другу по обочинам извилистых улочек, образуя лабиринты, то стремящиеся вверх-вниз, то расположенные на равнине. Поскольку у каждого очага были собственные боги-покровители и свой запас провианта, а место, предназначенное для обмена товарами, как правило, располагалось в городе, жизнь деревни не сосредоточивалась ни вокруг святилища, ни вокруг общественной площади, *agora*. Соответствующий термин, начертанный на микенских табличках, *akora*, означает лишь наиболее удобное место, куда можно согнать скот. Истинный центр сельской общины — даже не кузница, сукновальня или мастерская горшечника, если таковые имелись. Он постоянно перемещался, подобно домашним животным, бредущим по мощеным улочкам: осликам и мулам, навьюченным битком набитыми корзинами, рабочим волам, откармливаемым на мясо свиньям, бродячим собакам... Истинная душа деревни — снаружи, она следовала за стадами, которых община разводила и поручала пасти своим детям.

В том-то и заключалась оригинальность микенских сельчан. Скорее пастухи и кочевники, нежели привязанные к месту земледельцы, они отличались от своих эгейских предшественников тем, что владели табунами лошадей и стадами быков. Скотоводы эпохи неолита и начала бронзового века завезли на Балканы различные породы баранов и коз. На Пелопоннесе основным покровителем овчаров и козопасов считался Гермес. Но на протяжении второй половины III тысячелетия на травянистых равнинах Македонии и Фессалии появилось многочисленное поголовье рогатого скота. Своим первопредком и заступником эти пастухи стали называть бога-предводителя крупных стад, которого письменные источники много позже назовут Аплуном, Аpellоном и, наконец, Аполлоном. Мифология повествует о том, как младенец Гермес отправился красть коров у старшего брата Аполлона на север Греции — в Пиерию, чтобы ночью загнать стадо, ведя его задом наперед, в пещеру на юго-западе Пелопоннеса: образцовый угон, впоследствии вдохновивший и оправдавший множество других. Действия пилосского царя Нестора в двух шагах от этой пещеры лишь повторяли аналогичные захваты у северных соседей.

Коневоды же вручали свою судьбу Посейдону. То, что этот бог — повелитель источников — взял в супруги Деметру, богиню земледелия, — факт столь же символический и необходимый, как союз коня и степи. Но по всей земле — с севера на юг, и особенно в Беотии — постоянно вспыхивали конфликты между пастухами, поклонявшимися разным богам. Скотоводы считали себя солью земли. Царевичи вроде Ганимеда, Париса, Анхиза, Пердикки и его братьев, более того, даже боги, такие, как Аполлон, Гермес, Силен или сатиры, гордились тем, что в юности были пастырями стад, *poimenes*. Став царями, первые назовутся «пастырями народа (или войск)» — *poimenes laon*, словно нет никакой разницы между войском и стадом, между теми, кто умеет понимать животных,

управляться с ними, и предводителями людей. Уже древние возводили имя Апеллона-Аполлона к слову, на дорийском языке означавшему и «собрание», и «загон», — *apella*. Быть может, это пастушеское божество, подобное индийскому Савитару, и его имя следует толковать как «тот, кто подталкивает и ведет вперед»? Со своим посохом в форме жезла, кадуцеем, похожим на посох прорицателя и жезл полководца, пастух чувствовал себя царем, волшебником и вершителем правосудия. Иногда он также носил с собой метательное оружие, короткую дубинку, закаленную на огне рогатину. Подобно начинающему воину, подобно богу-победителю дракона, он должен был стать охотником хотя бы для того, чтобы добыть пропитание и убереечь стадо от хищников, змей и другой живности, что ему вечно угрожала. Приходилось также сражаться с разбойниками и соперниками, пуская в ход холодное оружие и лук. Кража скота бесчестила не более, чем война, и бывала столь же кровопролитна. Вынужденный искать новые пастбища, когда старые истощались или пересыхали, хозяин стад навязывал свое присутствие на чужих территориях либо дипломатией, либо силой. Грецию не обошли представления, распространенные в Азии и Африке: только владение скотом и забота о нем делают человека знатным и благородным. Пастух — всегда в движении, он в ответе за каждого из своих подопечных, он — вожак скота и людей и, хочешь не хочешь, обязан проявлять изобретательность. Однажды он мог превратиться и в разбойника, однако именно в его обществе воспитывались юные аристократы и будущие герои.

Глиняные таблички микенских городов, где скотоводы и их бессловесные подопечные рассматриваются исключительно с фискальной точки зрения, выделяют стада, принадлежащие царю, сановникам, жрецам и частным лицам. Они также различают *iporogo* — «тех, кто пасет лошадей», *quokora* — «пастырей крупного рогатого скота», *aikipata* — «козопасов», *potene* — «овчаров», *suqota* — «свинопасов». За ними признавали право брать в пользование, сдавать в наем и обрабатывать земли, но вменяли в обя-

занность выплачивать определенный налог натурой, как и любому другому работнику, занятому индивидуальным трудом.

Чтобы представить себе жизнь микенских пастухов, надо обратиться к литературе и социологии. Геродот («История», VIII, 137) рассказывает, как возникла династия царей Македонии: «Три брата, ведущих род от Темена, бежали из Аргоса (ныне Кастория) в страну иллирийцев: Гаван, Аэроп и Пердикка. А из Иллирии, преодолев горы, они пришли в верхнюю Македонию и добрались до Лебеи. Там они служили за плату царю. Один пас лошадей, второй — коров, а наиболее юный, Пердикка, — мелкий скот. Еду им готовила сама царская супруга. Но всякий раз, когда она пекла хлеб для юного поденщика Пердикки, то хлеб по непонятным причинам оказывался в два раза пышнее, чем обычно. Женщина предупредила царя, а тот хотел было прогнать трех братьев, не заплатив жалованья. В насмешку он предложил им забрать круг света, падавший в дом сквозь отверстие дымохода. Но младший брат, у которого случайно оказался с собой нож, сказал: «Мы согласны, о царь, принять то, что ты нам даешь», — и вырезал пятно солнечного света на полу царского жилища. Потом, трижды зачерпнув солнечных лучей, положил их за пазуху и удалился вместе с братьями». В этой легенде есть нечто большее, чем описание чуда или история о Мальчике-с-Пальчик, большее, чем намек на три талисмана власти (хлеб, золотой кубок, меч). Тут ухвачен кусок грубой деревенской жизни с ее товариществом, перегонами овец, иерархией, внешней бедностью и реальным богатством, лукавой усмешкой и вечной склонностью к магии и поэзии.

Коневоды

Чем жили эти пастухи, которых в микенских государствах были тысячи? Те, кого дворцовые чиновники заботливо кормили и одевали, те, что на крупнейших равнинах Фессалии, Беотии и Арголиты пасли и обихаживали коней (пастухи, конюхи, грумы, слу-

жители и тренеры), кто был занят на этой исключительной царской службе и жил при табуне, рядом с подопечными?

В отличие от своих соседей скифов, ахейцы не ели конины и не пили молока кобылиц. Обычный рацион, состоявший из ячменного или пшеничного хлеба, они разнообразили сушеными фруктами или оливками, порой — небольшим количеством добытой на охоте дичи, сорванными с куста ягодами, съедобными кореньями и плодами с огородов, неподалеку разбитых женщинами. Пили они воду.

За лошадьми с «мощными копытами», хотя и без подков, резвившимися почти на свободе, приходилось приглядывать днем и ночью. В особо ненастную погоду — дождь или холод — лошадей возвращали в конюшни и кормили из яслей и кормушек. Пастухи заботились о том, чтобы кобылиц покрывали самые лучшие жеребцы, даже если чистокровного скакуна для случки приходилось заимствовать у соседа (как с согласия последнего, так и без). Они знали толк в скрещивании пород. Лошаков и мулов тщательно учитывали в архивах дворца. Что касается воспитания коня, то микенцы поступали в точности так же, как все коневоды Малой Азии той эпохи, используя наиболее распространенные методы хеттских конюшен. Едва мать переставала кормить жеребенка, как малыша начинали обучать вместе с нею — не бояться человека, шума, пыли и есть с ладони. Коней ласкали, но и наказывали, используя кнут и стрекало. Сначала их тренировали всех вместе с простым недоуздом, потом — в полной сбруе, запрягая под ярмо в паре с уже подготовленным животным и пуская то галопом, то шагом. Наконец молодые кони допускались к соревнованиям. Главная цель коневодов — поставить царю и его офицерам быстрые и надежные упряжки.

Пастухи крупного рогатого скота

Должно быть, приятно было смотреть на белые стада коров и быков, посвященных Солнцу, — огромные, медленно движущиеся стада царей Адмета и

Авгия — на этих великолепных животных с длинными рогами в форме лиры. Архивные документы ласково именуют коров Рыжухами, Чернушками, Пеструшками, Белоногими... «Коровы (в Элиде, возле Олимпа) тысячами идут друг за другом, словно тучи, готовые пролиться с неба дождем... Вся равнина, все дороги запружены бредущим скотом, тучные долины не вмещают их мычания...» Вот что, по мнению поэта Феокрита, пробудило алчность Геракла, убийцы льва.

Никто не заботился о пастухах, их помощниках, детях, собаках, мулах и переполненных повозках, сопровождавших стада с гор Ахайи и Аркадии. Но сколько жизнерадостных криков, дружеских потасовок, музыки было в этой живой толпе! Духовые инструменты, «флейты Пана» и рожки задавали ритм движению и предупреждали на перекрестках, что неплохо бы сделать привал. Ни в коем случае нельзя было допустить беспорядка в стадах — и так немалых трудов стоило собрать на пастбищах этих полудиких животных. А еще предстояло много других хлопот: отделить нескольких быков, загнать их в сеть, опутать, кастрировать и запрячь под ярмо. Подобные сцены древние художники запечатлели на золотых вазах, найденных в Вафио, недалеко от Спарты. Благодаря находке археологов мы познакомились с обширными, окруженными палисадом лагерями, где пастухи подогревали пищу и укладывались спать в шалашах, обтянутых шкурами животных. Здесь они не доили коров, а лишь помогали им телиться.

Пастухи следили за стадом, делали деревянные сосуды, луки и дубины. Собирали съедобные растения. Пели. А по возвращении в деревню они чистили хлев, таскали на поля навоз, наполняли фуражом кормушки. Главной их задачей оставалось поставлять жрецам как можно более тучные жертвы на заклатие (часть которых перепала и им самим), земледельцам — пары быков, а хозяевам стад — побольше приплода... И тогда на табличках Пилоса или Тиринфа отмечали, что таким-то пастухам выделили для посева чуть более крупный отрезок общинной земли (*PY, An 830; TI, Ef 2*).

В начале весны тысячи тонконогих животных покидали прибрежные равнины и карабкались по склонам на горные пастбища. Дороги и тропинки заполнял этот мелкий скот, который в Греции называют «существами, движущимися вперед», *ta probata*, или «движимым имуществом», *probasis*. Иногда — по отдельности, чаще — сбившись в стадо от 100 до 300 голов, овцы и козы брели среди камней, порой останавливаясь попасть и рассеиваясь по округе, более непредсказуемые и опасные в своем продвижении, чем огонь, бегущий по поверхности угольной пыли. Справа и слева галопом носились собаки, пытаясь удержать животных вместе. Два-три пастуха в остроконечных шапках, опираясь на посох, с котомкой на боку, босые, либо шли впереди, либо следовали за стадом. Некоторые несли на закорках или под мышкой новорожденного ягненка или козленка, еще слишком слабого, чтобы скакать весь день. Потерять нельзя было ни одного. Дворцовые чиновники, коих сегодня мы бы назвали инспекторами или счетоводами, переписывали всех старых самцов, дабы по истечении трех лет отделить их от стада, и каждую четвертую или пятую овцу — для поставки в город. Они скрупулезно вели учет поголовья в каждой деревне, отмечая возраст и пол животного, и решали, сколько молодых особей должны сменить старых в следующем сезоне. Малышей делили на три категории в зависимости от того, когда они родились: осенью, зимой или весной: *zaweteyo*, *newo*, *kiryote*. На каждый десяток овец оставляли одного барана, а на десять коз — одного козла. Их называли «бойцами», *amirewe*. Лишних самцов кастрировали бронзовым лезвием. Этих именовали «жвачными», *ekaraewe*. «Жвачных» было во много раз больше, чем производителей, и именно они давали мясо и шерсть.

В тогдашних стадах скрещивались три великие породы, происходившие от диких баранов. Одна из них, аргали, напоминала диких муфлонов с толстым курдюком, длинной шерстью и бледными, круто за-

гнутыми рогами. Вторая, уриалы, отдаленно родственная нашим мериносам, отличалась коротким хвостом, узкой головой, спиралевидными рогами и густой шерстью. Наконец, третья — европейский муфлон — была меньше и тонкошерстнее, с коротким хвостом и темными, концами торчащими наружу рогами. В среднем баран достигал в холке 60 сантиметров.

А козы, происшедшие от *Capra prista*, или *Capra aegagrus*^{*}, могли быть черными, белыми, рыжими, крапчатыми и гордо вскидывали рога в форме лука или турецкой сабли. Они добывали себе пропитание там, куда баранам и овцам путь был заказан.

Пастухи за работой

Пастуху надлежало быть всеведущим и вездесущим. Он знал пригодные в пищу растения: гречишник, что дарит овцам «золотые зубы», лядвенец, или рогатый клевер, смолистый астрагал, сочный молочайный осот. Он уводил животных подальше от тростника, многолетней пролески, тимьяна, ибо от них скудеет молоко, от ястребинки или мышьего ушка, и лютика, способных отравить все стадо, от кресс-салата, от которого в печени заводятся глисты. Если овцу, поевшую какого-нибудь вредоносного растения, начинало пучить, знобить или появлялась одышка, пастух умел вызвать у нее слюнотечение и рвоту, приготовив горький отвар. Если же овца теряла аппетит, дергала головой и принималась вертеться вокруг собственной оси, скрежеща зубами и посверкивая налитыми кровью глазами, пастух пробовал сделать кровопускание, но в случае неудачи без колебаний забивал ее. Когда отслаивались копыта, пастух соскребал поврежденную часть роговой поверхности, смазывал ранку маслом, а потом сушил, аккуратно присыпая известковым порошком. На переломанные конечности, совсем как на человеческие, накладывали лубок или тугую повязку, а вместо гипса

^{*} Безоаровый или дикий козел. — *Прим. пер.*

использовали растопленную смолу. При выпадении шерсти животное стригли, а кожу обрабатывали жгучим раствором. Но главное, пастух всегда старательно отделял больных от здоровых, ведь насморк, парша, сап, глисты и вертячка так легко передаются другим! Пастух знал, какие мухи способны довести стадо до буйного помешательства, какие забираются в ноздри и откладывают там личинки, а какие портят молоко и сыр. В самое жаркое время дня он загонял своих подопечных под деревья, в тень скал или в плетеные загоны. Заботился он и о том, чтобы никогда не уходить слишком далеко от источника воды: колодца, поилки, специального хранилища, небольших луж или вечно бьющих родников. А еще приходилось тщательно избегать пропастей, куда овцы имеют обыкновение сыпаться одна за другой. Ну и, помимо прочих премудростей, надо было постичь искусство переходов по ужасающей крутизне, приобрести навыки охотника и музыканта, понимать язык животных и божественный ток звезд на небесах.

Тем, кто издали видит пастухов в горах, они кажутся мечтателями и праздными бродягами. Но никто не бывает столь подвижен и бдителен днем и ночью. Поскольку козы и овцы дают молоко до конца июля, утром и вечером их приходится доить в овчарне. Пастух садился на животное верхом, задом наперед, на критский манер, и давил на вымя спереди назад; затем он фильтровал и смешивал молоко в деревянном корыте, подогревал его, сквашивал каким-нибудь горьковатым соком (например, смоквы), переливал створоженную массу в ивовую плетенку, давал стечь сыворотке и, наконец, неусыпно наблюдал, как сыр зреет в полумраке хижины, ведь им жаждали полакомиться насекомые, крысы, мыши, собаки и двуногие «хищники». День за днем приходилось готовить еду, а для этого — искать пропитание. Ели пастухи в основном добытое на охоте мясо, сыр, мед и фрукты. Полагалось не только заботиться о животных, пасти их и поить, но и оберегать от слишком сильной жары и холода, а также от гроз. Мокрая шерсть мигом превращается в нечто вроде губки, и животное, не вы-

держав ее веса, падает на землю. Надо было лечить покалеченных и охромевших, разговаривать с беспокорными и пугливыми, любой ценой избегать гнева бога Пана, способного нагнать на стадо «панический страх», а начиная с августа — изолировать беременных самок. Ночью пастух дремал лишь вполглаза, прикорнув на ложе из листьев и дубленой кожи так, чтобы видеть всех своих подопечных. Положив рядом лук или дубинку, он постоянно прислушивался, не вздумал ли дикий зверь или грабитель проникнуть за изгородь. Перед господами из Кносса он должен был отчитываться за жизнь и смерть каждого животного.

Обработка шерсти

Пастух понимал, какое сокровище ему доверено охранять: это большая часть мяса, молока и сыра, составляющих рацион его сограждан, а заодно — гигантский склад шерсти, основа чуть ли не всего местного ткачества. Удалось подсчитать, что от семидесяти до ста тысяч овец, принадлежавших кносскому дворцу, получали примерно 50 тысяч тонн неочищенной шерсти в год, что позволяло производить около пяти тысяч штук тканых предметов, в среднем по девять килограммов весом, — кусков материи, одеял, одежды, ковров. А некоторые произведения ткаческого искусства весили и по 60 килограммов. Стадами овец владели по крайней мере 40 городков, а еще около шестидесяти занимались обработкой шерсти. Только на табличках кносского писца-117 дана опись шестидесяти двух тысяч овец, а в ведомостях его коллеги-103 составлен настоящий план производства шерсти на грядущий год: 30% ее предполагалось отправить в мастерские, управляемые счетоводом и использующие труд от 600 до 900 женщин и нескольких сотен мужчин (и те и другие получали сдельную плату продуктами питания), а 70% — обрабатывать в домашних условиях. Писец-116 в одиночку провел инвентаризацию склада тканей, весивших

приблизительно четыре тонны. Известно также, что численность овец несколько превышала число жителей — это подтверждает известная нам на протяжении 75 лет статистика, проводившаяся в Ахайе, Аргониде, Элиде, Мессении и на Крите. В таком случае, если власть повелителей Кносса и Пилоса распространялась на 80 тысяч душ или около того, можно допустить, что по крайней мере четверть населения жила за счет стрижки овец и дальнейших процессов, связанных с обработкой шерсти.

Так каким же великим событием, очевидно, был тот день в начале лета, когда в каждом из тысяч стад пастух заваливал первого барана и, пока двое помощников держали животное за ноги, быстро снимал шерсть, *рока*, бронзовым лезвием, начиная с живота и ног и заканчивая шейей! Черную и желтую шерсть, грязную от навоза и пота, сворачивали в тюки, нагружали на спины осликов и мулов и медленно, но верно, по горным тропам, доставляли к месту назначения — в «районный центр». Там свою долю взимали чиновники царя, жрецы, главы общин, сукновалы, а счетоводы и их секретари суровым оком надзирали за точностью расчетов. Была ли эта «сходка», *akora*, праздником, давшим впоследствии имя общинной площади, центру политической жизни греческого полиса? Или ее принимали как тяжкое испытание?

Значение скотоводства

Так или иначе, пастухи продолжали трудиться на горных лугах. В августе их начинало беспокоить и появление первых проплешин на пастбищах. Для беременных самок и нездоровых самцов надо было искать более свежие и зеленые места, потому что отныне животным требовалось значительно больше воды и пищи. Для осенней подпитки и ягнения стада возвращались на давно покинутые пастбища. Тогда же маркировали особей, которых дома рассчитывали принести в жертву, — старых, больных, ненужных. Изучение костей, найденных в пещерах побережья,

показало, что две трети их принадлежали козлятам и ягнятам. Микенцы, по всей видимости, предпочитали нежное мясо. Мелкие косточки часто сохраняли для игры, метания жребия и прорицаний. В часы досуга, пока животные мирно пережевывали жвачку, старшие пастухи затевали игры, ведь среди подпасков было полным-полно детей. Начинались состязания по борьбе, бегу и скалолазанию. Старшие учили молодежь плести корзины, вырезать из дерева и шить, ибо на альпийских лугах пастухам всегда нужны корзины, сосуды, посохи, метательное оружие, силки и, конечно, одежда, которая была бы непохожа на лохмотья. Кроме того, ребят приучали разбираться в камнях, травах, животных и знакомили с искусством отгонять злых духов и избегать их тенет. Юнцам показывали, как высечь огонь, потеряв две палочки. Им пели о деяниях богов и героев, некогда живших среди таких же пастухов, — об Аполлоне, Гермесе, Геракле, Амфионе, Зете и Орфее, причем певцы сами аккомпанировали себе на дудочках, сирингах или флейтах Пана, сделанных из стеблей тростника разной длины, а в Аркадии — частенько на семи-восьмиструнных лирах. Дека этой своеобразной гитары делалась из панциря черепахи, а изогнутые бока — из козьих рогов. Как говорит автор «Гимна Гермесу»: «Под перстами его инструмент издавать стал дивные звуки». Значение музыки и пения в пастушеском мире переоценить невозможно, тем более что оно подтверждается многими свидетельствами. Искусство не просто рассеивало грусть, задавало ритм работе, успокаивало и исцеляло, оно поддерживало воинственный дух народа и его жизнерадостность. Вспомним, что единственное из всех искусств — пение — не стало исключительной прерогативой аристократии, а оно способно выразить все — от сатиры до любви.

Во многих государствах микенской Греции даже царские сыновья не брезговали воспитанием в пастушьих школах. Войдя в пещеру циклопа Полифема, сын Лаэрта был «Никем», в пещере же он обрел имя и стал «кем-то», а именно — Одиссеем. Как бы то ни было, в каждом государстве пастухи представляли со-

бой силу, с которой правителям приходилось считаться, а в XIII веке до н. э. — искать согласия. Царь Одиссей, прячущийся у своего могущественного свинопаса, Эвмея, — не только образ, но и символ. Всегда готовые подняться в горы и со всем имуществом перейти границу, равно как захватить обработанные земли или с оружием в руках затаиться в непролазных дебрях, часто укрывавшие бандитов, а то и участников грабежей, пастыри стад не раз становились предводителями людских сообществ.

По последним сведениям, именно скотоводы микенского мира обеспечили ему процветание, но они же принесли и гибель. Без конца увеличивая поголовье стад из экономических соображений (главным образом — ради мяса и шерсти), хозяева дворцов подписали себе смертный приговор. Они не только позволили животным обглодать огромные лесные массивы, ускорив тем самым гибель лесов и эрозию почвы, но вместе с кочевым образом жизни и дальними перегонами скота дали возможность расцвести духу независимости, над которыми их чиновники и налоговое ведомство не имели никакой власти. Есть все основания полагать, что легендарные дорийцы, или «пришельцы из страны лесов», которым приписывают низвержение стольких династий на Пелопоннесе и на островах, были ни больше ни меньше как пастухи. История, обновляя свой ход, сделает позднее пастухов Эпира, а еще позже — клефтов Пинда хозяевами Греции. Известен диалог двух пастухов-сфакиотов, глядевших на равнину с Белых гор: «Думаешь, у людей там, внизу, есть душа?» — «Ну, старина, если и да, то она должна быть совсем маленькой — как у птицы».

Дровосеки

В начале ноября, когда пастухи собирались в обратный путь — к своим овчарням на побережье, огромная блеющая пыльная туча натыкалась на людей в коротких черных, синих или коричневых туниках.

Это дровосеки, *durutomo*, как называют их глиняные таблички. Именно они бронзовыми топорами или двуручными пилами валили лес для кораблей и домов. Стволы рубили в двух-трех футах от земли. Простояв года два, если корни были в полном порядке, такой высокий пенёк пропитывался смолой, превращаясь в невероятной прочности маслянистый блок. Тогда его выкорчевывали, теслом расщепляли на части и получали готовые факелы или смолистые дрова разной длины и толщины. Бродячие пастухи хранили у себя в хижинах внушительный запас подобных «спичек», *dawo(i)*. Если их поднести к тлеющему под пеплом угольку, огонь вспыхнет немедленно. На полях собирались также смолокуры — они под корень срубали остатки сосен и елей. Внутри, в самой сердцевине пней, скапливалась чистая смола, из которой на слабом огне мастера варили вар, *pissa*, выпаривая из смолы жидкость. Этим варом конопатили корабли, запечатывали сосуды, делали всякого рода пластыри, использовавшиеся как для лечения, так и для удаления волос.

В лесной чаще рядом с дровосеками и смолокурами работали и угольщики. Прикрыв костры из бревен слоем земли, они изготавливали древесный уголь для литейщиков и кузнецов.

Рудознатицы

В поисках ценных минералов рудознатицам приходилось немало побегать по сланцевым и гранитным горам. Как и золотодобытчики, эти люди никому не рассказывали, куда держат путь. И каждый таился от себе подобных. Обычно рудознатец работал на царя или главаря банды, поскольку и тому и другому во что бы то ни стало требовались бронза, свинец и драгоценные металлы. С птичьего полета мы уже видели, где работали «геологи» эллинского мира. В XIII веке до н. э. никаких подземных рудников не существовало. Не было и самого понятия «металл». Оно возникло лишь еще через тысячу лет. А пока рудо-

знатцы довольствовались тем, что собирали с земли или откалывали мотыгой большие зеленые, красные или синие камни, *khalikes*, слово того же корня, что и *kbalkos*, медь. Они собирали и тяжелые бульжники грязно-серого цвета, называемые в дворцовых архивах *moriwodo*, в этих невзрачных на вид каменюгах содержалось много серебра и свинца. А еще киркой разбивали скалы из белого кварца, испещренного золотистыми искорками. Эти осколки обрабатывались каждый в отдельности, но всем им предстояло пройти четыре операции: тщательную сортировку, дробление, после которого камень превращался в пыль, промывку, удалявшую все лишнее, прокаливание на древесном огне под сильным напором воздуха. Драгоценные металлы извлекали купелированием, а медь — многократным прокаливанием в низкой печи вместе с древесным углем и содержащими кремний веществами. Печь представляла собой круглую каменную конструкцию, изнутри обмазанную глиной, с подом и двумя напоминающими меха крышками — одной, снабженной бычьими шкурами, для продува, а второй — для тяги. Металл плавился при температуре 1083 градуса и вытекал в песчаный карман в передней части печи. Помощники мастера вычищали шлак и щипцами удаляли окалину с поверхности металла. Если мастер хотел получить медный колчедан или ковелит, то штейн, или природный слиток черной меди, очищали порошком древесного угля, мало-помалу избавляя медь от примеси серы. Так зеленый или золотистый камень, созданный природой, поочередно превращался то в черную лепешку, то в белую лаву, то в красный и живой металл. Известно, что раскопки на морском дне, проводившиеся напротив мыса Хелидония в Ликии, выявили любопытный факт: странствующие кузнецы путешествовали вместе с инструментами, старыми плавильными котлами, кусочками чистого металла и небольшим количеством олова. Последнее, если добавить его к красной меди в пропорции 10:100, давало лучшую в мире бронзу. Касситерит в Грецию везли из Малой Азии, Сирии и Финикии — не из Корну-

олла же или Нижней Бретани доставлять его в караваны, не так ли?

На южном склоне троянской Иды, ближе к Андейре, добывали цинковую обманку, природный серистый цинт. Ее добавляли к меди, содержащейся в медном колчедане, для получения латуни. Но больше всего «геологов» интересовало, естественно, золото. Желтое золото, «подобное солнцу», *kuruso* глиняных табличек, и белое золото, или электрум, обозначенное там же как *paraku*, а на самом деле — природное соединение золота с более чем 20% серебра. В Лидии, к востоку от Смирны, из россыпей Пактола и рудных жил горы Тмол (ныне — Боздаг) добывали электрум с 30% серебра и 70% золота. Теперь понятен интерес Геракла и его спутников к богиням и владычицам той земли — к Малис или Омфале, а также к их драгоценностям. Это же проясняет причины их столкновений с амазонками и хеттскими воинами.

Другие греки предпочитали отправиться в Грузию, античную Колхиду, с коринфянином Аэтом или авантюристом из Иолка Ясоном. В верхнем течении реки Фазиса, нынешней Риони, они искали золото и видели, как местные жители натягивают и закрепляют под водой овечьи шкуры, а через некоторое время вытаскивают их сверкающими от запутавшихся в шерсти крупниц золота. Легенда о золотом руне основана на способе, хорошо известном золотодобытчикам и широко распространенном в микенском мире, поскольку мы встречаемся с ним, например, в Беотии (в Коронее и Орхомене) и в Дарданеллах, античном Геллеспонте. Здесь наиболее крупной из золотоносных рек считалась Астрида к югу от Абидоса. И, разумеется, весь этот мирок рудознатцев объединялся в тайные сообщества и братства, имел собственные обряды инициации, пароли, жаргон, символы, а также гениев-покровителей. Наиболее прославленные среди них — куреты Халкиды и Крита, тельхины Родоса, кабиры Самофракии. Сыновья и внуки огненных богов, все они слыли опасными волшебниками.

Так же как белая слоновая кость кажется плотью богов, а золото — остывшими кусочками солнца, в удивительном камне ляпис-лазури, синем, как звездное небо, видится сияние небесного свода, горный хрусталь представляется обращенной в камень каплей воды, а желтый янтарь — язычком огня, плененным душистой смолой. Все эти камни-талисманы, ценные своей редкостью и таинственным происхождением, в необработанном виде являлись и предметом торговли. Они были своего рода доисторической валютой, как головы скота, рабы, соль, бронзовые слитки. Возникает даже впечатление, что бусинки янтаря или электрума, обозначаемые в древних текстах одним словом *elektron*^{*}, служили микенцам для расчетов. Во всяком случае, волшебные свойства янтаря подарили нам в 1600 году слово «электрический».

Карьеры

Неподалеку от больших эгейских городов — например, Афин, Коринфа, Микен, Кносса — все еще существуют громадные каменные карьеры. Чаще всего они располагаются на склоне холма, иногда — в овраге. В них на благо царям трудились жалкого вида люди, молодые, но обреченные на преждевременную смерть: пленники, преступники, купленные или похищенные из родных мест рабы. За ними приглядывали несколько наемников, выполнявших роль надзирателей. Когда камень оказывался сравнительно мягким, его выдалбливали зубилом, остроконечным молотом или бронзовым кайлом. Вокруг блока, который предстояло извлечь, продавливали желобок, а затем подрубали камень снизу. Извлекали каменную глыбу с помощью рычага. В более твердых скалах близко друг к другу сверлили прямые или на-

^{*} Греческим словом *elektron* обозначали и белое золото (соединение золота и серебра), и янтарь, магнетические свойства которого грекам были известны. — *Прим. ред.*

клонные дырочки, в них забивались чеканы и уже по ним изо всех сил стучали колотушкой. Только что добытый камень пилили, обтесывали долотом и молотком. Некоторые мастера заранее сообщали необходимые параметры каменных блоков и уже в карьере размечали условными значками, какие куда пойдут. Их-то мы все еще находим под осыпавшейся штукатуркой: треугольники, крестики, звезды, трезубцы, двойные секиры — целая система символов, оставшаяся для нас мертвой буквой. Вместе с последним рабочим из карьера исчезли лестницы, грузовые стрелы, горизонтальные ворота и сани-волокуши. На скалах остались лишь выемки, следы бронзовых инструментов, а на земле — бесчисленные осколки, немного щебня да бледная пыль. Летом сюда выползают греться змеи, ящерицы и скорпионы.

Сады и огороды

Немало людей трудилось и в садах. Те, кто не имел определенного занятия в городе, как правило, работали именно здесь. Многие превращали в огород клочок земли, маленький участок у глинобитного или сырцового дома. Большинство городов напоминали скорее разросшиеся деревни, нежели то, что отвечает нашим представлениям о типичном городе. И вся микенская цивилизация зиждилась на прочной земледельческой основе. Цитадели возникли из необходимости защищаться от опасности, постоянно преследующей народ земледельцев и моряков. Внутри и вокруг стен собиралось множество ремесленников, чернорабочих и рабов, а все они питались плодами земли. Отсюда и необходимость садоводства. Вот описание сада царя Акиноя: «Был за широким двором четырехдесятинный богатый сад, обнесенный повсюду высокой оградой; росло там много деревьев, плодоносных, ветвистых, широковершинных, яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных, также и сладких смоковниц, и маслин, роскошно цветущих» («Одиссея», VII, 112—116). Этому опи-

санию автора седьмой песни «Одиссеи» соответствует и сад Лаэрта, разбитый за стенами Итаки, а главное — серия V кносских документов с идеограммами, обозначающими оливу, смоковницу и многие другие заботливо обрезанные деревья. Есть там и упоминания о множестве саженцев. А когда речь идет о винограде и оливах, специально подчеркивается, что их плоды предназначены к столу, а не для изготовления вина или масла. Не всем садовникам везло так, как Алкиною, чей сад орошали сразу два источника, омывая корни деревьев и питая овощи на грядках. Но, независимо от того, располагались ли сады на плоской равнине или на террасах, поднимавшихся по склону холма вокруг крепости, их землю увлажняли, выравнивали, прокапывали каналы или доставляли воду из родников и водоемов. Мотыгой, киркой, полольной сапкой почву разрыхляли, пропалывали и очищали, ибо ей постоянно угрожали сорняки и насекомые. Надо поухаживать за греческим садом, стоя по щиколотку в воде, а головой — под палящим солнцем, чтобы узнать, каких усилий и любви к земной плоти стоит обычная корзина горошка или шпината, выращенных в упорной борьбе с пыреем, цикутой, подмаренником, вьюнком, звездчаткой и мальвой.

Земледелие и скотоводство

Во второй половине XIII века до н. э. на всех равнинах и холмах Греции словно грибы росли сельские общины, поселения и городки. В архивах дворца — настоящий взрыв географических названий, часто производных от имени собственного: несколько сотен в Мессении, около сотни — в окрестностях Кносса. Сегодня на их месте впечатляющая россыпь руин. Военному натиску микенцев на Малую Азию и Южную Италию, несомненно, соответствовал бурный демографический рост в Греции. Деревенские жители, вечно враждовавшие между собой из-за границ или желания расширить обрабатываемые зем-

ли, ссорились с пастухами, чьи стада увеличивались слишком быстро. Всегда хрупкое равновесие между земледелием и скотоводством во многих местах нарушилось либо из-за новых раскорчевок и вспахивания ранее нетронутых земель, либо, наоборот, из-за опасного переизбытка животных, нуждавшихся в пастбищах. Таким образом, когда наблюдаешь за жизнью микенских крестьян вокруг той или иной крепости накануне катастрофы, больше всего бросается в глаза их неуверенность в завтрашнем дне. С одной стороны, не дают продыху требовательные, навязчивые «власть предержащие» всех мастей (цари, многочисленные жрецы, чиновники, военные вожди и главари банд). С другой — чувствуется упорное, всеобщее, хотя и подспудное, стремление увернуться от гнета того, что на сотнях табличек носит имя *opero* («обязательство, долг, дефицит»), попытки добиться освобождения, облегчения, избавления от налога. Пределом честолюбивых мечтаний этих труженников было одно: чтобы напротив их имени написали: *ereutero, ereutera*, то есть «свободен (или свободна) от податей».

Система землепользования

Политическая свобода не появится здесь еще несколько веков — даже после волнений и бунтов, закончившихся сожжением Пилосского дворца между 1220 и 1190 годами до н. э. В положении земледельцев, *akorota*, в самой системе землевладения существовало такое неравенство, что невольно проникаешься мыслью: этот уклад жизни явно дышал на ладан. Под контролем разных интендантов и управляющих, чей список мы уже приводили выше, и на глазах у местного сеньора, *qasireu*, работали и неукоснительно выплачивали налог свободные арендаторы, *moroka*, владельцы аллода (наделов земли), обязанные помимо налогов нести еще и военную службу, ленники, *kotonooko*, по условиям эксплуатации и рентабельности сходные с колонами, *kitita*, вилланы,

или испольтчики, *kamaei*, вынужденные отдавать часть рабочего времени и прибыли господину или жрецам, поселенцы (арендаторы?), *onaterē*, рабы, *doero*, жители побережий или приграничных районов, не имевшие собственной земли, разнорабочие, *erito-*, *erita*, *aketiriya*, чаще всего — женщины и дети, нанимаемые в сезон жатвы, чесания шерсти, сбора олив, подготовки жертвоприношений.

Люди, жившие вне общины или вконец обнищавшие, — те, кого классическая литература в Фессалии называет бедняками (*penestai*), в Спарте — илотами, на Крите — афамиотами (*aphamiotai*), в Сикионе — «носящими посох» (*korynephoroi*), обрабатывали клочок земли или выращивали мелкий скот, предоставленный им ахейскими господами, не имея права сдвинуться с места, ни передать кому-либо имущество, ни носить оружие. Наконец, возможно, хотя полной уверенности у нас в этом нет, что некоторые собственники земли могли покупать домашнюю прислугу — пленников или детей, отдаваемых в рабство родителями, то есть тех, кого мы называем довольно расплывчатым словом «рабы». Тут сразу приходит на ум легендарное рабство Аполлона у Адмета или рабское служение Геракла, вынужденного прясть у ног Омфалы. Микенский же термин *porena* обычно толкуется как «персонал, являющийся предметом сделки» (от глагола *poleen* — «торговать»). Разумеется, судьба свободных тружеников имела мало общего с жизнью сельскохозяйственных рабов, а последних — с участью рабов домашних.

Официальные документы дворцовых архивов различают весьма несхожие между собой виды владения, точнее, пользования землей. Кое-кто, как, например, принцы или победоносные военачальники, получали в собственность поместья, *temeno(s)*, состоявшие из многих гектаров плодородных земель и садов, а обрабатывали их имения сервы, *doero*, и сельскохозяйственные рабочие, *erito*. Предполагалось, что собственность духовенства принадлежит божеству и, после того как дар принесен, становится неотъемлемой, неделимой и священной. Мы бы на-

звали это имуществом, не подлежащим отчуждению. Некоторые привилегированные лица — скажем, савонники и бароны, *tereta*, служители монархии, имели участки «для закладывания фундамента», или недвижимое имущество, *kotona kitimena* (по-гречески — *ktoinai ktimenai*), — род земельной собственности, расположенной вокруг одного или нескольких зданий, жилищ, конюшен и погребов.

Большинство земледельцев довольствовались теми участками, которые представлял им совет общины, *damo(s)*. Это были «распределенные наделы», и назывались они *kotona kekemena* (по-гречески — *ktoinai kekeismanai*). Это свидетельствует о том, что наряду с индивидуальной и частной собственностью существовала общинная, или коллективная, земельная собственность, и те, кто ее обрабатывал, имели право лишь на временное пользование, *onato*. Эта временная форма владения, *kama*, влекла за собой особые обязательства, такие, как ежегодные выплаты, *dosomo weteiwetei*, «двойная повинность», *duqoupi tere yae*, отработки, *wozee*. Так что ленникам приходилось намного больше работать. Около Пилоса некий Молобр («Кабан» или «Обжора»), пастух по своему положению, владел недвижимым имуществом данного типа и частично сдавал землю в аренду двум работникам, Лигросу и Кретею, поскольку, очевидно, не мог справиться со своим хозяйством в одиночку.

На пилосской табличке *Ep 704* сохранились отзвуки всякого рода споров, порожденных этой, далеко не идеальной и многоступенчатой системой землепользования: «...Гуамия, иеродула (то есть служительница божества), имеет доход с удела, данного ей жрицей и составляющего площадь, засеваемую восемнадцатью литрами семян (приблизительно 15 аров); ... Эрита, жрица, получая доход с части надела, заявляет, что владеет им от имени богини как истинной и неотъемлемой собственностью (*etoniyo*), но совет общины возражает, говоря, что в действительности ей принадлежит лишь узуфрукт, поскольку земля эта составляет часть угодий, распределяемых между членами общины, общая площадь их рассчитана на

засев 468 литров семян (примерно 3 га 90 аров); Карпатия, хранительница ключей святилища, имеет два общинных надела, но, несмотря на то, что должна обеспечить ежегодные выплаты, не обрабатывает их...» Любопытно, что было тому причиной — нехватка рабочих рук или желание уклониться от уплаты налога?

Вокруг городов и деревень развивалось довольно интенсивное земледелие, ибо ежедневный труд приносил сравнительно большой достаток. Хозяин старался выжать все возможное из порой крохотного кусочка земли, тем более что раз в два года поле приходилось оставлять под паром. В «пустые» годы туда пускали пастись скот. Таким образом, земля отдыхала, оставаясь под паром, и естественным путем удобрялась, но как мало и как плохо!

В других местах, особенно в зонах раскорчевки, люди жили в условиях экстенсивного земледелия, весьма малорентабельного. Письменные документы Пилоса и Кносса позволили установить соотношение между единицей засеваемой площади, «*dama(r)*» (по большей части — в крупных частных владениях), и высшей мерой емкости зерновых — около 120 литров. Поскольку в античности сеяли гуще, чем в нынешние времена, о чем свидетельствуют вавилонские тексты, Талмуд, трактаты римских агрономов, и, соответственно, требовалось несколько большее количество овса или пшеницы для засева площади в 10 плетров или 100 квадратных футов, что соответствует гектару, то становятся понятными данные из дошедших до нас кадастров Крита, Мессении и Аργοлиды:

1. Посевные владения царя и богов изрядно превышали 40 га.
2. Большая часть собственников довольствовалась 2,5 га.
3. Большинство арендаторов и пользователей, то есть довольно значительная часть земледельцев, жили за счет урожая зерновых всего с нескольких аров.

Правда, площадь обрабатываемой земли, *aroura*, надо рассматривать как двойную, а то и тройную, из-

за того, что половина поля находилась под паром, а еще часть отводили незерновым культурам, ведь микенцы жили при многокультурной системе земледелия. Зерновые ценились дорого и составляли лишь добавку к повседневному рациону, состоящему из бобовых, фруктов, ягод, а иногда — в некоторых районах вроде Эпира и Аркадии — и съедобных желудей.

Возможно, кого-то удивит, что микенские сборщики налогов, в отличие от наших, не назначали определенной таксы в зависимости от размеров посевной площади или заранее обусловленной величины урожая, но, несомненно, с их стороны было разумнее и дальновиднее раз и навсегда определить количество семян, необходимых для данного надела. Эта цифра менялась лишь в зависимости от качества почвы. Хорош год или неудачен, плодородна земля или камениста, администрация предусмотрела, сколько зерна необходимо, чтобы обеспечить будущий сев. Оставалось только, исходя из размеров урожая, назначить налог в соответствующей пропорции к установленному минимуму. Помимо того, что им причиталось, земледельцы не могли требовать из царских хранилищ, от господина или общины ни на гран больше или жульничать с истинным объемом засеянной площади. Впрочем, урожаи всегда бывали невелики: 5—6:1 — в удачные годы — и 1,6 или 2,2 — в остальные. Точно так же обстояло дело в эпоху Каролингов в королевских домах Франции, столь же жестко управляемых. Заорганизованность, переизбыток получающих долю прибыли, перенаселенность и простейшая экономика выживания. Над земледельческим миром, производящим так мало еды, во всех микенских государствах, включая богатые равнинами Фессалию и Арголиду, постоянно витала угроза голода.

Пахота и сев

Благодаря раскопкам гробниц и могильников на этих равнинах, анализу зерен, найденных в хранилищах Лерны, Трои, Кносса, в стенах саманных и

скальных хижин, мы довольно хорошо осведомлены о том, что выращивали современники Ахилла и Идомена. Гречиху и просо культивировали наиболее отсталые народы. Овес и рожь считались сорняками. Выращивались в основном растения, известные в Малой Азии и Греции по меньшей мере с VII тысячелетия до н. э.: ячмень, крахмалосодержащие, пшеница-однозернянка, горох, луговой горошек, вика, домашняя и дикая чечевица, нут, лен.

С начала сезона дождей, когда земля размягчается, и до конца октября или первых дней ноября земледелец работал в поле со своей семьей, а если владел упряжкой, использовал и ее. Основным инструментом каждого — мужчины, женщины, ребенка — была закаленная на огне деревянная мотыга. В богатых рудами краях кузнецы снабжали земледельцев бронзовыми кирками, у которых с одной стороны была плоская «лопатка», а с другой — острие. Такое орудие позволяло копать землю, разрыхлять комья, корчевать и резать корни или выковыривать камни в зависимости от того, что требовалось в данный момент. Работали на поле параллельными рядами, зерно сеяли в параллельные борозды, а потом засыпали руками или мотыгой. Соха представляла собой ту же мотыгу, только с длинной ручкой, за которую ее тащила пара быков, мулов или ослов, запряженных в ярмо, а то и один-два человека. Острый край сохи тоже закаляли на огне, а иногда покрывали слоем бронзы, но все равно она проводила не слишком глубокие борозды. Земледелец одной рукой держал рукоять, а второй — стрекало для управления упряжкой. Чтобы сделать борозду немного глубже, время от времени он вставал на подошву плуга и нажимал на рукоять обеими руками. А своих быков он называл так же, как и наши крестьяне, — Рьжик, Беляш, Черныш... Сзади шли женщины и работники. Они разбивали комья земли, зарывали семена и навоз и разравнивали землю сапкой. Молитвы, песнопения и возлияния сопровождали все этапы этого священного труда, изобретенного, по верованиям микенцев, богиней Деметрой, Дос, Део или Дамией и

распространенного среди людей Триптолемом, сыном царя Элевсина. А когда наступал вечер, земледельцы приветствовали богинь, обитавших среди Гиад и Плеяд, дабы те в нужный момент послали ясную погоду или дождь.

Обычно зерна ячменя или пшеницы сеяли сразу после обработки поля — либо в ноябре, либо в конце зимы. Их закапывали деревянными граблями или сохой на небольшую глубину — только чтобы уберечь от дурного глаза, птиц или слишком сильных холодов. Но гораздо чаще сажали бобовые. К этим растениям, пригодным как для человека, так и на корм скоту, добавляли лишь незначительное количество зерновых. Земледельцу приходилось думать еще и о животных, нуждавшихся в зерне и сене. Смешанную поросль срезали еще зеленой и высушивали на солнце. Силосные хранилища и сеновалы, найденные возле усадеб, в зависимости от времени года заполнялись весьма разнообразными припасами. Кое-что предназначалось для людей, кое-что — для скота.

Зерновые

Позволительно усомниться в том, что четыре женские профессии, фигурирующие в архивах Пилоса и Кносса (*sitokowo*, *kiritewiya*, *doqeya*, *mereyirya*), действительно обозначают женщин, которые, соответственно, полностью специализировались на разных работах с зерном: *sitos* — возделывании ячменя, *kritha* — кошени трав, *drepo* — (?), и помоле — *mereuro*. *Sitowoko*, скорее всего, была распорядительницей, выдававшей работницам и их детям определенный рацион зерна в уплату за труд. «Приставленные к ячменю» (или «приставленные к приготовлению пищи»), *dorqa*, по-видимому, должны были готовить жертвоприношения и общие пиры. Из муки крупного помола они делали лепешки, *maza*, каши, *poltos*, квасные хлебы, *artos*. Они же смазывали жиром мясо, посыпали мукой священное питье. Ячмень сыпали и на головы жертвенных животных, симво-

лично предлагая богам два лучших вида пищи, которыми располагали смертные. Из множества неясных терминов архивных табличек, а также благодаря обычаям, сохранявшимся тысячелетиями и дошедшим до наших дней, мы можем сделать хотя бы один вполне достоверный вывод: женщины играли большую, нежели мужчины, роль в жатве, молотье, хранении и использовании зерновых.

Жатва

Под средиземноморским солнцем всего за пару месяцев вызревает сначала ячмень, а потом и пшеница. Каждая семья снова отправлялась на поля, но на сей раз — с соломенными жгутами, вилами, серпами и точильными камнями. В первую очередь предстояло расположить к себе сурового Духа колосьев посредством молитв, песен, возлияний, а первинки жатвы посвятить Владычице Зерна — Ситоптинии. Серп, *drepanon*, чаще всего представлял собой слегка изогнутое бронзовое лезвие и напоминал тот, что используется на юге Франции. Однако в XIII веке до н. э. все еще был в ходу инструмент, известный в Малой Азии и Греции с эпохи полированного камня: кусочек оленьего рога с цепочкой вставленных в отверстия осколков кварца или обсидиана.левой рукой жнец захватывал пук стеблей, а правой срезал их приблизительно посередине. Недавно на Ближнем Востоке Джек Р. Харлан попробовал воспользоваться таким орудием и за час сжал столько дикой пшеницы, сколько достаточно для получения килограмма зерна. Если владелец поля был богат, то делил работу между несколькими группами работников: одни срезали колосья, другие связывали их в снопы, очищая от плевел, репейника и лопуха, третьи уносили снопы и расставляли по краю поля, а дети подбирали оставшиеся после жатвы колоски. Наемным, *erithoi*, и временным работникам, *opiroqo*, хозяин выплачивал жалованье — разумеется, пищей и питьем.

На священном току, придуманном Део, Хозяйкой ячменя, по кругу раскладывали хорошенько подсушенные колосья на коротком стебле. Влекомая парой быков или ослов тяжелая доска с торчащими из нее острыми камешками помогала выпотрошить зерно. Стоя на ее поверхности, мужчина или женщина без усталости крутились под раскаленным солнцем. Как только работники находили, что колосья в достаточной степени очищены от зерна, солому сгребали вилами, а остальное складывали на небольшом участке гумна. Затем начинали молить богов о сильном ветре, чтобы веяльщик мог подбрасывать вверх полные горсти соломинок, смешанных с зерном. Последнее падало на землю, а отбросы — мякина, остья и труха — рассеивались по жнивью. Точно так же обрабатывали горох, чечевицу и вику. На день-два обмолоченное зерно оставляли на току и там пересыпали в корзины и кувшины, а потом делили между служителями культа, царем, общиной и хозяевами поля. Легенда об Ино, жене царя Афананта из Коронеи, показывает нам, что в Беотии зерно, не предназначенное для посева, слегка поджаривали. В окрестностях Трои и на Крите, чтобы сохранить урожай в целостности, ограничивались молитвами Сминфею, владыке полевых мышей и крыс, или же предоставляли действовать домашним кошкам и ласкам. В крупных деревнях вроде Давоса на Крите общий урожай ячменя и пшеницы, *ama epikere*, иногда составлял более десяти тысяч мер. Ячмень превращали в хлебную муку, перебирая и растирая меж двух камней-жерновов. В каждом доме имелась ручная мельница, перерабатывавшая зерно либо в муку, либо в крупу. Вся эта трудоемкая ручная работа возлагалась на женщин. На них же лежала забота поставить, замесить и раскатать тесто. Некоторые глиняные таблички свидетельствуют о том, что женщины, бывало, собирались раз в три месяца или в месяц у кого-то из хозяек, богатых дровами, и пекли хлебы и пироги, обсыпая их сверху семенами сезама, мака, укропа или тмина.

Из всех культур именно выращивание льна более всего поощрялось владыками мелких микенских государств. Во-первых, ради военных нужд: из льна делались защищавшие грудь и спину воина доспехи, паруса и оснастка военных кораблей, а также шатры. Во-вторых, этого требовала экономика: микенцы хотели во что бы то ни стало избавиться от древней монополии Библа, Тира, Сидона, Арвада и так далее на изделия из тонкой льняной пряжи — тяжелые и легкие покрывала, одежду, занавески, а также нити для плетения сетей и даже материал для письма. Эти-то военно-экономические нужды в конце концов и разорили земледельцев, вызвав голод по всей Греции. Дворцовые надсмотрщики требовали все больших и больших количеств льна и зерном, и пряжей. Лишь немногие категории ремесленников, например кузнецы, оружейники, корабельщики и конопатчики, ухитрились отвертеться от этой повинности. Другие, особенно в годы засухи, попадали в долговую кабалу или вынуждены были пренебрегать жизненно необходимыми культурами. И при этом их лен не мог сравниться по качеству ни с сирийским, ни с египетским.

Раскопки в Лерне, знаменитой болотами и сражениями Геракла, позволили археологам найти около 200 зерен *Linum usitatissimum*, разновидности льна, которая, по крайней мере, лучше всего подходит к относительно сухому климату Греции. Эти зерна, если из них не делали масло, медикаменты или кашу, осенью засеивались в землю. В мае поля покрывали такие синие, нежные цветы, что, казалось, в них отражается само небо. В начале июня, когда образуются колосья и зреют семена, стебель легко выдернуть из земли. Лен не жнут и не веют. Его связывали в пучки и пирамидками ставили на расчищенных площадках или на плоских крышах домов. Когда солнце и ветер хорошенько просушивали пучки, по концам стеблей аккуратно постукивали, чтобы собрать семена, а волокна замачивали в тихой воде под большими камнями. 20—25 дней по всей округе распростра-

нялась кошмарная вонь. Лишь в начале июля люди руками вытаскивали пучки подгнившего льна. Избавленный от воды и старательно высушенный, лен развешивали и растягивали на Т-образной подпорке, ошетилившейся гвоздями и очень похожей на значок «se» линейного письма. Потом его колотили дубинкой вроде валька, каким пользуются прачки. Эта процедура называется «трепанием льна», она избавляет волокна от коры и превращает их в пряжу. Последнюю, в свою очередь, чесали: натягивали на карду и обрабатывали либо простым, либо двойным гребнем, он тоже встречается среди иероглифов и значков эгейских текстов. В чесальне пыль стояла столбом до тех пор, пока волокна не превращались в ворох густых хлопьев и кучку ненужных оческов.

Прядильщицы льна, *rineya*, накручивали белые хлопья на веретено и, как это делают мастерицы и в наше время с шерстяной пряжей, отщипывали несколько волокон пальцами левой руки, тянули их, свивали, а получившуюся тонкую нить наматывали на коклюшки, зажатые в правой. Чтобы нить стала мягче и блестела, женщины погружали ее, уже спряденную, в масло. Его приходилось стряхивать перед тем, как начинать ткать на вертикально поставленном станке. Мы помним о 50 служанках царя феаков Алкиноя, работавших у него во дворце: «Рожь золотую мололи одни жерновами ручными, нити сучили другие и ткали, сидя за станками рядком, подобные листьям трепещущим тополя; но стоит сжать тонкую ткань — и масло течет капля за каплей» («Одиссея», VII, 104—107). Все они пели, как «сладкогласая» нимфа Калипсо «с голосом нежным, как лилия». Так что песни ткачей родились не сегодня.

Обычно ткацкий станок, гистр, состоял из двух вертикальных деревянных планок, пересеченных навоем, к которому крепились нити основы. Их натягивали грузила, закрепленные на уровне земли или пола. Парные и непарные нити разделяла подвижная планочка. На других поперечных деревянных планках, или ремизках, фиксировали нити из двух мотков. Ткачиха тянула планку на себя, и в промежутке между двумя мотками начинала скользить палочка-челнок,

kerkis, на которой была намотана нить утка. Закончив ряд, готовую часть ткани каждый раз уплотняли гребнем. Женщины работали стоя и часами топтались у станка, передвигаясь от одной его части к другой.

Фрукты и виноград

Едва крестьяне успевали собрать зерновые и бобовые, наступало время убирать и заготавливать на зиму фрукты. На плоских крышах раскладывали сушиться смоквы, составлявшие основу рациона простонародья, миндаль, фисташки, ягоды можжевельника, сосновое семя, лесные и грецкие орехи. На плетенках в кладовых появлялись россыпи мелких и кислых яблок, зернистых груш, терпкой ароматной айвы и всех ягод, которые кажутся нам такими грубыми, — терновника, испанского боярышника, плодов каменного дерева. Осенью их сменяли рябина и каштан, а в конце зимы — мушмула.

Сбор винограда начинался на островах в середине августа и повсеместно продолжался до конца сентября. Округу оглашали крики и песни женщин-сборщиц и мужчин, уносивших полные корзины. Большинство виноградников, *woinades*, тянулись по склонам холмов за каменными оградами, поверху утыканными острыми осколками, чтобы отпугнуть лис и коз. Нередко виноградные лозы, *weyewe*, оплетали стволы больших деревьев, но уже тогда их умели сажать и рядами на расстоянии 1,8—2 метров друг от друга, подвязывая к подпоркам или оставляя стелиться по земле. Осенью их окучивали, зимой осторожно подрезали, весной окапывали, в начале лета удаляли лишние побеги, — в общем, в любое время года холили и лелеяли. Срезанные гроздья на 10 дней оставляли дозревать на солнечной площадке, а потом, еще пять дней продержав в тени, разминали ногами в огромном чане из обтесанного камня или обожженной глины. Сусло стекало и сцеживалось в стоящее внизу хранилище. Потом его переливали в высокие кувшины емкостью от 120 до 250 литров.

Откачка вина, *woinos*, происходила 50 дней спустя, и это был великий праздник. Люди первый раз в году пробовали кровь бога, вышедшего из-под прессы, — Диониса. Праздник вина — редкостное событие в череде однообразных дней. Тысячи людей бешено отплясывали до полного изнеможения. Священные деревья окружали танцоров, и все это было не банальной гулянкой, а настоящим ритуалом. По горам Беотии мчались менады, обезумевшие от присутствия своего бога. В следующий раз Диониса чествовали диалогизированным пением и танцами в январе, когда созреет вино, а потом — в марте или апреле, в пору нового цветения виноградников.

Часть гроздьев оставляли сушиться в числе прочих запасов на зиму. Виноградарь почти не пил вина, едва ли не всю свою продукцию он отправлял во дворец или храм в обмен на все необходимое в хозяйстве. Расчет, естественно, велся натурой. То греческое вино, которое не шло на возлияния богам и не выпивалось на торжественных пирах, — густое, темное, ароматное, на редкость хмельное, а часто еще и приправленное специями, успешно экспортировалось всем народам, жившим на берегах Черного и Средиземного морей. Оно невероятно упрощало сделки, окончательно лишало разума глупцов, как, например, циклопа Полифема, но подхлестывало мужество и горячность воинов, подобных Ахиллу и Одиссею. Вероятно, некоторые некрепленые вина, известные на архипелаге в Средневековье, — мальвазия, мюскаде, самосское, — восходят к наидревнейшим временам античности.

Оливки и масло

Оливки собирали с ноября по март. И опять-таки это делали женщины. Они расстилали под деревьями ткань, шестом сбивали плоды, а потом подбирали их. Мужчинам же надо было взрыхлить землю в феврале, если сезон выпадал не слишком дождливый, или в марте, чтобы уничтожить проросшие травы, и каждый второй год — в конце апреля, когда дерево

приносило плоды, ведь оливы плодоносят через год. Помимо того мужчины делали подрезание и прививку деревьев, их окуливание и орошение в засушливое время года.

Женщины толкли черные блестящие плоды в деревянной ступке. Мужчины давили масло в волосяных мешках, наполненных этим пюре. Их бросали в снабженный желобом чан и рычагами опускали на них пресс. Из этого первого, так называемого холодного отжима получалось самое нежное масло. То, что добывали из оставшейся гущи при повторном отпрессовании ее под пресс после 20-дневного брожения или после «обесцвечивания» в горячей воде, всегда малость горчило. Оливковое масло заменяло микенцам наше сливочное, а заодно и мыло. Им наполняли светильники, оно же шло на изготовление большинства мазей, притираний, духов, благовоний и лекарств. В Микенах определенное количество оливкового масла входило в оплату труда работниц. Стволы олив шли на дрова, всякого рода поделки и изготовление древесного угля.

Правда, часть земледельцев располагала лишь плодами с одного-двух деревьев, да и то «во временном пользовании», приносивших в среднем 5—6 литров масла в год, а самые прекрасные плантации по 60—100 олив на гектар принадлежали святилищам. Только одна деревня Рукито поставляла около 2 тонн масла Кноссу, чьи боги были так лакомы до жирненького. Ритуал требовал, чтобы их идола постоянно обмазывались маслом, а в храмах днем и ночью горели светильники. Всего за месяц жречество потребляло 136 литров масла (табличка *Fr1+31*). В тот день, когда во дворцах вспыхнули пожары, оливковое масло изрядно поддержало и даже разожгло огонь.

Мед и ароматические травы

Не забудем, что в самой середине лета крестьяне выкуривали пчел, вскрывали улья и через глиняную или ивовую воронку выцеживали мед. В то время он

заменял сахар. В больших амфорах мед жертвовали богам в святилищах и посвящали душам усопших.

Хозяева дворцов также требовали, чтобы крестьяне выращивали и поставляли им целый ряд ароматических трав: петрушку, кориандр, тмин, ароматный тростник, мяту, чуфу и некое «финикийское» растение, *ropikiyo*, возможно, содержавшее камедь, — его должны были везти в Кносс, по меньшей мере, 20 девень.

Сельские обычаи и культы

В деревнях почитали не тех богов, что в городе. Незримые владыки там гораздо ближе к земле и человеку. Они обитали в деревьях и вечнозеленых кустарниках, таких, как мирт, кипарис, ель, мастиковое дерево, лавр, крушина и критский платан с вечнозеленой листвой. В разных местностях эти божества называли по-своему — Афайя, Бритомарпис (Кроткая Дева), Дафна, Геллотис, Авксезия, Акакалис (Владычица Нарциссов), Гиацинф (божество гиацинтов). К ним обращались женщины, когда сажали растения и работали, хотели выйти замуж или благополучно разрешиться от бремени. Для них среди ветвей подвешивали кукол, пряди волос или одежду. И повсюду крестьяне почитали священные леса, откуда исходили пророчества.

Другие божества жили под землей. Их старались умиловить приношением «чистых» жидкостей — воды, молока, меда — или приносили в жертву поросят, а все оставшееся после жертвоприношения бросали в яму. Божествам предлагали и различные злаки и хлопья пряжи, сложенные в чаши с круглым дном, *kernos*. Чаще всего эти божества анонимны или носят довольно туманные обозначения — Мать, Дочь, Нимфы, «Тот, кто раскалывает землю» (Эрихтоний), Богач (Плутон).

Боги также являлись в виде птиц — воронов, ворон, сов, кукушек. Спросить совета у подземных богов или душ усопших отправлялись в долину Ахеро-

на или к входам в тенистые пещеры, на мыс Тенар и в великие ущелья Крита. Один из наиболее популярных культов, в XIII веке до н. э., распространившийся по всему Архипелагу, — это культ пещер, где, как верили микенцы, боги рождались, вступали в брак, а иногда и умирали. Женщины приходили туда просить ребенка или удачных родов у Элевфии («Той, что освобождает»), у Реи, матери бога Зевса, у Майи (Доброй Матери) горы Киллены, у Лато (Госпожи), у Ифигении («Той, что дает силы произвести на свет дитя»). Под землей же приобщались к культу Владычицы Зерна, Ариадны (Святейшей) и Диониса. Верующие целовали камень или дотрагивались до идола из кальцита. Большинство скал необычной формы и почти все источники тоже считались священными.

Год проходил в ритме, задаваемом сезонными праздниками и великими событиями сельской жизни вроде появления молока у овец в начале февраля, возвращения ласточек в марте (бывшего предметом предсказаний, пожеланий и песен, зафиксированных с XVI века до н. э.), весеннего сева, перегона овец в горы в апреле, приношения богам первинок урожая, осенних облав, возвращения дождей, «слета» душ усопших, приближения дня зимнего равноденствия или летнего солнцестояния.

Классическая Греция и современный мир наверняка в значительной степени унаследовали обычаи, широко распространенные в XIII веке до н. э., но по текстам нам известно лишь о немногих из них, как, например, о зажигании огня на вершинах гор (Ликей, Тайгета, Юктаса), об обычае молодежи прыгать через костер, о примете связывать долголетие близкого человека с сохранением священной ветви. Когда Мелеагр, сын царя этолийцев Ойнея или бога Ареса, достиг семидневного возраста, его матери, Алфее, явились Парки и предрекли, что судьба ребенка зависит от горящей в очаге головни: стоит ей сгореть дотла — и Мелеагр умрет. Алфея вытащила головню, погасила и спрятала в ларец. Еще мы знаем, что детей купали в священных источниках, и только та часть тела, за которую их держали, оставалась уязвимой. В

те времена, как и сегодня, молодых супругов осыпали зерном и предлагали сообща вкусить тех или иных плодов, символизирующих плодovitость, — яблок, орехов, гранатов, полных алой крови. Но в глубине души люди подозревали, что на дне деревянного ларя с подарками среди пирогов, одежды и украшений, как на дне ящика Пандоры, остается всего лишь слабая надежда.

В тот трагический век люди, жившие в домишках с земляным полом и стенами из сырца, не могли найти утешения ни в надежде обзавестись многочисленным потомством (пришлось бы кормить слишком много ртов), ни в надежде на долгую старость: зная о судьбе Пелея, они предпочитали умирать молодыми, как его сын Ахилл. По большей части крестьяне уповали лишь на минутную забывчивость налогового ведомства или (что, впрочем, сводилось к тому же) на появление какого-нибудь пастуха или героя с бандой добрых молодцев, которые спустились бы с гор и спалили архивы нынешних хозяев. Свободы они не просили. Даже мысль об этом не приходила в голову, хотя, конечно, как все бедняки на свете, микенские земледельцы вздыхали по капельке равенства. Дорийцы, победившие ахейцев, впоследствии сделали это основной темой своей пропаганды, ибо крестьяне не забыли естественного для большинства из них полукolleктивистского уклада жизни во главе с советом общины, *damos*, который всем по очереди раздавал наделы для обработки, *kotona kekemena*.

Сельские ремесленники

Зато они могли развлечься, наблюдая за работой ремесленников, что бродили из деревни в деревню, *demiourgoi*. Последние тоже иногда возделывали землю, но никогда не бывали привязаны к ней постоянно. Они приносили земледельцам мечты, новости, свежие идеи. И всех радовало появление певцов, бродячих сказителей, торговцев, врачей, кузнецов, рудознатцев и горшечников.

Посуду для повседневного обихода горшечник делал в точности так же, как его нынешние наследники в Беотии, на Сифносе, в Маргаритах на Крите или на Кипре. Все они — оседлые жители зимой и кочевники в теплое время года.

Горшечник брал два сорта глины: жирную тяжелую и сухую ломкую. Последняя использовалась как обезжириватель. Обе порции мастер сушил отдельно, измельчал, очищал, очень тонко просеивал, потом смешивал и, залив в чанах водой, оставлял в покое. Подержав глину несколько недель в тенистой комнате или под сводами пещеры, пока ферментация делала ее податливее, бледную массу сбивали и размешивали вручную, чтобы получить нежную на ощупь пасту, блестящую и эластичную. От процеживания и смешивания двух видов глины — «мужского» и «женского» — и в самом деле зависят фактура, цвет и даже запах этой гладкой и скользкой частицы земной плоти. В полутьме мастерской, куда солнечные лучи проникают лишь через дверной проем, горшечник производит на свет свои творения. Он берет немного мягкой глины, сжимает, перекидывает с ладони на ладонь, время от времени похлопывая, словно это существо, которое он решил оживить. Наконец тщательно размятую массу мастер кладет на круг из обожженной глины или испещренного прожилками мрамора, что вкупе с деревянным навершием составляет верхнюю часть станка. Толкнув ногой нижний диск, горшечник приводит гончарный круг в действие. Ось покачивается в подпятнике и отверстия планки, горизонтально закрепленной между двух стоек. Ремесленник то справа, то слева нажимает на ком глины, а тот поднимается, поднимается и словно бы расцветает под его руками. Пальцы проникают вглубь, подщипывают там, придерживают тут. Видно, как появляются нога, бок, брюшко, плечо, шея, рот и губы — все органы вполне живого тела. Не хватает только одной-двух рук, то есть ручек, или крышки-головки, чтобы сходство с чело-

веком стало полным. В Афинах простонародье говаривало, будто Керамос (Горшок) был сыном Ариадны и Диониса.

Еще влажное изделие оставляют в тенечке на полу, периодически поворачивая. Когда мастер сочтет, что глина достаточно уплотнилась, он отнесет свое детище сушиться на солнце, а сам станет художником. Палочкой или кистью он покрывает ангобом внешнюю, а иногда и внутреннюю поверхность всех изделий, которым предстоит отправиться в печь для обжига. Это покрытие — коллоидная глина, очень медленно процеженная и смешанная с древесным пеплом и различными органическими веществами, чей состав и пропорции ревниво сохраняются в тайне. Если покупатель хочет, чтобы на сосуде были фигуры, ремесленник погрузит кисть в коричневатую массу (как правило, богатую окислами железа охру), а иногда — в смесь охры и окиси марганца. Во время обжига и в зависимости от количества воздуха, допускаемого в печь, краски останутся коричневыми, покраснеют или почернеют. А прежде чем поставить сосуды в печь, мастер, разумеется, воззовет к богам ветров, богу или богине — покровителям горшечников, и не преминет заклясть злокозненных духов, по милости которых посуда трескается, а краска облезает, — Смарага, Асбета, Сабакта и Омодама. Ну а после обжига он будет молить Зевса, бога-громовержца, не посылать дождя.

Кузнецы

Иногда не только дети, но и все мужчины деревни собирались в кузнице. Об этом рассказал нам Гесиод, крестьянин и поэт из Аскры в Беотии. Люди грелись, наблюдали за работой, слушали одного из 400 «молотильщиков меди», упомянутых на пилосских табличках, этих захожих умельцев, явившихся из Фракии или далекой Ликии вместе со спутниками, учениками и рабами, вьючными животными и всеми материалами, необходимыми для дела.

Мастера мечтали, что их сыновья будут так же странствовать по всему свету и пользоваться всеобщим уважением, а дочери обретут супруга не менее могучего и состоятельного, чем отец. И, надо полагать, эти мечты нередко сбывались, ведь не случайно во многих странах — от Троады до Крита — верили, что верховного бога еще ребенком поручили заботам братства металлургов, а Гефест, даром что вечно грязный и вдобавок хромой, казался достаточно привлекательным супругом не только для харит, но и для самой богини любви. Рассказывали также, будто эти почтенные мастера-путешественники знали заклинания, неведомые целителям и прорицателям Греции. Их побаивались, но в них нуждались. И дело не в том, что кузнецы ковали необходимые орудия труда, инструменты и оружие, не в том, что кое-кто из них уже выведал у хеттских умельцев, халибов Малой Азии, искусство превращать рыхловатый, богатый магнием камень в гораздо более тяжелый и прочный металл, чем медь, — сталь. Нет, популярность заходящих мастеров скорее объяснялась тем, что в замкнутом и почти неподвижном мире эти пастыри душ внезапно открывали необозримые горизонты.

ЛЮДИ МОРЯ

Путь...

Море, омывающее Архипелаг, предоставляло обитателям суши, *meropes*, двойное преимущество: всем угнетенным, осужденным преступникам, слишком многочисленным детям скудной земли, любителям приключений и просто отважным сердцам оно открывало путь бегства. И намного в большей степени, чем горы с их зарослями, море было символом свободы передвижения. Оно давало человеку ощутить, что он зависит лишь от воли неба и возможностей собственного разума. Но для грека море — в первую очередь проход, *pon-tos*, «широкий путь», *euriporos*, который соединяет континенты с тем или иным из двухсот островов, где живут и выращивают хлеб другие люди, оно же позволяло добраться и до самых отдаленных точек континента. Именно море по-настоящему объединяло народы, несмотря на различие языков, нравов и религий. Привыкшие к постоянному движению и независимости, бывшие пастухи побережий Мраморного, Эгейского и Ионического морей находили в морских волнах то, чем можно насытить любопытство и страсть к риску. И если они начинали помирать со скуки, став на несколько лет или поколений пленниками суши, земледельцами, то поступали, как Одиссей, когда ему наскучили ласки Калипсо: строили

плот или с несколькими товарищами снаряжали лодку и, прихватив запас еды, пускались в путь. Добавим, что грань между оседлым жителем и мореходом на побережье гораздо менее отчетлива, чем в глубине континента: человек может быть то земледельцем, то рыбаком или собирателем съедобных корней и трав в зависимости от времени года, мира или войны, меняя профессию хотя бы ради того, чтобы выжить и прокормиться. Любой грек отчасти — крестьянин, отчасти — мореплаватель.

... открытый сто дней в году

Насыщенная, увлекательная жизнь морехода, сплошь состоящая из расчетов и порывов, в то же время целиком и полностью зависит от сноровки, ибо море, этот «проход к землям», неизменно маячащим вдаль, закрыто большую часть года. Главное — не садиться в лодку без опытного лоцмана, знающего все времена года и ветры. Капризное и скорое на внезапные вспышки гнева Эгейское море — ужасно. «Соразмерность во всем — высшая доблесть», — заметил поэт Гесиод, не без оснований опасавшийся буйства стихии. Недаром он предупреждал, что с того момента, как утром в начале ноября Плеяды улягутся спать до тех пор, пока они не взойдут на плече Тельца в конце апреля, лучше вытащить суда на берег и набить крупными камнями, чтобы они не опрокинулись от ветра, а паруса снять, иначе сгниют от дождей. Убирать снасти, скатывать паруса и вешать над очагом рулевое весло приходилось на целых шесть месяцев.

Первый мореходный сезон длился 50 дней в апреле и мае, когда дул свежий бриз и море не слишком волновалось. И все равно надо было держать ухо востро: шквалы и ливни, встречные ветры с гор, постоянно гуляющий над Ионическим морем южный ветер, а вблизи от Крита и Родоса — неожиданные порывы африканских ветров отнюдь не украшали жизнь моряка. В те времена, как и сейчас, с начала

июня и до середины сентября Эгейское море баламутили летние ветры. Они задували с северо-запада, с севера или с северо-востока обычно около полудня, а к вечеру утихали. Лишь изредка непогода бушевала всю ночь, словно стихия взъярилась ни с того ни с сего. Прозрачный воздух, на небе — ни облачка, но море из голубого вдруг становилось цвета индиго, потом багровело, приобретая все более черный и угрожающий оттенок, не оставляя морякам никакой возможности подойти к обрывистым берегам того или иного островка, особенно с юга. Это означало, что впереди опять три с половиной месяца работы на суше, а вместо дальних странствий — жалкая рыбалка по утрам у самого берега. И только на 50 дней (от осеннего равноденствия до праздника первого вина) открывался второй сезон навигации. В общей сложности — всего 100 дней с месяца *Plowistos* (апрель-май) по месяц *Methu Newo* (ноябрь) риск разбить корабли и потерять экипаж снижался до приемлемых масштабов.

Опасности

Помимо неприятностей, грозящих тем, кто не располагает ни картами, ни компасом, ни константами четырех основных штурманских координат, а ориентируется лишь по форме некогда виденных берегов и положению Большой Медведицы, моряки всерьез боялись всего того, о чем нам так красноречиво повествуют «Одиссея» и «Аргонавты»: внезапного потемнения неподвижного моря, порывов ветра, скопления туч, бури со всеми ее последствиями (сломанной или разбитой молниями мачтой, изодранными парусами, вырванным рулем, отклонением от курса, кораблекрушением или мгновенным погружением в пучину), еще более коварных, чем буря, мелководий, рифов под самой поверхностью воды, где корабль обдирает днище, а то и намертво застревает, тумана и ночной тьмы, скрывающих скалы, пожаров на борту и морских чудовищ. Не стоит забывать, что

тогда по Средиземному морю еще плавали гигантские китообразные, но морехода подстерегали и худшие опасности: ядовитые или хищные рыбы, голод, жажда, усталость от многодневной работы веслами, недосып, упадок духа, вынужденная задержка у негостеприимного берега, потеря всякой ориентации. И тогда соленая вода, *hals*, море, *thalassa*, проход, *pontos*, превращались в безмерность, *pelagos*, и грозное божество, *Okeanos*. «Есть три типа людей, — утверждал легендарный Анахарсис, — живые, мертвые и те, кто уходит в море». Почти все сравнения классических поэтов выражают страх, внушаемый морем, и тем не менее оно влекло греков, кормило и становилось для них насущной необходимостью. Так случилось, что лишь в XIII веке до Рождества Христова, когда предки нынешних обитателей Архипелага стали превращаться в великий народ мореплавателей, они впервые осознали и всю грандиозность своих морских предприятий, и пугающую хрупкость подручных средств.

Корабелы

О названных выше «плавсредствах» у нас нет почти никаких сведений, зафиксированных на табличках дворцовых архивов. Разве что упоминаются несколько профессий кораблестроителей — инженеров, арматоров, точнее, «морских плотников», *naudoto*, а еще, возможно, конопатчиков, *maratewe*, и «парусинников», *kekide*. Впрочем, скорее всего, последнее слово обозначало воинов, носивших верхнюю одежду или плащ из ткани, в отличие от гребцов, *ereta*, вынужденных работать веслами на царских галерах, *barie operote eree*. Знаем мы также, что в те трудные годы они пользовались кое-какими льготами: плотники, конопатчики и «парусинники» были свободны от уплаты «льняного» налога, а многие гребцы получали увольнительные. Великие эпические поэмы тоже не особенно просвещают нас насчет технологии судостроения в XIII веке до н. э.: помимо

того, что авторы не занимались изучением морского дела специально, всегда существует опасение, что они описывали лишь виденное собственными глазами лет через 500 после Троянской войны. К счастью, изображения на древних памятниках искусства позволяют нам уловить главное, а обломки кораблей, недавно извлеченные из морских глубин, дополняют общую картину.

Типы судов

У нас есть около 20 изображений микенских кораблей конца бронзового века (1300—1100 до н. э.). Наиболее отчетливы рисунки на различных глиняных сосудах, обнаруженных в Трагане возле Пилоса, в арголидской Азине, на Скиросе и Милосе, в Гази и Фесте на Крите, на Косе и в Энкоми на Кипре. Макеты или фрагменты макетов из бронзы, глины или слоновой кости принесли раскопки Филадельфии на Милосе и погребальных камер в Микенах, Афинах, Кноссе и на Кеосе. Граффити, начертанные у входа в святилище Гирии в Беотии, представляют шесть кораблей: четыре больших и два маленьких. Но самыми выразительными, вне всяких сомнений, остаются рисунки египетского храма в Мединет-Абу, иллюстрирующие победу фараона Рамзеса III над «народами, что живут на островах посреди Великой Зелени», одержанную в начале XII века до н. э. Четыре египетских корабля прижимают к пристани пять судов противника, копьями и стрелами поражая команду. Благодаря султанам из конского волоса и двойным рогам на шлемах, членов команды удалось идентифицировать как моряков из Малой Азии или с Архипелага. Наконец мы доподлинно узнали, что форма кораблей менялась из века в век, и от страны к стране. Стало быть, микенские суда легко определить путем сравнения.

Критские корабли золотого минойского века (1500—1400 до н. э.) похожи на узкий серп луны. Великолепные настенные росписи, найденные на Сан-

торине, позволяют разглядеть рубку, навес для защиты пассажиров от непогоды и странный горизонтальный аппендикс — стабилизатор или ориентир, перпендикулярный корме. Сирийско-финикийские мастера конца бронзового века придавали своим кораблям форму продолговатой глиняной миски с высоко поднятыми краями. Египетские суда той же эпохи неизменно сохраняли форму банана или длинного и узкого желоба, лишь самой спинкой касающегося воды. Микенские же корабли радикально отличались от всех этих конструкций в форме *C*, *U* и *V*.

По правде говоря, в микенском флоте встречаются все виды судов: от обычных круглых или продолговатых лодок с одной-двумя скамьями, барок, в профиль похожих на морских птиц, весельных шлюпок, челноков вроде каноэ с лопатообразными веслами, гондол с пологом и балдахином, предназначенных только для плаваний вдоль побережья и сообщения между различными пристанями, до тяжелых грузовых кораблей с деревянным овальным корпусом в форме полумесяца, пригодных как для рыбной ловли, так и для перевозки пассажиров и грузов. На печатке из Малого дворца в Кноссе мы видим, как один из этих своеобразных крутобоких галионов идет под парусом и на веслах, везя по волнам Эгейского моря огромного коня. Другие рисунки запечатлели суда с палубами, загруженными кувшинами вина или масла, стволами деревьев, рыбой. Сплошной палубы, впрочем, не было, ее заменяли мостки. Водоизмещение — 100—150 тонн, как на самых маленьких кайках Архипелага. В Иерапетре рассказывают о четырех парнях, которые в 1972 году сели на такую деревянную посудину и то под парусом, то на веслах без всякого мотора за неделю добрались до Александрии. Подобные же суденышки во время последней войны поддерживали связь между оккупированной Грецией и свободной Африкой. И главное, что можно сказать им в похвалу, — при благоприятном ветре углые на вид кораблики прекрасно держались на воде.

Но самым оригинальным остается «длинный» корабль, легкий крейсер, созданный для быстрых переходов, — этакое «беговое» судно. Не вызывает сомнений, что благодаря ему ахейцы континентальной Греции не только вытеснили с рынков широкие минойские суда как на островах, так и на побережьях Азии, но и превратили вооруженные набеги и пиратство в постоянный промысел. Унаследовав в отношении формы кое-что от узких барж Киклад, бывших в ходу уже тысячу лет, а кое-что — от финикийских грузовых судов с прямым гафелем, корабль, который в 1300—1200 годах до н. э. строился на верфях микенского мира — в фессалийском Иолке, в аргонидской Асине, в Матале на Крите, в мессенском Пилосе, в карийском Иазосе и даже в соседних портах вроде Энкоми на Кипре, обладал следующими десятью характеристиками:

- низкая осадка; длина 30—35 метров, ширина в средней части — чуть меньше 5 метров;

- сплошная палуба с люками и двумя полубаками, а также платформами, удобными и для перевозок, и в бою;

- горизонтальный киль; нос и корма приподнимаются вертикально и украшены эмблемами (чаще всего — какой-нибудь рыбой или птичьей головой); корма обычно выше носа, а потому у корабля угловатый профиль вроде перевернутой буквы «Г». Корабль достаточно глубокий и одновременно длинный, ватерлиния поднимается меньше чем на метр от киля, грузоподъемность ограничена, зато скорость весьма высока;

- нижняя часть носа снабжена коротким тараном. Полной уверенности в том, что он использовался для абордажа, нет. Не исключено, что это приспособление просто укрепляло носовую часть судна или облегчало его вытаскивание на сушу;

- 10—12-метровая мачта из смолистого дерева — ели (*Abies cerhallensa*) или кипариса — закреплялась в пазу при помощи целой системы подпорок и рас-

чалок. Она прочно стояла на месте, но могла быть и убрана. Часто наверху для наблюдения устраивали «воронье гнездо», а сквозь большое кольцо под ним пропускали ванты и штаги;

— прямоугольный парус из крашеного льняного полотна, окаймленного кожей. Паруса убирали, отдавали и брали на гитовы с помощью двуострых рей почти 20-метровой длины. При этих условиях размах парусов достигал приблизительно 130 кв. метров. Управляли ими фалами, буинями и шкотами из растительного волокна или плетеной кожи. Неудобство этой оснастки состояло в крайней чувствительности ее к бурям, причем слишком узкая палуба лишь усугубляла трудности;

— при мертвом штиле веслами работали 50 человек: 25 по левому борту и 25 по правому, весла вставлялись в ключины. Судя по изображениям из Энкоми и Мединет-Абу, сиденья для гребцов могли располагаться ниже уровня палубы. Включая рулевого и лоцмана, начальника гребцов и офицеров, экипаж галеры обычно составляли 60 человек. Между гребцами допускалось расстояние около трех футов, или чуть больше 90 см;

— наружную обшивку судна дополняли планширь и порты, к которым крепились ставни в форме щитов. Это все защищало палубу от сильной волны и увеличивало мощь корабля;

— руль состоял из двух полированных и расширяющихся к концам планок или скрещенных весел шириной чуть больше обычного и наклонной ручки. Края весел вставлялись в две деревянные закраины на планшире, и рулевой поворачивал их с полубака или из кабины на корме;

— якорь заменял тяжелый продолбленный камень на пеньковом тросе. Его использовали на стоянках, уменьшая таким образом нагрузку на причальные тросы, лестницы и перила сходней.

Из всех новшеств, привнесенных по сравнению с минойскими судами предшествующих веков, наиболее явными свидетельствами прогресса можно считать палубу полубака, форштевень, марс и кольцо,

закрепленное у вершины мачты, — возможно, примитивный вариант шкива. За все это греки воздавали хвалы богам или каким-нибудь местным гениям-покровителям: Талосу — на Крите, Дедалу и богине Афине — в Аттике, Паламеду — в Арголиде, Прометею или Гефесту — на островах, населенных пеласгами. И так ли уж важно, что микенцы не сами придумали, а приспособили египетские и финикийские изобретения к своим условиям? Главное, их ум и предприимчивость сумели извлечь максимум пользы из жалких бронзовых инструментов, коими располагали тогдашние мастера, — топоров, тесел, скобелей, пил, буров, пробойников, — и смогли с толком распорядиться чахлыми лесами, не до конца еще погубленными многочисленными стадами.

Никакого единообразия в кораблестроении не существовало. Как и во все времена, инженеры-корабелы XIII века до н. э. терпеть не могли серийных заказов. Каждое судно обладало индивидуальными, лишь ему присущими чертами, собственным флагом или эмблемой, цветом (красным, черным, охряным, пестрым) и даже именем. Кто не помнит знаменитого «Арго» («Быстрый»)? Мастер-корабел имел собственные эталоны и приемы, тайны и секреты искусства, которые передавал лишь сыну или любимому помощнику. Я думаю о Ферекле, сыне Тектона, архитектора и внуке Гармона, сборщика. Если верить легенде, это он строил троянцам отличные быстроходные корабли, позволившие Парису-Александру похитить Елену и спастись от погони.

Лодки

Прежде чем взглянуть на них в действии, пожалуй, будет справедливо подчеркнуть особую роль в ту эпоху не оцененных по заслугам лодок, чье изобретение финикийцы (кстати, великолепные мореходы) приписывали богу Котар-ва-Хасису. Совершенно очевидно, что автор V песни «Одиссеи» еще примерно в 700 году до н. э. видел, как делают барки, *ske-*

dia(s), или «импровизированные суда». За четыре дня на почти пустынном острове Огигии «хитроумный» Одиссей сумел построить «плавсредство», способное продержаться на воде 18 дней и преодолеть огромное расстояние, отделяющее Гозо или Линозу на юге Сицилии от Корфу, одного из Ионических островов: «Начал рубить он деревья и скоро окончил работу; двадцать он бревен срубил, их очистил, их острою медью выскоблил гладко, потом уравниал, по снуру обтесавши. Тою порою Калипсо к нему с буравом возвратилась. Начал буравить он брусья и, все пробуравив, сплотил их, длинными болтами сшив и большими просунув шипами; дно ж на плоту он такое широкое сделал, какое муж, в корабельном художестве опытный, строит на прочном судне, носящем товары купцов по морям беспредельным. Плотными брусьями крепкие ребра связав, напоследок в гладкую палубу сбил он дубовые толстые доски, мачту поставил, на ней утвердил поперечную райну, сделал кормило, дабы управлять поворотами судна, плот окружил для защиты от моря плетнем из ракирных сучьев, на дно же различного грузу для тяжести бросил. Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины крепкой ему принесла. И, устроивши парус (к нему же все, чтоб его развивать и свивать, прикрепивши веревки), он рычагом могучим сдвинул свой плот на священное море...» («Одиссея», V, 243—261).

Техника сборки

Особенно тонкое искусство требовалось от рабочих корабельных верфей, когда надо было собрать пояс наружной обшивки судна, потому что приходилось создавать сначала вогнутую, а потом выпуклую форму. Тут нельзя было обойтись без хорошего плотника, и мы имеем все основания утверждать, что до конца существования Римской империи греческие кораблестроители в целом работали так же, как и их египетские предшественники. Выбрав длинный брус для киля, они с помощью деревянных шипов и шты-

рей, вставляемых в пазы, начинали крепить все доски корпуса, и только потом для вящей прочности вводили и фиксировали всю совокупность шпангоутов. Такую технологию специалисты называют *shell first technique* (техника «сначала корпус»). О ее использовании мы знаем не только от Геродота («История», II, 96), описавшего строительство египетской бари, не только благодаря изучению нескольких скрепленных шипами частей судна, найденных в 1960 году на дне моря у мыса Хелидония и датированных как раз эпохой Троянской войны, но главным образом по немногочисленным обломкам и останкам кораблей, и по сегодняшней день извлекаемым из Средиземного моря и озера Неми.

Такому способу, впрочем, распространенному по всему миру, противостоит метод кораблестроения, восходящий к Ранней Римской империи и называемый *skeleton first technique* (техника «сначала остов»), когда к килю сперва прикрепляют шпангоуты, а потом обшивают их досками. Заслуга г-на Л. Баша* заключается в доказательстве того факта, что всегда существовали и существуют промежуточные системы, и что даже в античном Средиземноморье должны были использоваться формы и лекала (по-гречески — *nomeis*) или эталоны, изготовленные заранее (хотя бы для выполнения повторных заказов и экономии времени). Подолгу наблюдая за работой плотников и конопатчиков на островах, я и впрямь пришел к выводу о том, что их предшественники, от которых могли внезапно потребовать тысячу «полых» кораблей для транспортировки или тысячу «длинных» быстроходных судов, в первую очередь закрепляли по лекалу основные детали — киль, форштевень и корму — и устанавливали несколько шпангоутов. Потом с помощью рамок, палочек и крестовин вымеряли, какую ширину и высоту придать подводной части и планширю, наконец кусок за

* Lucien Basch: «Ancient wrecks and the archaeology of ships», article paru dans «The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration», vol. 1 (mars 1972), pp. 1—58.

куском подгоняли обшивку и заканчивали установкой остальных шпангоутов. Таким образом, обе технологии чередовались.

Конопатчики, вооружась бронзовым лезвием и молотком, ликвидировали отверстия в досках, все стыки палубы и стен кабины. Для этого они использовали паклю, коноплю, волокна тростника, гороха и воск. Внешнюю поверхность дерева скоблили и полировали, потом еще одна группа мастеров принималась за покраску. Многочисленные канатчики плели тросы и канаты из дрока и льна, вязальщики сетей, *dekutuwo*, ткачи и ткачихи, *newewiya*, *iteya*, шорники, *raptere*, трудились в каждом, пусть даже самом маленьком порту, изготавливая такелаж. Пока подводную часть судна на тележке стаскивали со стапелей и в течение нескольких недель испытывали в бассейне, верхнюю часть продолжали оснащать и готовить к дальним походам, а на корпусе рисовали какой-нибудь знак-талисман — например, широко открытый глаз. На последнем этапе божествам моря приносили жертвы, чаще всего — кувшин вина или голову животного: быка, оленя и т. д. Легенда гласит, что вместо царской дочери Ифигении богиня удовольствовалась ланью. Но, так или этак, вечно жаждущему божееству заранее предлагалось немного крови, чтобы когда-нибудь оно не возжелало крови самого экипажа.

Предназначение кораблей

Пока на суше рабочие продолжали полировать весла, сшивать и перешивать паруса, сплетать волокна не поддающегося гниению дрока или старательно отбивать на каменной плитке кальмара, чтобы его мясо стало нежнее, галион, распутивший паруса, или галера со своим склоненным над веслами единственным рядом гребцов отдавали швартовы, и отважный экипаж, соскучившийся среди снастей, а также груз и пассажиры отправлялись искать приключения. Корабль «с неисчерпаемым множеством

деревянных гвоздей», направляемый спереди лоцманом, а сзади — рулевым, мог в зависимости от обстоятельств стать рыболовным или грузовым судном, перевозчиком войск и лошадей, а то и корсаром. В те времена специализация, несомненно, не заходила так далеко, как это обычно воображают. Недаром, словно в насмешку над нами, художники то и дело путают типы кораблей. Литературная традиция, со своей стороны, показывает нам одних и тех же людей в роли то гребцов, то рыболовов, то купцов, то пиратов. Впрочем, сам Фукидид, наиболее серьезный из античных историков, утверждает, что вплоть до V века у этолийцев и акарнанцев, соседей древнего царства Одиссея, пиратство считалось самым обычным добропорядочным промыслом. А обычай пиратов носить оружие, сохранившийся у этих племен, добавляет он, — лишь пережиток старинных грабительских традиций: «Подобное занятие не предполагало ничего постыдного; скорее, оно приносило немного славы» («История», I, 5).

Рыбная ловля

Не пытаясь сочинить роман или драму, мы запросто можем последовать за одним из таких судов на рыбную ловлю. В Средиземном море тогда водилось гораздо больше рыбы, чем ныне. Остановив корабль, моряки ловили ее на удочку. Свинцовая проволока с бронзовым крючком (место, где он крепился, защищала роговая оболочка) приносила весьма ценную добычу, если верить изображениям: дораду, скорпену, рыбу-попугая, лобана, барабульку, меч-рыбу. Закидывали и толстую лесу с насаженными на нее крючками. Сети (в основном — накидные) и бредни предназначались для поимки любимого лакомства — сардин и анчоусов. Использовали также сети для ловли на глубине и треугольные сети с поплавками из коры пробкового дерева. На критских печатях нередко изображали рыбу, попавшую в вершгу. Еще микенцы занимались подводной охотой: огоражива-

ли сетями большие участки, загоняли туда рыбу и заостренными кольями глушили ее и загарпунивали. С этой же целью перегораживали тихие заводи на пути миграции косяков из Эгейского моря в Черное. Таким образом, для нас еще больше проясняется экономическое значение Дарданелл, древнего Геллеспонта, и одна из причин Троянской войны.

Рыбаки считали, что на их промысел благотворно влияет присутствие дельфинов — животных, если угодно, священных. Микенцы, как и их нынешние потомки (я сам слышал об этом от рыбаков на Кикладах и Крите), воображали, будто дельфины загоняют косяки рыб в сети или нарочно перекрывают выход из лагуны, чтобы люди могли перебить как можно больше тунца. За столь выдающиеся способности дельфинов ценили выше, чем самых умных и понятливых собак, считали их друзьями, а порой — и воплощением богов. Этих добровольных помощников призывали, благодарили, давали им слушать музыку, угощали свеженаловленной рыбой, а кое-где дружба становилась настолько тесной, что достаточно было слегка шлепнуть по воде у берега коромыслом — как сразу появлялся дельфин. Что касается тюленей и морских коров, в ту эпоху весьма многочисленных, то на них охотились и всячески стремились их уничтожить, поскольку эти животные рвали сети, поднимали слишком много шума и нестерпимо воняли. Вдобавок из различных частей их туш вырезали талисманы.

Осьминог, чьи стилизованные и вполне реалистические изображения украшают столько ваз и саркофагов, считался воплощением хитрости, стремительности, гибкости и изящества. Похоже, в нем видели проводника душ моряков, не вернувшихся на сушу. Мясо осьминога — как вареное, так и жареное — очень ценилось, а чернила продавали художникам и дворцовым писцам. Охотились на осьминогов с гарпуном после долгого наблюдения за расщелинами среди камней и водорослей, где животное могло затаиться в ожидании добычи. Некоторые рыбаки, подобно Тесею, с детства учились нырять и подолгу оставаться на глубине, собирая черные губки. На земле

их хорошенько топтали, чтобы убить, потом высушивали, отбеливали щелочью или известью, выжимали и сбывали, ко взаимной выгоде, ремесленникам, широко использовавшим этот материал, — штукатурам, горшечникам, кузнецам. В знаменитом отрывке из «Илиады» мы видим, как Гефест губкой смывает с себя сажу, дабы достойно принять изящнейшую морскую богиню Фетиду: «Губкою влажною вытер лицо и могучие руки, выю дебелиую, жилистый тыл и косматые перси» («Илиада», XVIII, 414—415).

Разумеется, рыбаки не брезговали также раковинами морских ежей и ракообразных. Останки этих даров моря нередко находят в гротах, где в конце XIII века до н. э. охотно селились беженцы, — например, в Акротири и Апокороне на Крите, на Кикладах и Родосе. Гомер уверяет, что уже тогда существовали страстные любители устриц, и даже в штормовую погоду моряки ныряли за этим изысканным лакомством («Илиада», XVI, 745—748). Однако в целом его произведения доказывают две несомненные истины: во-первых, морские животные в меру своей съедобности служили пищей только беднякам, а во-вторых, греки, будучи прирожденными обитателями суши, сами опасались прожорливости рыб и ракообразных. Большинство микенцев наверняка не умели плавать. В отличие от сирийцев, которые приносили рыбу в жертву, сами ее не употребляя, греки иногда ее ели, но в жертву не приносили никогда: их боги предпочитали тучное мясо обильных гекатомб. Икра лобана, подсушенная на солнце, копченая, соленая, спрессованная, играла ту же роль, что ныне — черная, и носила, вероятно, азиатское название *tarikbos*. Ее использовали как средство, возбуждающее страсть.

Пурпурницы и багрянки. Морские водоросли

С особой страстью ловцы Эгейского моря охотились за двумя видами хищных моллюсков — пурпурницей и багрянкой. Из *Murex trunculus* или *brandararis*, точнее, из маленькой железы «цветка», находя-

щегося на самом кончике моллюска, добывали каплю белесоватой жидкости, которая, смешавшись с сотнями подобных капель, а также солью и уксусом, приобретала на солнце сначала желтый, потом ярко-красный, багряный и, наконец, пурпурный цвет. Именно этот пурпур, нанесенный в несколько слоев или концентрированный, считался самым лучшим красителем для роскошной одежды, для росписи слоновой кости и драгоценных пород дерева. Прилагательное *porpureyo*, *porpureya*, «пурпурный, пурпурная» полностью и в сокращенном виде четырежды встречается на табличках из Кносского дворца. Дело в том, что Крит вел широкомасштабную ловлю пурпурниц в заливах Гераклеяна, Малии, Мирабелло, в бухтах и у соседних островков Итаноса, на острове Куфонизи и значительной части южного побережья между мысом Гудурас (античный Эритрейон, или Красный мыс) и мысом Сидония. Местами кучки сломанных или раздавленных раковин обнаруживаются поблизости от вырубленных в скале больших водоемов. Критским морякам удалось обеспечить себе эксклюзивное право ловли, консервацию в садках и, наконец, обработку пурпурниц во многих уголках Киклад, на Кифере и на побережье Пелопоннеса по соседству с Монемазией (античный Миноа).

В октябре и апреле ловля пурпурниц приводила к ожесточенным, если не сказать кровавым состязаниям с участием военных эскадр. Последние вступали в дело хотя бы для того, чтобы очистить греческие воды от финикийских кораблей. В те времена финикийцы из Сидона, Тира и Дора лучше всех окрашивали ткани. Их промышленное превосходство привело к тому, что все оттенки пурпурного цвета получили название «феникс».

Множество кузовов колесниц в Кноссе красили в алый или пурпурный цвет, *ponikiya*, или *ponikea*. На одной из табличек, где речь идет о поставках тканей, красильщица также названа *ponikeya* (KN, Ln 1568).

До классической эпохи настоящий пурпур ценился на вес серебра, поэтому страны победнее пользо-

вались преимущественно лиловым или фиолетовым красителем, полученным из желез багрянки, другого моллюска, похожего на крупную улитку винного оттенка. Из водорослей получали еще одну краску, *aroa*, красную, добытую из фуксии, на табличках сокращенно обозначали *phi*.

Засолка и соби́рание

На земле рыбаки располагали вершами и садками, где могли какое-то время хранить живую добычу. То, что не жарилось, не варилось, не обменивалось и не распределялось на месте, шло в засол. Известно, что на всем низменном побережье Греции имелись солончаки, и торговля солью являлась одной из самых крупных статей дохода. Вероятно, уже с микенской эпохи помимо икры под названием *tarikbos*, о которой мы уже упоминали, существовала соленая приправа типа рассола, *garos*. Это нечто вроде распространенного в Юго-Восточной Азии соуса ноук-мама. Готовили его так: внутренности крупной рыбы (скажем, макрели или скара) раздавливали, добавляли к ним анчоусы и всякую мелкую рыбешку, все вместе пропитывали солью и на пару месяцев оставляли вялиться на солнце. В римскую эпоху эта приправа получила название *garum*, а на средневековом Западе — гарон.

В ненастное время моряки превращались в собирателей моллюсков и полудрагоценных камней. Последние они поставляли резчикам печатей. На многих побережьях к югу и юго-востоку от вулканического Санторина в корзины собирали серую пемзу или приносимые морем обломки камня с высоким содержанием железа. И то и другое использовалось не менее чем в двух десятках ремесленных промыслов, медицине и домашнем хозяйстве.

Другие довольствовались грабежом обломков кораблекрушений. Право собственности на находку уже существовало. Кое-кто, уподобляясь знаменитому Навплию, сам устраивал крушения к собственной

вящей пользе. Легенда гласит, что, когда после взятия Трои греческий флот подплывал к Каферийскому мысу (к югу от острова Эвбея), не в меру изобретательный отец столь же ловкого Паламеда разжег ночью огромные костры на скалах, в результате чего разбилось немало ахейских кораблей. Сколотив таким образом состояние, Навплий и сам, по-видимому, разделил участь ахейских мореходов. Ведь должна же была, в конце концов, восторжествовать мораль?

Береговые стражи

Берега, как мы видели в главе о жителях цитаделей, в хорошо организованных государствах охранялись даже в конце XIII века до н. э. Так, за побережьем Мессении надзирала береговая стража, составленная из расчета: пять человек на километр. Ей вменялось в обязанности сообщать в столицу, Пилос, о появлении любого подозрительного судна. Табличка *An 657* начинается такими словами: «Наблюдатели обеспечивают защиту прибрежных районов. Гарнизон Малей в Овитносе...» Далее следуют имена офицеров и инспекторов, общая численность личного состава, отметки об изменениях в гарнизоне. В других табличках, по-видимому, выражается беспокойство из-за увольнений, самовольного отбытия с места службы, неоправданных перемещений. По меньшей мере 30 человек из разных точек побережья были отправлены в Плеврон. В каждой группе назначали ответственного лицо, следившее за постоянным присутствием своих людей, являвшихся не только стражами, но и гребцами, *ereta*. В крупные города тревожные вести передавались посредством оптической сигнализации — разложенных на вершинах гор костров, а также с помощью гонцов. И можно не сомневаться, что тогда, в конце XIII века, на море отнюдь не было спокойно. Наши собственные раскопки показали, что все пещеры-убежища на северо-западном побережье Крита спешно заселялись как раз в это время.

После уничтожения большей части организованного и дисциплинированного флота, доставившего войска в Троаду, море оказалось в руках нескольких авантюристов — скорее пиратов, чем торговцев. Они промышляли тем, о чем постоянно напоминает в «Одиссее»: налетами на плохо охраняемые берега и грабежом. Вспомним: «Ветер принес нас ко граду киконов, Исмару (на побережье Фракии к северо-востоку от Фасоса. — П. Ф.). Град мы разрушили, жителей всех истребили, жен сохранивши и всякого рода сокровищ награбивши много, стали добычу делить мы...» («Одиссея», IX, 39—40).

Или же они занимались более чем своеобразной торговлей. Все, в чем свинопас Одиссея Эвмей так горько упрекает финикийских купцов, наверняка проделывали и сами микенцы, не уступавшие в коварстве своим заклятым врагам и конкурентам во всех городах и весях Средиземного моря. «Те же, год целый на острове нашем оставшись, прилежно свой крутобокий корабль нагружали, торгуя, товаром, — рассказывал Эвмей. — Но когда изготовился в путь нагруженный корабль их, ими был вестник о том к финикийской рабыне отправлен; в дом отца моего дорогое принес ожерелье, крупный электрон, оправленный в золото с чудным искусством...» Пока обсуждалась цена, рабыня-сообщница украла несколько кубков и отдала царского сына в руки финикийцев, а те подняли якорь («Одиссея», XV, 455—475).

Рождение коммерции

Но все идет из рук вон плохо, когда приходится иметь дело с более сильным противником. Одиссей после десятка военных кампаний в чужих краях решил сделаться торговцем. Он снарядил девять критских кораблей «в форме полумесяца», раздобыл груз и, влекомый северо-западным ветром, за пять дней достиг устья Нила. Пока новоявленный купец договари-

вался с местными властями, его спутники начали грабить поля египтян, умыкать женщин и детей, бить и убивать мужчин. Поднялась тревога. Всю равнину заполонили пешие и конные воины. Греков охватила паника. Одних поубивали, других взяли в плен и обратили в рабство. Лишь сам Одиссей получил от фараона помилование, поскольку успел обменяться с ним дарами гостеприимства («Одиссея», XIV, 252—279; 427—441).

Когда же все шло по правилам, хозяин корабля (он мог быть одновременно и капитаном, и торговцем) действительно отправлялся искать начальника порта, где бросило якорь его судно. Он предлагал дары (на Ближнем Востоке мы бы сказали «бакшиш»), чтобы получить разрешение на продажу товара. Если власти не имели ничего против, они, чтобы не остаться в долгу, принимали чужеземца как гостя и в свою очередь чем-нибудь одаривали его. Так, на бухгалтерских табличках из Кносса и Пилоса неоднократно упомянуты одежды или масло «для гостей», *keseniwiya*. Несколько подарков, сделанных путешественником влиятельным господам, капитанам кораблей, состоятельным негодьянтам, весьма облегчали переговоры. Если гость совершал бесчестный поступок или учинял скандал, сухопутные власти могли взять в залог его суда вместе с экипажем. Кроме того, прежде чем корабль поднимал якорь и отправлялся восвояси с новым грузом, его владелец не забывал поблагодарить гостеприимных хозяев и снова раздать подарки. Именно из этого обычая и родилось таможенное право.

Жизнь на борту

Жизнь на море и так была достаточно тягостной, а тут еще постоянное ожидание обмана или нападения. Некоторые островитяне, как, например, жители Ионических островов, легендарные феаки, создали себе репутацию превосходных проводников. Ни одно путешествие невозможно без хотя бы минимально гарантированной безопасности. Чтобы защи-

тяться от грабителей и отчасти от стихий, галеры и «длинные» корабли делали скоростными и маневренными. В крайнем случае гребцы превращались в воинов. Но суда оставались слишком хрупкими, чтобы устраивать в открытом море настоящие сражения, недаром о таком не сообщает ни один из древних текстов. В те краткие два 50-дневных периода, пока длилась навигация, на торговые и транспортные суда грузили все, что узкая палуба и малое водоизмещение позволяли прихватить с собой. До самых недавних времен на Архипелаге странствовали по волнам в ужасающей тесноте: люди, животные, груз, багаж, вода, захлестывающая палубу, и невыносимая вонь. В античности пассажирам и экипажу приходилось время от времени вычерпывать воду, а также устраивать охоту на блох и крыс, довольствоваться сухарями и вялеными фруктами, страдая от жажды, если путь предстоял неблизкий. По ночам либо разбивали лагерь возле вытасченного на сушу судна, либо полагались на знания лоцмана, а тот в свою очередь — на звезды, собственную память и милость фортуны: костяшки и талисманы с корабля, затонувшего напротив Хелидонского мыса, показывают, чему веряли свою судьбу древние мореплаватели. Легенда сохранила для нас имена нескольких лоцманов микенской эпохи: это Феак из Саламина и Навсифой (лоцманы Тесея), Тифий и Эргиний (кормчие «Арго»), Фронтий, служивший Менелаю, и Палинур, прокладывавший путь кораблю Энея. При этом стоит упомянуть, что многие из них погибли трагически.

Транспортные суда

Что же за ценности они перевозили, вкладывая столько трудов и усилий? Из Греции в варварские страны везли, как мы видели, в основном ткани, вино, ароматизированные и неароматизированные масла, керамику. К этому списку следует добавить оружие и драгоценности — то и другое археологи изредка находят в Италии, Малой Азии или Египте. В Грецию же из

этих стран поставляли то, в чем больше всего нуждались микенские ремесленники: минералы, бронзу, редкие породы деревьев, слоновую кость, драгоценные металлы, восточные благовония, свитки папируса. Но главное, из одного эллинизированного государства в другое, как и из совсем уж чуждедальних краев, на Архипелаг плыли мужчины, женщины и новые веяния. Во времена Троянской войны, несомненно, много путешествовали по морю хотя бы ради того, чтобы раздобыть прислугу; особенно ценились женщины, владеющие каким-либо ремеслом. В дворцовых списках значится немало женщин, чьи имена указывают на иностранное происхождение. Мастерским требовались умелые работницы, богатым домам — слуги, вождям — наложницы, храмам — божьи рабыни, а иногда и проститутки. Их добывали в лихих набегах, покупали, обменивали, а детей, предназначенных для службы, специально обучали. Пилосские таблички указывают, например, среди гребцов особые группы переселенцев, *posiketere*, колонов, или поселенцев, *kitita*, и новых колонов, *metakitita*. Никогда раньше некоторые острова в самой Греции не бывали так плотно заселены, как это происходило на протяжении XIII века до н. э., когда их колонизировали ахейцы. Так обстояло дело на Кикладах (Сирос, Сифнос и особенно Делос), на северном побережье Крита и на Родосе. Волей-неволей приходится поверить, что пиратство не так уж и мешало путешествиям, ибо количество прибрежных поселений стремительно разрасталось, причем в довольно уединенных местах.

Торговые поселения

Если ахейцам не было нужды вновь отправиться на войну или в грабительский поход, некоторые из них мало-помалу оседали в чужих краях, предпочтительнее — в каком-нибудь порту или процветающем городе. Сначала возникало небольшое «отделение торговой фирмы», что-то вроде фактории для значительной группы торговцев и ремесленников, ко-

торых терпели «варварские» цари. Таким поселенцам надлежало повыгоднее сбывать грузы с эллинских кораблей, то есть обменивать их на «дефицитные» и «повышенного спроса» товары, с которыми купцы отправлялись в обратный путь. Они старались ладить с местными властями, а те, как, например, царь Угарита, с удовольствием приобретали масла, вина, зерно и произведения искусства с Запада. Более того, иногда заключались союзы гостеприимства с капитанами кораблей из других стран. Обмены подарками порождали взаимные обязательства, входили в привычку. Одиссей, ставший купцом (подобно многим другим грекам вплоть до сегодняшнего дня) в Египте, считал вполне заурядной такую историю: «Целых семь лет я провел в стороне той и много богатства всякого собрал: египтяне щедро меня одарили; год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем; прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный, злой кознодей, от которого много людей пострадало; он, увлекательной речью меня обольстив, Финикию, где и поместье и дом он имел, убедил посетить с ним: там я гостил у него до скончания года. Когда же дни протекли, миновали месяцы, полного года круг совершился и Оры весну привели молодую, в Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем; сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил...» («Одиссея», XIV, 285—297). Таким же образом Менелай в течение семи лет наживал состояние в Египте, затем в Ливии, Финикии, на Кипре, «собирая много изделий и золота», прежде чем вернуться в Спарту и очаровать юного Телемаха рассказами о жизни удачливого купца и воина («Одиссея», III, 299—302; IV, 351—586). Легенда утверждает, что именно в Египте Менелай вновь обрел любовь своей Елены... или другой прелестницы. Многие разбогатевшие купцы женились на местных уроженках, пускали корни, и греки поколениями жили в гостеприимных землях.

Как легендарные Одиссей и Менелай, в Египте и других цивилизованных государствах купцы труди-

лись, не покладая рук, о чем свидетельствуют древние бухгалтерские ведомости: импорт-экспорт, меновая торговля, куртаж, ссуды под проценты, спекуляция на зерне и т. д. Нетрудно угадать, что фараон не хотел отпускать столь богатых и выгодных банкиров, не выжав из них достойной платы. Менелая 40 дней держали на острове Фарос, пока по совету Протея, то есть Прути, какого-то неизвестного нам царька, он не пожертвовал нильским богам огромную гекатомбу. Существовали подати и контроль, или, как целомудренно выражается сказитель, «испытания».

Коммерческое чутье греков, их ум, натренированный в общении с семитскими купцами, способный постоянно подсчитывать и предвидеть результат, многовековое использование на всем Ближнем Востоке эталонов, например, сирийско-киприотского таланта, равного двадцати шести килограммам и делимого на 60 минут, чашечных весов, печатей, учетных книг, рекомендательных писем, письменных поручительств, расписок — все это позволяло хозяину груза обогащаться, ведя крупную торговлю и не прибегая даже к незначительному обману. Напрашивается вывод, что экипажи грузовых кораблей, галионов и галер годами промышляли иным ремеслом, нежели арматорское. Если же они предпочитали не бросать хозяина и вместе с ним осесть на чужбине, то должны были проживать в специально отведенном для иноземцев квартале и зарабатывать на пропитание. А чем и сегодня занимаются греческие эмигранты в Южной Африке, Австралии, Канаде? Да тем же, чем их отцы и самые отдаленные пращуры по всему периметру Средиземного моря: не имея возможности купить хорошую землю и выращивать урожай, они становятся ремесленниками, портными, парикмахерами, бакалейщиками, клерками. И все рассчитывают годам к пятидесяти, достигнув благосостояния, вернуться на родину.

Появления шестидесяти молодых мужчин (а именно таков был экипаж одной элинской галеры) было достаточно, чтобы в чужом городе возбудить невероятное любопытство. Язык, одежда, вооруже-

ние, необычный груз, нравы — все привлекало внимание более или менее отсталых оседлых народов, а главное — женщин. Если заключались брачные союзы, иными словами, моряки переходили на сухопутный образ жизни, возникала маленькая колония без какого-либо отца-основателя или хотя бы осознанного желания ее обустроить. Прибытие родственников и друзей, оставшихся в Греции, способствовало быстрому увеличению численности греческого квартала. А потом в один прекрасный день он обретал такое могущество, что нередко требовал от местного суверена режима наибольшего благоприятствования, права свободного передвижения, собственного правосудия, разрешения носить оружие и возводить крепостные стены, дабы обороняться от возможных набегов. Именно таким образом во многих точках побережья Малой Азии, в Милете, Смирне, Колофоне, Ясосе греки под именем ахейцев или ионийцев в конце концов закрепились и построили небольшие города. И, кстати, задолго до массового поселения греков в египетском Навкратисе в VII веке до н. э. спутники легендарных Менелая и Елены добились концессии на остров Фарос, расположенный напротив будущей Александрии. Понятно также, почему после разорения мелких государств континентальной Греции и островов факел греческой культуры по-прежнему горел на берегах Малой Азии, куда отправлялись искать убежища многочисленные изгнанники. Эолийской и ионийской колонизации предшествовала ахейская «имплантация».

Торговое проникновение: восток и юг

И все же проникновение ахейцев в «варварские» земли не стоит переоценивать. Присутствие греческой керамики XIII века до н. э. в таких далеких городах, как Мари на Евфрате, египетские Фивы или Луна к северу от Рима, могло быть усилием одного-двух коммерсантов, к тому же вовсе не обязательно греков. Торговые связи допускают участие в деле множе-

ства посредников. Но когда смотришь на карты, составляемые археологами на Крите, в Сирии, Палестине и Малой Азии, где отмечены находки «микенских» сосудов и произведений искусства, а также творений, вдохновленных микенцами между 1250 и 1220 годами, невольно думаешь про себя, что греческая цивилизация в то время достигла удивительного блеска, а ее экспансия никогда прежде не была столь мощной и значительной. В качестве примера можно привести не менее 50 поселений в сирийско-палестинских государствах, где спорадические открытия убеждают в присутствии торговцев или ремесленников с Греческого архипелага. Наиболее известные — Амман, Мегиддо, Сидон, Угарит, где островитяне обзавелись собственным базаром. На Кипре до Троянской войны они имели право торговать лишь в Энкоми, античной Аласии. Но в десятке других городов острова, в том числе в Курионе и Марони, археологам попадаются оружие и керамика в микенском стиле. Очевидно, в XIV веке вместе с торговцами из Арголиды или с Крита приплыли и в меру возможностей расселились ахейские ремесленники — гончары, бронзовщики, ювелиры. В конце XIII века, несомненно, из-за гражданских войн, сотрясавших континентальную Грецию, на Кипр хлынула волна беженцев. Эти иммигранты сначала устроились на побережье, потом перебрались во внутренние цитадели, а в середине XII века накатилась вторая волна, положив начало общей эллинизации острова. Искусство, форма правления и язык Кипра надолго сохранили типично ахейский характер. Кипрский диалект в конце концов стал напоминать язык пастухов Аркадии, прямых потомков скотоводов, упоминаемых на табличках Пилоса, Тиринфа и Микен около 1220 года до н. э.

Север

К северу от Эгейского моря проникновение ахейских торговцев шло труднее — то ли из-за тамошних ветров, то ли из-за недоверчивости и грубости мест-

ных жителей. В Македонии до сих пор лишь в пяти местах откопали предметы, сделанные в микенскую эпоху, причем три из этих мест расположены вокруг будущих Фессалоников и, что весьма показательно, соседствуют с золотыми и серебряными рудниками неподалеку от нынешнего Килкиса. Раскопки сожженной ахейцами Трои обнаружили, что наряду с керамикой местного производства (стилистически довольно близкой к той, что делали крестьяне Центральной Греции в XVI веке до н. э.) троянцы пользовались также и микенской. Правда, ее там немного. Но как вообще туда попала греческая керамика? Торговцы ли постарались завезти ее в крепость, или, как утверждает эпос, ее появление стало возможным благодаря родству царствующих домов и многочисленным дружеским связям?

Читателей «Илиады» удивляет, что троянцы и их противники ахейцы говорят на одном языке, поклоняются тем же богам, следуют одинаковым воинским обычаям. Можно подумать, это братья-враги, и судьба колеблется, не зная, кого из них выбрать. Если война вспыхнула и впрямь из экономических соображений, противники настолько сходны между собой, что уничтожать друг друга просто не имело смысла. В самом деле, на каком языке изъяснялись в Трое к моменту ее падения, около 1250 года до н. э.? По свидетельству античных географов, Троаду населяли дарданцы, лелеги и пеласги, что решительно ничего не значит. Изучая названия городов, гор, рек и мысов, мы поражаемся, видя, что все эти точки в Троаде носят имена, распространенные от побережий Фракии до критских: Ассос, Берекинф, Гаргар, Ларисса, Олимп, Пергам, Самоний, Фивы. Все они свидетельствуют о том, что здесь бытовал язык доэллинических скотоводов и земледельцев Архипелага, которым в 1250 году еще пользовались на многих островах и даже в континентальной Греции, включая Фессалию. Можно сказать, что, напав на троянцев, ахейские воины и коммерсанты мерялись силой со старшими братьями. Ссора осталась без последствий: не успела Троя сгореть, как ее заново отстроили,

заселили, и местные жители начали покупать микенские сосуды «нового стиля».

Что до экспедиции аргонавтов в 1280 году, в которую эпические поэты снарядили самых отважных героев, похоже, она была чисто коммерческим предприятием, не принесшим ощутимых результатов. Легенда преобразила воспоминания о реальном походе рыбаков и мореходов маленького порта Пагасы (ныне — Волос), расположенного неподалеку от Иолка. Однако мы можем извлечь из нее некоторые более-менее правдоподобные сведения. Авантюрист по имени Ясон, снискавший славу великого охотника в горах Фессалии, показался престарелому царю Иолка опасным соперником, и царь приказал ему привезти с малоизвестного в то время Черного моря как можно больше золота на «длинном» корабле, точнее, — на 50-весельной галере «Арго». После всевозможных остановок, грабежей на Лемносе, в Кизике, на Хиосе, у фракийцев и обитателей Вифинии участники похода пересекли Босфор, потом вдоль северного берега Малой Азии приплыли к устью Риони (античного Фазиса) в Грузии и пришвартовались приблизительно в пятидесяти километрах севернее Батума. Там они узнали, что лежащая далее земля богата стадами, лесами, благовониями и драгоценными металлами и что золотодобытчики пользуются бараньими шкурами, поскольку некоторые золотоносные реки оставляют на шерсти крупницы электрума. Вскоре местные жители начали проявлять враждебность к пришельцам. И все, что после четырехмесячного путешествия аргонавтам удалось привезти домой (да и то с огромным трудом), — это сведения об особенностях навигации, несколько легенд и женщину, подобно многим другим угодившую на борт корабля после очередного грабительского набега.

Запад

Автор Песни XII «Одиссеи» знает того же Иасона (из которого мы сделали Ясона) как исследователя Мессинского пролива, счастливого победителя чу-

довищ Сциллы и Харибды. Конечно, многие корабли стремились в Западное Средиземноморье не ради приключений, ведь пути были известны давно, а в поисках сокровищ — минералов, содержащих серебро, медь, олово, липарит... Тут археология подтверждает сведения, почерпнутые из легенд. Последние говорят нам, что задолго до систематической колонизации берегов Южной Италии и Сицилии и строительства там городов в VIII и VI веках толпы любителей приключений уже в эпоху Троянской войны пытались искать фортуны на крайнем Западе. Так, Эпея, умелого ремесленника и создателя Троянского коня, называли основателем Лагарии, городка неподалеку от Метапонта, где раньше уже поселились выходцы из Пилоса; Филокрета, вождя фессалийцев, сражавшихся под стенами Трои, — основателем Кримизы, Петелии и Макаллы между Кротоном и Сибарисом; аргосского героя Диомеда — строителем Аргириппы и даже Ланувия в Лацие. Орест, если верить легенде, какое-то время жил на берегах Мессинского пролива, царь Крита Идомея заложил Салент и т. д.

В классическую эпоху устраивались празднества в честь путешествий и подвигов Геракла в Центральной Италии, Лацие, Кампании и Бриттии. Раскопки, ведущиеся в Пульи, в районе от Бриндизи до Тарента, на берегах Неаполитанского залива, на Искье и в Виваре, в самом Лацие, в Луни-суль-Миньоне, явили свету прелюбопытную микенскую керамику времен названных героев. На первый взгляд похоже, что материал — родосского происхождения, а затем он был вывезен на Ионические острова и в Пилос, то есть Мессению. С другой стороны, до 1250 года Сицилия и Эолийские острова поддерживали растущие торговые связи с микенским миром, и лишь позднее двойное нашествие авзонийцев и сиколов положило им конец. Тем не менее в гробницах Панталики, Агригента, Сиракуз обнаружены различные микенские изделия более раннего периода — вазы, оружие и драгоценности, а это доказывает, что эллинство, прочно укоренившееся к югу

от горы Гарган и на берегах Тарентийского залива, распространяло свое влияние значительно дальше этих регионов, следуя таинственными путями мореплавателей.

Наемничество

Существовал и другой способ вернуться домой обремененным золотом и славой — послужить в войсках крупного иноземного полководца. Крестьяне дивной Меонии, богатых равнин побережья Анатолии, стран, «где текут млеко и мед», между Оронтом и Мертвым морем, наконец, обитатели Нильской долины ненавидели войну, и солдаты из них получались никудышные. Эпические сказания о подвигах Персея, Беллерофонта, Геракла, Тесея в Малой Азии показывают этих героев на временной службе у царей или цариц Лидии, Ликии, а то и более отдаленных стран. Кое-кто из них, как Беллерофонт в Ликии и Мопс в Киликии, даже сумели, в конце концов, воссесть на трон. Современные ученые, следуя примеру древних, допускают, что филистимляне в основном были критскими солдатами или пеласгами, сообщая поселившимися в районе Газы в конце бронзового века. Впрочем, карьера наемника не всегда заканчивалась счастливым обретением трона или земельных владений. Геракл, завершив службу у Лаомедонта в Троаде, не получил обещанных в награду коней. Во главе собственного войска и при поддержке саламинского героя Теламона он захватил Трою и убил не только царя, но всех его сыновей, кроме Приама. В Лидии, подрядившись за три таланта золота служить мифической царице Омфале, герой совершил немало подвигов, что не мешало обращаться с ним, как с рабом. По правде говоря, приписываемые Гераклу приключения у амазонок и на берегах Черного моря, как и экспедиция аргонавтов, довольно похожи на неудачи.

Что же принесли все эти пираты, торговцы, исследователи и наемники своей родной Греции, совершив каждый собственную «одиссею»? Несомненно, золото и серебро, объясняющие происхождение сокровищ Микен и Пилоса, увесистые драгоценности, которые мы находим на скелетах в некрополях, и то, от чего время не оставило следа, — сосуды, оружие, наркотики, благовония... Но главное, они принесли три бесценных дара, чье истинное значение смогло оценить лишь далекое будущее. Пусть Одиссей вернулся к Пенелопе с пустыми руками, он обрел нечто куда более ценное — не только практический и географический, но и чисто человеческий опыт. Царь Итаки не ограничился посещением чужеземных городов, он «познал нравы стольких людей!» Другие привозили с собой мудрецов и ученых, таких, как великие строители из Ликии, резчики по слоновой кости с Кипра, кузнецы с Родоса, Крита или из далекой Трояды. Иными словами, Греция цивилизовалась, соприкасаясь с народами, лучше организованными и обладавшими более высокой, нежели ее собственная, культурой.

Одиссей привез с собой и новые веяния, легенды и мечты, о которых можно рассказывать веками. Что это за наркотический напиток, *nepenthes*, успокаивающий боль, которым Елена поила гостей? Рецепт она вывела от некоей женщины в Египте, «где каждый — врачеватель». Сказитель возбуждает любопытство, подстегивает воображение, желание искать и добывать знания. Среди прочих наук, коими микенцы обязаны путешествиям в дальние страны, — бухгалтерия, управление дворцовым хозяйством, торговая переписка. За 600 лет до VIII века, когда греки заимствовали финикийский алфавит, Кадм, чье имя на семитских языках означает «Восточный», по-видимому, распространил в беотийских Фивах «кадмейские буквы». Раскопки, проведенные в 1963 году в микенском дворце акрополя Кадмеи в Фивах, познакомили нас с тридцатью дву-

мя восточными цилиндрическими печатями, причем на двух клинописью начертаны вавилонские имена и пожелания. Большинство датируется началом XIV века до Рождества Христова, и никто не знает, каким образом эти печати туда попали.

Наконец, моряки привозили с собой новые религиозные культы. Не только мифы вроде сказаний о сиренах, Протее, Сцилле. К пантеону присоединялись не известные ранее божества: Афродита пришла с Кипра, Аполлон — из Патары и Ликии, Артемида, вероятно, — из Лидии, а вместе с ними в Грецию хлынул целый мир обрядов, символов, моральных принципов и воцарился там на добрые пятнадцать сотен лет. Более того, моряки притащили с собой по волнам «колебателя суши» Посейдона, а тот, став супругом Амфитриты и, в свою очередь, морским владыкой, спасал последних микенцев, бежавших от родных пепелищ.

ЭПИЛОГ

Внешний блеск

Пожар, охвативший Трою около 1250 года до н. э., знаменует великий момент в формировании и истории греческого народа, ибо свидетельствует о его бесспорных военных успехах, богатстве и славе. Греки под именем ахейцев, данайцев и эллинов впервые осознали свои единство и мощь. Кажется, в те годы сама Европа мерялась силами с Азией. Хеттский царь, чьей власти покорствовалась большая часть Анатолии, признал царя «акхиявов» братом. Греческий империализм родился и пышно зацвел на берегах Малой Азии и до самой Сицилии. Эпические поэты, хронографы, составители каталогов отнюдь не заблуждались на сей счет. Для них Греция завершила бронзовый век и вошла в век героев — полубогов, державших штурмовать Дарданеллы или горы Ликии, сражаться с Химерами и амазонками, героев, чьи имена — Персей, Беллерофонт, Геракл, Тесей, Ахилл. И действительно, современный историк отмечает, что теократические монархии середины II тысячелетия, более или менее вдохновлявшиеся египетской моделью государственного устройства, в Греции уступили место оригинальной политической системе, своего рода двуединой монархии — полувоенной-полусудебной, централизованной и бюрократизированной, как в азиатских царствах, но в то же время позволявшей развиваться често-

любивым стремлениям и индивидуальным особенностям личности. Чуть позже приход к власти землевладельцев-аристократов ознаменовал вхождение Греции в куда более худший век — железный.

Благодаря «греческому морю» современники легендарного царя царей Агамемнона явно пользовались достижениями более совершенной технической цивилизации, чем их собственная, и во многом превзошли своих предшественников. За крепостными стенами жители городов чувствовали себя в большей безопасности, да и жизнь их была намного лучше организована. А поскольку микенцы, благодаря своим «баронам» и их чиновникам, контролировали производство даже в самых маленьких деревушках, у них имелась надежда избежать нищеты и голода. Более дисциплинированные военные теперь располагали опасными для врага изобретениями: сотнями боевых колесниц, длинными бронзовыми мечами, легкими и прочными доспехами, наконец, хорошо отлаженным аппаратом материально-технического обеспечения. Скотоводы выгоняли на пастбища большие стада лошадей, коров, овец, коз, а земледельцы уже не довольствовались выращиванием кормовых или зерновых культур, но сеяли лен, растения, содержащие красители, сажали и обрабатывали масличные, собирали ингредиенты для благовоний, искали и находили новые целебные травы.

Палубные корабли с полубаками и волнорезом позволяли целым стаям авантюристов передвигаться быстрее и дальше, наносить противнику более чувствительные удары и обогащаться. По сути дела, в XIII веке до н. э. весь материальный прогресс держался на мастерах своего дела — плотниках, писцах, кузнецах, шорниках, тренерах лошадей, ткачах и корабелях.

Реальные горести

В действительности же греческий народ жил тогда далеко не счастливо. Истинной радости бытие не приносило. Новая веселенькая война не могла ни за-

менить такую радость, ни дать все необходимое для безбедного существования. Печальное время — век героев! В городе, при относительной роскоши, внешнем порядке и сильной власти, нравы могли быть весьма утонченными, но при всем при том царила военная экономия, бюрократизм, кровавые жертвоприношения, усиленная эксплуатация женщин и детей, с утра до вечера трудившихся в мастерских за литр ячменя и горсть смокв.

В деревнях — слишком много овец и коз, но явно недостаточные посадки зерновых, гигантская масса неимущих, обреченных ковыряться в земле, пасти скот или кустарничать, имея самый мизерный доход из-за недорода, засухи, эпидемий и войн. В горах и на море, правда, существовала относительная свобода, но, увы, та же, что и в джунглях.

Клитемнестра, Антигона, Электра, Пенелопа, Алкеста, Эрифила, Кассандра... — сколько страстных, нестигаемых и несчастных женщин! Гречанка в те дни должна была работать, страдать и умирать ради мужчины. Эдип, выкалывающий себе глаза, обретает значение символа: царь, казалось бы, преуспевший во всех начинаниях, ослепил себя, чтобы не видеть ужасов своего времени. Другие уходили в заросли на горных склонах или прятались в глубоких гротах. XIII век до Рождества Христова — не столько век героев, сколько эпоха бунтарей, восставших против экономической и социальной системы, ибо она стала невыносимой.

Чего же не хватало в хлебе насущном при царствовании Агамемнона, чтобы он обрел такой же вкус, как во времена Перикла и Александра, двух других военных вождей? Великих завоеваний эллинского духа: научных знаний, художественной пластики, демократии, мудрости? Да, именно мудрости больше всего недоставало покорителям Трои. Ахейский мир страдал от утраты чувства меры, точнее от несоразмерности. Его вождям хотелось уподобиться фараонам или хеттским владыкам, построив собственную Великую Порту в Микенах, Фивах или Пилосе, хотя они вечно враждовали друг с

другом, а единственный раз выступив сообщая — против Трои, сумели продемонстрировать лишь разногласия и взаимную неприязнь. Многие считали себя богами или потомками богов. А им следовало научиться быть людьми. Подобно Гераклу, Эдипу или Ахиллу, они спутали искусство жить с желанием красиво умереть или красиво убивать. Тщетно искать здесь улыбку, как на древнем Крите. Все, что нам оставила традиция, — несколько имен воинов, вечно оплакивающих свою трагическую судьбу, а на самом деле — безрассудство.

Конечная гибель

Эта ущербная, беспокойная и хрупкая цивилизация продержалась не более 400 лет в континентальной Греции и на Пелопоннесе, 200 — на островах и всего несколько лет — в далеких колониях Египта, Малой Азии или Италии. Да и то не без перебоев. Осталось выяснить, что за угроза нависла над городками, исчезнувшими между 1230 и 1190 годами до н. э. Что их погубило? Соблазнительно ссылаться на грабительские рейды «народов моря», упоминаемых в триумфальных надписях египетских фараонов Меренптаха и Рамзеса III. Но помимо того, что эти народы не являлись ни македонцами, ни фракийцами, ни иллирийцами, а, по-видимому, жили на берегах Азии и Африки, помимо того, что микенские таблички, да и вся греческая история их игнорирует, сама организация обороны в Греции, грозные крепости, вербовка армий, крепкие экономические и военные структуры, экспансия и жизнестойкость ахейцев в течение двух веков исключают возможность внезапного нападения на их земли, тем более — банд морских разбойников. Не верится, что военные вожди — спутники Агамемнона — могли опасаться внешних врагов. Абсолютно все свидетельствует против этого. Независимые правители Мидея, Глы, Крисы или Иолка окружали свои крепости неприступными стенами скорее для того, чтобы защититься от себе подобных, нежели от варваров.

Заметим также, что не все греческие города сгорели, а сожженные дворцы Кносса, Фив, Микен, Тиринфа, Спарты, Пилоса и, наконец, Иолка были разрушены не одновременно. В некоторых из них, частично восстановленных после пожара, продолжали жить. А окрестные города, вполне процветавшие между 1250 и 1200 годами, порой сохранились в неприкосновенности, как мы видим на примере Трои, Микен, Аргосы, Асины: факт примечательный в эпоху, когда война со всеми ее ужасами являлась частью повседневной жизни каждого человека. Античные авторы так часто воспевали подвиги дорийцев и возвращение на Пелопоннес Гераклидов, что гибель микенских государств нередко приписывалась внезапному нашествию народов Центральной Греции, изгнавших перепуганных местных жителей в горы и на острова. Надо признать, мы не представляем, откуда явились дорийцы, и не было ли это слово весьма обобщающим названием обитателей лесных массивов, скажем, в окрестностях Эты и на Крите. А главное — не ясно, в какое время между XI и IX веками дорийский диалект заменил разговорный язык микенской эпохи.

Невозможно допустить, что столь сложное явление, как гибель целой цивилизации, могло иметь одну-единственную причину. Смерть греческого воина — лишь завершение череды ошибок, неудач, невезений. Города рано или поздно должны были ослабить многие проблемы: эпидемии, голод, засухи, наводнения, случайные пожары, кишечные заболевания, но в первую очередь — смертоносные войны с соседями. И все-таки, чтобы попытаться объяснить катастрофу, изничтожившую между 1250 и 1200 годом столько «ладно скроенных» дворцов и прекрасно укрепленных твердынь, надо одновременно принять в расчет или сложить вместе несколько причин. Наиболее распространенным мог быть следующий механизм распада: мелкие монархии так расцвели и окрепли благодаря земледелию, скотоводству и развитию ремесел, что вызвали ненависть подчиненных народов и менее удачливых соседей. Царствующи-

щий дом могли ослабить сразу несколько несчастий: недороды, кораблекрушения, болезни, соперничество, недостаток взаимопонимания, старость правителя. Все это потрясло общество снизу доверху. Целый рой мелких феодалов или местных вождей восставали, отказывались платить налоги и подчиняться чиновничьему контролю, а при случае не брезговали пиратством и разбоем. Самые храбрые сговаривались между собой и шли брать дворцы, где, как все знали, было полным-полно сокровищ, а законный хозяин, как Одиссей или Ахилл, отправился искать удачи в Троаду. Нельзя безнаказанно на столько лет оставлять Пенелопу во дворце одну, среди множества молодых сеньоров. Рассказы трагических поэтов об Эдипе, завладевшем городом Кадмом, или о Тесее, воцарившемся в Афинах и сбросившем старца Эгея с вершины акрополя, о Семерых против Фив, о кровавых «разборках» Атрея, Фиеста и их наследников, о бегстве Алкмеона, последнего царя Пилоса, — вся эта ужасная череда бунтов и схваток из-за наследства, видимо, в целом отражает повседневную действительность второй половины XIII века до н. э. И, если заглянуть в историю Греции XIII века новой эры, мы увидим совершенно аналогичную картину, причем в тех же городах — в Фивах, Афинах, Коринфе, Аргосе, Навплии или Модоне. Византию куда в большей степени погубили внутренние склоки, чем удары внешних врагов. И абсолютно очевидно, что драмы в семьях крупных греческих арматоров современности — лишь повторение античных драм — фиванских, микенских, трезенских.

В чем мы можем быть уверены, так это в том, что после низвержения последних владык «по божественному праву», тех, кого глиняные таблички называют *wanake(s)*, мелкопоместные господа, деревенские «сеньоры», по-гречески — *basileis*, стали, в свою очередь, царями. Но уже в тот момент, когда дворцы охватывало пламя, вассалы принимались готовить новые смуты. В наших дворцовых документах речь идет почти исключительно о долгах. Астрономические подати, от которых пытались избавиться налого-

плательщики, кляузы, общая нехватка офицеров или гребцов, — все доказывает, что города, считавшиеся неприступными, были взяты изнутри. В конце концов, троянцы сами втащили пресловутого коня в собственную крепость. Напав на Трояду, чьи керамика и топонимы так близки их омологам в континентальной Греции, вожди ахейцев считали, что всего лишь хотят укротить мятежные города, свои собственные, ведь все они произошли от того же самого корня. И — кто знает? — возможно, Троянская война — самый яркий и достоверный пример восстаний, которые привели к уничтожению всей ахейской цивилизации.

Что они оставили потомкам

Неужели от этой столь многотрудной эпохи совсем ничего не осталось? От стольких честолюбивых замыслов и надежд, от побед и свершений, от великих охотничьих предприятий и дерзновенных путешествий... Неужели сохранились лишь звучные имена и прекрасные легенды? А как же ремесленники, пастухи, мореходы?

Что — ушли навсегда? Погибли безвозвратно?

Разумеется, микенское наследие — не улыбка, не цветок среди песков, не мечта о счастье, и оно совсем не такое, как величайшие сокровища минойского Крита. Тем не менее современники Одиссея и Агамемнона тоже оставили грекам I тысячелетия до н. э. кое-какие непреходящие ценности, ибо они дошли и до нас. Я имею в виду не золотые маски из Микен, на мой взгляд, весьма уродливые и вдобавок никому не известные до 1876 года. Микенцы оставили нечто гораздо более долговечное, чем все складки их одежд, все сокровища их гробниц, чем все их длинные деревянные галеры, горшки из глины или бронзы и даже великолепные каменные цитадели: свой дух, идеи, изобретения, мораль. И в первую очередь словарь, которым все еще пользуется человечество, — религиозный, политический, юридический, ремесленный и

военный. Среди тысяч других слов в языках народов мира живут и понятие богов, *theos*, и народовластие, *demos*, и архитектура, *tekton*, и врач, *iater*... Восхваления непокоренных и надгробные песнопения в честь усопших героев подтолкнули воображение эпических поэтов, а потом и драматургов. Греческий театр трагедии родился из реальных драм, случавшихся в Фивах, Тиринфе, Аргосе. Микенская Греция собрала поразительную коллекцию примеров для грядущих поколений. Мужчины и женщины, бывшие некогда реальными личностями, превратились в классические персонажи, олицетворяющие различные типы страстных борцов. Отлично зная, что все судьбы взвешены заранее, они обладали именно страстью к опасности, риску, игре, и даже в честь погибших устраивали спортивные состязания. Потомки сохранили их страсть навсегда.

Откуда же еще могла взяться любовь сегодняшнего грека к открытым дискуссиям, столкновениям идей, соревнованию и конкуренции, если не от эпохи, когда горстка храбрецов ниспровергала троны, отправлялась в бесконечные путешествия, открывая новые земли и сражаясь с другими героями? Эдип, Геракл, Ясон, Одиссей — эти истинные творцы самих себя полагали, что любое чудовище, будь то Сфинкс, Гидра, Дракон или Протей, можно победить, воззвав к человеческой воле. Их далекие потомки не забыли тот урок. «Есть много чудес, — говорит Софокл, — но нет ничего чудеснее человека». Возможно, одно из редчайших достоинств героев Троянской войны — вера не в мудрость, а в силу человека.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Микенские документы, начертанные линейным письмом В (известные на 31 декабря 1992 г.)

The Knossos Tablets. A transliteration by J.T.Killen and J.-P.Olivier. *Suplementos a Minos*. Num.11. Salamanque, 1989.

Godart L. и др. 501 raccords et quasi raccords de fragments dans les tablettes de Cnossos post KTV, *Minos*, N.S. XXV—XXVI. Salamanque, 1990—1991 (1993), p. 373—411.

Melena José и др. 55 raccords de fragments dans les tablettes de Cnossos, *Minos*. Там же, p. 413—417.

Chadwick J., Godart L., Killen J.T., Olivier J.-P., Sacconi A., Sakellarakis I. *Corpus of the Mycenaean Inscriptions from Knossos*. Vol. I (1—1063). Cambridge University Press et Edizioni dell'Ateneo. Roma, 1986 (1987); Vol. II (1064—4495 et 107 suppl. Racc.), *ibid.* 1990 (1992).

Bennett Emmett L. Jr., Olivier J.-P. *The Pylos tablets transcribed, I: Texts and notes; II: Hands, concordances, indices*. Roma (Ed. dell'Ateneo), 1973—1976.

TITHEMY. The tablets and nodules in linear B from Tiryns, Thebes and Mycenae. A revised transliteration by José L.Melena and J.-P.Olivier. *Suplementos a Minos*. Num. 12. Salamanque, 1991.

MYKENAIKA, Actes du IX Colloque international sur les textes mycénien et égéens (Athenes, 2—6 Octobre 1990), édités par J.-P.Olivier, Ecole Francaise d'Athenes, B.C.H. Supplement XXV, 1992 (1993), p. 453—455, mention des inscriptions de Mallia. Mamelouko, Le Canée (3 tablettes).

2. Интерпретации и основные комментарии

Chadwick J. And Baumbach Lydia. *The Mycenaean Greek Vocabulary*. — *Revue «Glotta»* (Göttingen). t. XLI (1963), pp. 157—271; t. XLIX (1971), pp. 151 et suiv.

Deroy L. *Initiation à l'épigraphie mycénienne*. Rome (Ed. dell'Ateneo), 1962.

Doria M. *Avviamento allo studio del miceneo. Struttura, problemi e testi*. Rome (Ed. dell'Ateneo), 1965.

Gerard-Rousseu Monique. *Les mentions religieuses dans les tablettes mycéniennes*. Rome (Ed. dell'Ateneo), 1968.

Halleux Robert. Lapis-lazuli, azurite ou pate de verre? — «Studi Micenei ed Egeo-Anatollici» (sigle SMEA). Rome, t. IX (1969), pp. 47—66.

Killen J.T. The Wool Industry of Crete in the Late Bronze Age. — «The Annual of the British School at Athens» (sigle BSA), t. 59 (1964), p. 1—15.

Lejeune M. Memoire de philologie mycénienne, 1-re série (1955—1957), Paris (CNRS), 1958; 2-e série (1958—1963). Rome (Ed. dell'Ateneo), 1971; 3-e série (1964—1968). Rome (Ed. dell'Ateneo), 1972.

Palmer L.R. The interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxford (Clarendon Press), 1963.

Ruijgh C.J. Etudes sur la grammaire et le vocabulaire du grec mycénien. Amsterdam (A.M. Hakkert), 1967.

Ventris Michael and Chadwick John. Documents in Mycenaean Greek. Second edition, by John Chadwick. Cambridge (University Press), 1973.

Vilborg E. A Tentative Grammar of Mycenaean Greek. Göteborg (Almqvist and Wiksell), 1960.

Faure P. Ulysse le Cretois. Fayard, 1986 (tablettes traduites, p. 300—377); Parfums et aromates de l'Antiquité. Fayard, 1991, p. 99—145.

3. Ближневосточные тексты, современные микенским документам

Caquot A., Labat R., Sznycer M., Vieyra M. Les Religions du Proche-Orient asiatique. Paris (Fayard-Denoël), 1970.

Gordon C.H. Ugarit and Minoan Crete. New York (W.W. Norton and co), 1966.

Huxley G.L. Achaeans and Hittites. Oxford (At the Vincent-Baxter Press). 1960.

Nibbi Alexandra. The Sea Peoples: A Re-examination of the Egyptian Sources. Oxford (Copyright A.Nibbi), 1972.

Pritchard J.B. Ancient Near Eastern Texts relating to the Old Testament. 3d Ed. with Supplement. Princeton-New Jersey (Princeton University Press), 1969.

Page Denys. History and the Homeric Iliad. Berkeley-Los Angeles (University of California Press), 1972.

Sommer Ferdinand. Die Ahhijawa-Urkunden. — «Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften». Phil.-hist. Abteilung, N.F. 6 (1932), XIV et 469 p.

Vercoutter J. L'Égypte et le monde égéen préhellénique. Le Caire (Coll. I.F.A.O. C., Bibl. D'Etudes), 1956.

4. Греческий эпос и мифология

Homere: a) Iliade, b) Hymnes homeriques, c) Odyssee. Collection G. Budé. Paris (Soc. D'Ed. Les Belles Lettres), 1924, 1936, 1937.

Chapouthier F. Les Dioscures au service d'une déesse. Paris (De Boccard), 1935.

Diel P. Le Symbolisme dans la mythologie grecque, étude psychanalytique. Paris (Payot), 1966.

Grimal P. Dictionnaire de la Mythologie grecque et romaine. Paris (Presses Universitaires de France), 1958.

Finley M.I. Le Monde d'Ulysse, traduction Cl.Vernant-Blanc. Paris (F. Maspero), 1969.

Lindsay Jack. Helen of Troy, Woman and Goddess. London, (Constable), 1974.

Nilsson M.P. The Minoan-mycenaean religion and its survival in greek religion. Lund (C.W.K. Gleerup), 1950.

Robert Fernand. Homère. Paris (P.U.F.), 1950.

Vellay Ch. Les Légendes du Cycle Troyen. Imprimerie nationale de Monaco, 1957.

Wace Alan J.B. and Stubbings Fr.H. A Companion to Homer. Londres (Mac Millan), 1962.

АРХЕОЛОГИЯ

Archaeologia Homerica, ouvrage collectif, publié sous l'égide de l'Institut Archeologique Allemand et la direction de F.Matz et H.G.Buchholz. Göttingen (Vandenhoek u. Ruprecht), 1967 et suiv.

Basch Lucien. Le musée imaginaire de la marine antique. Athènes. Institut pour la préservation de la tradition nautique, Octobre 1987.

Bass G.F. (and contributors). A History of Seafaring based on underwater Archaeology. New York (Walker and Co), 1972.

Blegen C.W. Troy and the Trojans. London (Tgames and Hudson), 1963.

Blegen C.W. The Mycenaean Age. Cincinnati (Libr. of the University), 1962.

Blegen C.W., Caskey J., Rawson M. Troy, t. IV. Princeton (University Press), 1958.

Blegen C.W. и др. The Palace of Nestor at Pylos in Western Messenia. Princeton (University Press), t. I—III, 1966—1973.

Cook J.M. The Troad. An archaeological and topographical Study. Oxford (Clarendon Press), 1973.

Dörpfeld W. Troja und Ilion, Ergebnisse der Ausgrabungen 1870—1894. Athenes (Beck-Barth), 1902.

Dumas F., Bass G.F., Throckmorton P. и др. L'archéologie subaquatique, une discipline naissante, UNESCO. Paris, 1973.

Furumark A. The Mycenaean Pottery. I Analysis and Classification; II — The Chronology. Stockholm (Pettersson), 1941.

Lorimer H.L. Homer and the Monuments. London (Mac Millan), 1950.

Marinatos Sp., Hirmer M. Kreta, Thera and das Mykenische Hellas. Munich (Hirmer), 1973.

Mylonas G. Mycenae and the Mycenaean Age. Princeton (University Press), 1966.

Schlieman H. Mycenes. Paris, 1879; Tirynthe. Paris, 1885; Iliions. Vie et Pays des Troyens. Paris, 1885.

STUDIA TROICA, sous la direction de Manfred Korffmann, fouilleur de Bechik Tepe et d'Ilion (1984—1992). t. 1—3, Mayence (Philipp von Zabern), 1991—1993.

Taylor William. Mycenaean Pottery in Itali. Cambridge (University Press), 1958.

Tsountas Chr., Manatt Irving. The Mycenaean Age, with an Introduction by Dr. Dörpfeld (1897); Chicago (Argonaut), 1969.

Van Effenterre H. Les Egeens. Aux origines de la Grece. Chypre, Cyclades, Crete et Mycenes. A.Colin, 1986.

Wace A. Mycenae. An Archaeological History and Guide. Princeton (University Press), 1949.

ГЕОГРАФИЯ И ГЕОЛОГИЯ

Calder W.M., Bean E. A Classical Map of Asia Minor. London (British Institute of Archaeology at Ankara), 1958 (Перепечатка карты). J.G.C. Anderson. Map of Asia Minor. Ed. John Murray. Масштаб: 1/2000000.

Georgacas D., McDonald W.A. Place Names of the S.W.Peloponnesus. Mineapolis (University of Minnesota Press), 1967.

Hope Simpson R. A Gazetteer and Atlan of Mycenaean Sites. London (Institute of Classical Studies), 1965.

Katrakis Stavros. Oryktos Ploutos kai Oikonomike Anaptyxis tes Khoras. Athenes (Ed. Tekhnikon Epimeleterion tes Hellados), 1965.

Kolodny E. La Population des iles` de la Grece. Essai de géographie insulaire en Mediterranee orientale, 3 vol., Aix-en-Provence (Edisud), 1974.

Naval Intelligence Division. The Geographical Handbook Series, BR 500 «Dodecanese», vol. 1; BR 516-516 A «Greece». Londres, 1943—1945.

Philippson A., Kirsten E. Die Griechischen Landschaften, 4 tomes en 8 volumes, Frankfurt-sur-Main (Vittorio Klostermann), 1950—1959.

Zachos K., Maratos G. Carte metallogénique de la Grèce. Athènes (Institute for Geology and Subsurface Research), 1965. Масштаб 1:1000000.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Acta of the 2d International Colloquium on Aegean Prehistory. Athenes (ministère de la culture et des sciences), 1972.

Actes des Colloques de 1971 et 1972 sur l'esclavage. 2 vol., Paris (Les Belles Lettres), 1973, 1974.

Berard Jean. L'Expansion de la colonisation grecque jusqu'aux guerres médiques. Paris (Montaigne), 1960.

The Cambridge Ancient History. t. II, fasc. 1, 3e ed. Cambridge (University Press), 1973.

Cassola F. La Ionia nel mondo miceneo. Rome (Scientifiche Italiane), 1958.

Cottrell L. Dictionnaire encyclopédique d'archéologie. Paris (Société d'Etudes de Dictionnaires et d'Encyclopédies), 1962.

Demargne P. Naissance de l'Art grec. Paris (Gallimard), 1964.

Desborough V. The last Mycenaean and their successors. Oxford (Clarendon Press), 1964.

Deshayes J. Les Civilisations de l'Orient ancien. Paris (Arthaud), 1969; Dictionnaire archéologique des techniques. 2 vol., Paris (Ed. de l'Accueil), 1963—1964.

Duchemin Jacqueline. La Houlette et la Lyre. Paris (Les Belles Lettres), 1960.

Faure P., Gaignerot M.-J. Guide Grec Antique. Hachette Université, 1991.

Finley Moses I. Aspects of Antiquity. Londres (Chatto and Windus), 1968.

Finley Moses I. Les Premiers Temps de la Grèce: l'âge du bronze et l'époque archaïque. Tr. Fr.Hartog, Paris (Fr.Maspero), 1973.

Forbes R.S. Studies in Ancient Technology. Leiden (Brill) 9 vol., 1953—1961.

Harmand J. La Guerre antique de Sumer à Rome. Paris (P.U.F.), 1973.

Hood S. *The Home of the Heroes: the Aegean before the Greeks*. London (Thames and Hudson), 1967.

Iakovidis, Karageorgis, Sakellariou et autres collaborateurs. *Historia tou Hellenikou Ethnous*. T. I. Athenes (Ekdotike Athenon A.E.), 1970.

Lenchman J.M. *Die Sklaverei im Mykenischen und Homerischen Griechenland*. Wiesbaden (F. Steiner), 1966.

Martin R. *Manuel d'Architecture grecque: matériaux et techniques*. Paris (Picard), 1965.

Matton R. *Rhodes*. Athenes (Institut Francais), 1954.

Matton R. *Mycenes et l'Argolide antique*. Athenes (Institut Francais), 1966.

Matz Fr. *Le Monde égéen, Troie, Crete, Mycenes*. Paris (Correa), 1956.

Matz Fr. *La Crete et la Grece primitive*. Paris (Albin Michel), 1962.

The Mycenaean in the Eastern Mediterranean. Nicosia (Depart of Antiquities), 1973.

Orlandos A.K. *Les Matériaux de construction et la technique architecturale des anciens Grecs*. Traduction de V.Hadjimichali et K.Laumonier, 2 vol. Paris (De Boccard), 1966, 1968.

Palmer L. *Mycenaean and Minoans. Aegean prehistory in the light of linear B tablets*. 2 ed. Londres (Faber and Faber), 1965.

Rost G.A. *Vom Seewesen und Seehandel in der Antike*. Amsterdam (Grüner), 1968.

Sakellariou M. *La Migration grecque en Ionie*. Athenes (Institut Francais), 1958.

Schachermeyer Fr. *Die ältesten Kulturen Griechenlands*. Stuttgart (Kohlhammer), 1955.

Stella L.A. *La civiltà micenea nei documenti contemporanei*. Rome (Ed. dell'Ateneo), 1965.

Taylor William. *The Mycenaean*. Londres (Thames and Hudson), 1964.

Treuil R., Darcque P., Poursat J.-Cl., Touchais G. et collaborateurs. *Les civilisations égéennes du Néolithique et de l'Age du Bronze*. Paris, PUF, Nouvelle Cléo. 1er ter, décembre 1989.

Vermeule Emily. *Greece in the Bronze Age*. Chicago (University Press), 1964.

Vignerot P. *Le Cheval dans l'Antiquité*, 2 vol., Nancy (Berger-Levrault), 1968.

Zervos C. *Naissance de la Civilisation en Grece*. Paris (Cahiers d'Art), 1963.

СОДЕРЖАНИЕ

Воскрешение целого мира	6
Источники	7
Археология	9
Ахейцы и египтяне?	16
Ахейцы и хетты	17
Микенское письмо	20
Мир и человек	26
Микенская Греция	27
Горы	27
Равнины	35
Море	39
Острова	40
Происхождение греческого народа	42
Человеческие типы	48
Единство	53
Языки	54
Классы	55
Сплочение	57
Психология	59
Психоанализ	61
Представления о мире: пространство	62
Время	64
Ветер	65
Море и вода	66
Земля	67
Огонь	68
Ощущения	69
Специи	72
Пища	74
Искусство принимать гостей	75
Воссоздание народа	78
Обитатели цитаделей	79
Строители	80
Ремесленники	85
Кузнецы	86
Медники	88
Ювелиры	90
Гончары	92
Сукновалы и красильщики	94
Парфюмеры	95
Ремесленники других профилей	98
Ткачи	99
Краснодеревщики	100
Драгоценности	102
Резчики по слоновой кости	103
Счетоводы	104
Художники	107

Сановники	109
Так кто же правил?	110
Прорицатели и врачи	112
Теократия	113
Разные культы	115
Храмы	119
Жертвы	123
Люди войны	127
Под Троей	127
Почему разразилась война?	129
Две категории воинов	132
Регулярные войска	132
Лошади	133
Боевые колесницы	134
Шлемы и доспехи	137
Лучники	137
Бронзовое оружие	138
Униформа	139
Война и ритуалы	140
Воспитание воинов	142
Военная организация	145
Логистика	146
Способы ведения боя	147
Троянский конь	149
Осадные войны	151
Похороны и перемирия	152
Герои и вольные отряды	152
Раса Героев	153
Вербовка	154
Как становились героями	155
Охота	156
Подвиги и индивидуальные черты	158
Главари банд	161
Партизаны	162
О пользе героев	164
Люди земли	167
Дома из кирпича-сырца	167
Глинобитные дома	169
Бутовые дома	169
Меблировка	171
Каменные дома	172
Скальные жилища	173
Сельские поселения	174
Скотоводы	176
Коневоды	178
Пастухи крупного рогатого скота	179
Овцы и козы	181
Пастухи за работой	182
Обработка шерсти	184
Значение скотоводства	185
Дровосеки	187

Рудознаты	188
Драгоценные материалы	191
Карьеры	191
Сады и огороды	192
Земледелие и скотоводство	193
Система землепользования	194
Пахота и сев	198
Зерновые	200
Жатва	201
Обмолот и помол	202
Лен и связанные с ним работы	203
Фрукты и виноград	205
Оливки и масло	206
Мед и ароматические травы	207
Сельские обычаи и культы	208
Сельские ремесленники	210
Горшечники	211
Кузнецы	212
Люди моря	214
Путь	214
...открытый сто дней в году	215
Опасности	216
Корабелы	217
Типы судов	218
«Длинный» корабль	220
Лодки	222
Техника сборки	223
Предназначение кораблей	225
Рыбная ловля	226
Пурпурницы и багрянки. Морские водоросли	228
Засолка и собирание	230
Береговые стражи	231
Пираты	232
Рождение коммерции	232
Жизнь на борту	233
Транспортные суда	234
Торговые поселения	235
Торговое проникновение: восток и юг	238
Север	239
Запад	241
Наемничество	243
Благодеяния моря	244
Эпилог	246
Внешний блеск	246
Реальные горести	247
Конечная гибель	249
Что они оставили потомкам	252
Библиография	254

Фор Поль
Ф 79 Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны. — М.: Мол. гвардия; Палимпсест, 2004. — 262[10] с. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02371-4

Как это ни удивительно, о повседневной жизни древних греков, современников Троянской войны, известно не так уж мало. Поль Фор, известный ученый и исследователь, посвятивший более тридцати лет своей жизни изучению археологических находок, относящихся к этому периоду, со многими подробностями рассказывает нам о том, как древние греки возделывали землю, какие злаки выращивали, как воевали, путешествовали, занимались ремеслами, строили жилища, молились богам и приносили им жертвы, становились разбойниками и героями.

УДК 937/938
ББК 63.3(0)32

Поль Фор
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГРЕЦИИ
ВО ВРЕМЕНА ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ.

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **В. М. Петров**
Художественный редактор **К. Г. Фадин**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Плятова, Е. В. Феокистова**

Лицензия № ЛР 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 04.11.2002. Подписано в печать 09.02.2004. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л. 14,28+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 97346.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02371-4

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

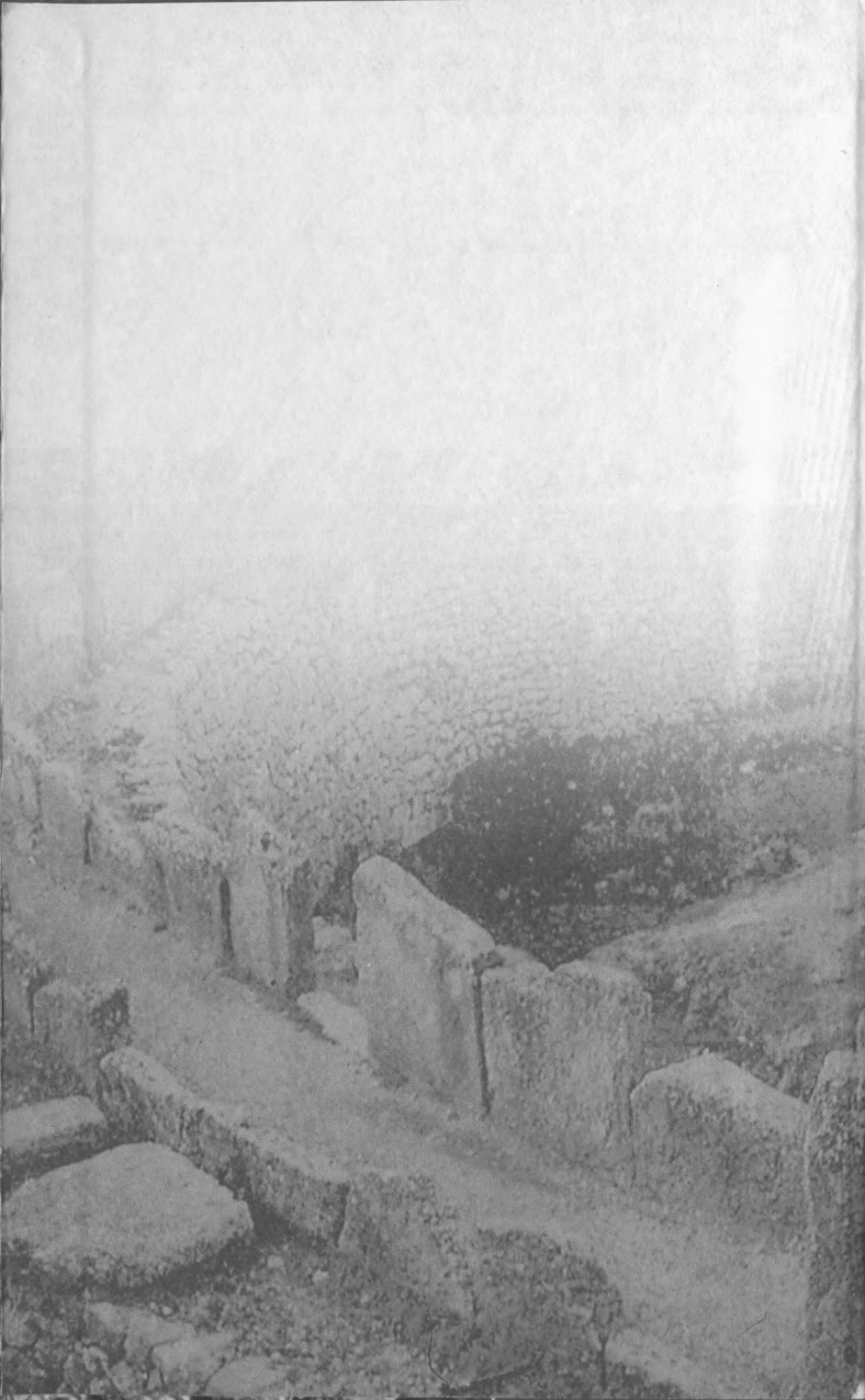
**В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.**

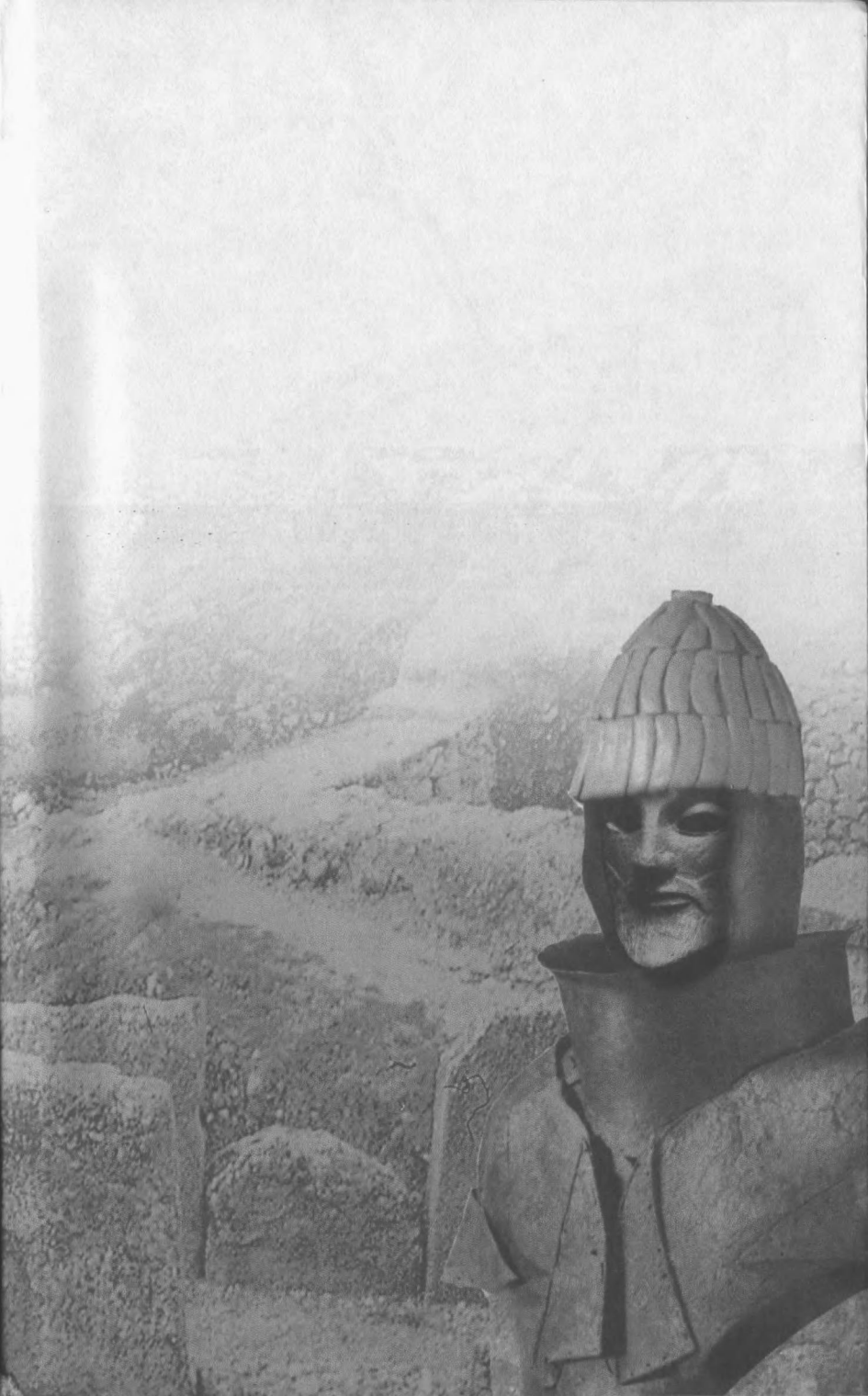
Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

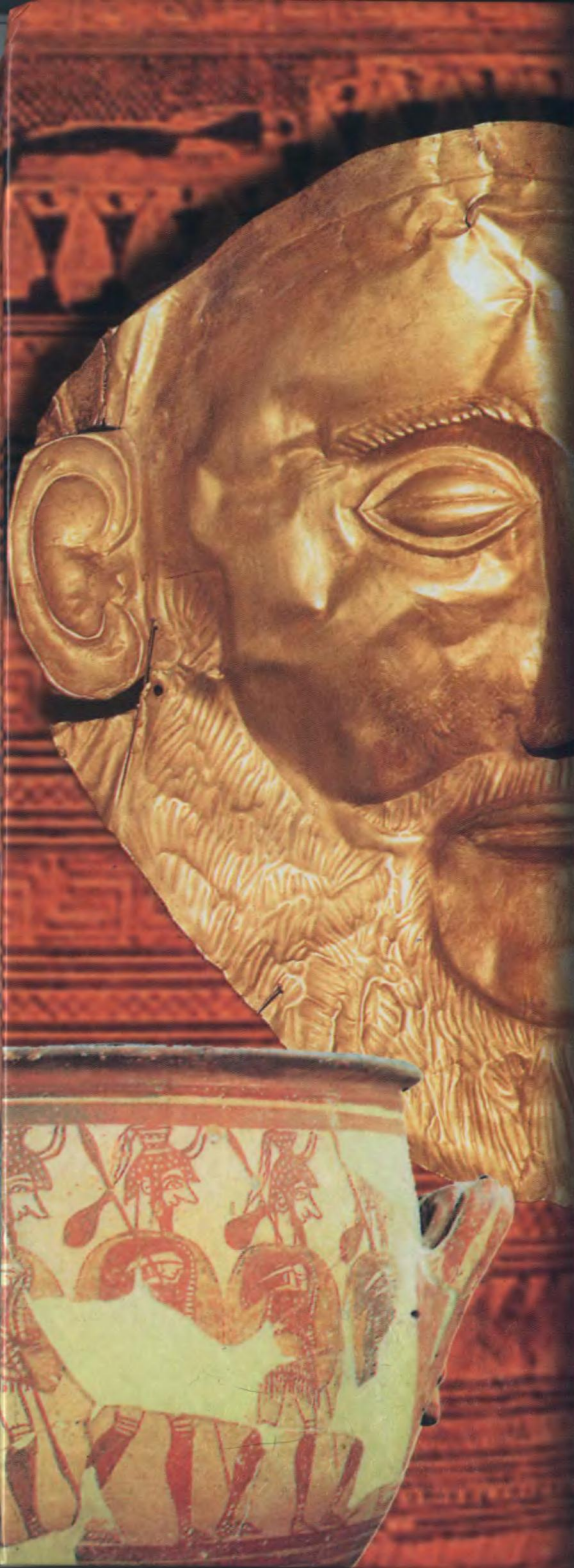
Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

<http://mg.gvardiya.ru> © book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

Л. Крете

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КАЛИФОРНИИ ВО ВРЕМЕНА
ЗОЛОТОЙ ЛИХОРАДКИ

Ж. Бордонов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ТАМПЛИЕРОВ В XIII ВЕКЕ

Л. Адлер

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕВРОПЕЙСКИХ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ

М. Дефурно

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИСПАНИИ ЗОЛОТОГО ВЕКА

ISBN 5-235-02371-4

9 785235 023710

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ